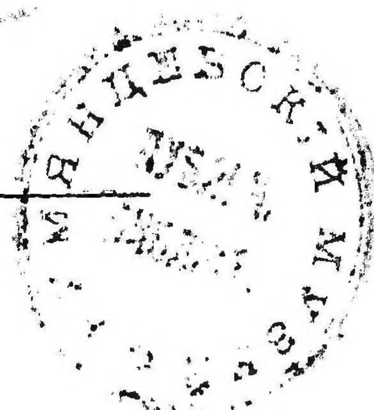
Княгиня

Елена Глинская.

Историческая повѣсть.

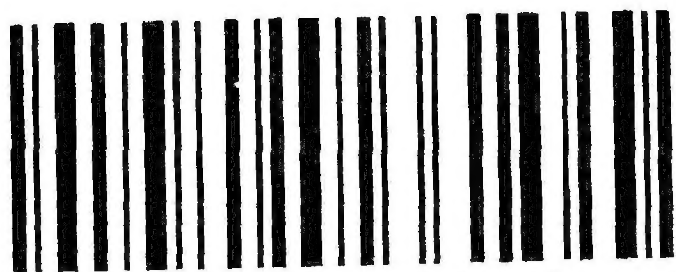
Д. Дмитріева.

Въ пользу Комитета, россійскаго общества Краснаго Креста, «Христіанская Помощь», состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., св. д.
МОСКВА. — 1899.

Дозволено цензурою. Москва, 27 января 1899 года.

Княгиня Елена Глинская.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

«Можетъ-быть, Елена, воспитанная въ знатномъ, владѣтельномъ домѣ и въ обычаяхъ нѣмецкихъ, коими славился ея дядя, Михаилъ, имѣла болѣе пріятности въ умѣ, нежели тогдашнія юныя россіянки, наученныя единственно цѣломудрію и кроткимъ, смиреннымъ добродѣтелямъ ихъ пола».

Н. Карамзинъ.

I.

Шелъ 1534 годъ. Поздній вечеръ, ненастный, сентябрьскій; мелкій дождикъ сыпалъ, какъ изъ рѣшета; порывистый вѣтеръ бушевалъ на просторѣ и сбивалъ съ деревьевъ послѣдніе пожелтѣвшіе листья. На грязныхъ московскихъ улицахъ тишина, — ни пѣшаго ни коннаго не видно; не видно нигдѣ даже огонька. Въ осеннюю пору всѣ ложатся пораньше. По направленію къ Кремлю, по Воздвиженкѣ, тихо ѣхалъ верхомъ Борисъ Дятловъ, сынъ Василія Дятлова, служившій старшимъ ловчимъ при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ. Великій князь любилъ и жаловалъ своего ловчаго, приблизилъ его къ своему трону, на зависть его товарищамъ.

Дятловъ остановился около невысокаго забора; это былъ очень длинный заборъ, огораживавшій большой садъ, который примыкалъ къ огромнымъ хоромамъ великокняжескаго дворецкаго боярина Ивана Юрьевича Шигоны. Дятловъ посмотрѣлъ по сторонамъ и, не увидя

никого, слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ колу, воткнутому въ землю, а самъ сталъ тихо перелѣзать черезъ заборъ; вотъ онъ и въ саду; крадучись пошелъ онъ по протоптанной дорожкѣ къ бесѣдкѣ, которая стояла посреди огромнаго боярскаго сада. Бесѣдка была просторна и украшена причудливой рѣзьбой; въ единственное полукруглое окно вставлены были стекла, что въ ту пору почиталось за большую рѣдкость. Дверь была не заперта. Борисъ отворилъ ее и очутился въ бесѣдкѣ. Посреди бесѣдки стоялъ рѣзной дубовый столъ, а по стѣнамъ—широкія скамьи; лѣтомъ въ послѣобѣденную пору Иванъ Юрьевичъ Шигона любилъ отдыхать въ этой бесѣдкѣ.

Дятловъ снялъ съ себя промокшій охабень и остался въ одномъ полукафтаньѣ голубого сукна, шитомъ серебромъ. Это былъ красивый, статный молодой человѣкъ, съ едва пробивавшимися бородой и усами; его черные глаза сверкали мужествомъ и отвагою. Всегда веселый, на этотъ разъ Борисъ былъ мраченъ и задумчивъ: тяжелая, нерадостная дума камнемъ лежала у него на сердцѣ. Да и было ему съ чего припечалиться: полюбилъ онъ красавицу Надежду Ивановну, дочку именитаго боярина Шигоны, — полюбилъ пуще рода, пуще племени. И его любила боярышня, любила своею чистою, первою дѣвичьей любовью. Но ихъ счастью грозила большая помѣха. Бояринъ Шигона не любилъ Дятлова за его незнатный родъ и за бѣдность. Отецъ Дятлова былъ не стараго боярскаго рода и боярство получилъ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III за особую услугу; пожалованный въ бояре, онъ обойденъ былъ, однако, денежной наградой и, по своей добротѣ и честной безкорыстной службѣ, во всю свою жизнь не нажилъ денегъ; умеръ онъ въ бѣдности, оставивъ своему единственному сыну, Борису, небольшую подмосковную деревушку съ плохонькой усадьбой.

О свадьбѣ съ любимой дѣвушкой Дятлову и думать было нечего. Спесивый, богатый бояринъ не выдастъ за него, бѣдняка, свою дочь, раскрасавицу писанную.

„Чай, не о такомъ зятѣ старый думаетъ: за боярина именитаго или за князя какого онъ выдастъ свою дочь, Надю,—разсуждалъ молодой ловчій, похаживая по бесѣдкѣ.—Придетъ ли моя голубка на свиданье? Прійти сулила. Пробуду здѣсь до утра, ждать буду — можетъ, и придетъ“.

Вотъ какъ слюбились Борисъ Дятловъ съ Надей.

Какъ-то разъ Шигона задалъ на всю Москву пиръ. На этомъ пиру присутствовалъ великій князь съ своей семьей и всѣми придворными чинами; въ томъ числѣ былъ и молодой великокняжескій ловчій Дятловъ.

Иванъ Юрьевичъ не держалъ свою семью взаперти въ теремѣ и не пряталъ отъ гостей свою дочь, красавицу Надежду. Шигона нарушалъ обычай того времени „беречь дочь отъ мужского глаза“, и на пиру Надя, вмѣстѣ съ своей теткой, боярыней Анной Юрьевной, угощала дорогихъ званныхъ гостей. На этомъ пиру въ первый разъ увидались Дятловъ съ Надей; тогда же они полюбили другъ друга и стали тайкомъ видѣться. Прежде видались они въ церкви, а тамъ удалой ловчій нашелъ случай ходить на свиданье съ любимой дѣвушкой въ густой, большой садъ ея отца, боярина Шигоны. Тамъ видѣлись они лѣтнею порою чуть не каждую недѣлю. Выходила Надя на свиданіе въ садъ не одна, а со своею старухой-нянькой, Марковной. Дятловъ сумѣлъ поддѣлаться къ старухѣ-нянькѣ и посредствомъ денегъ, которыя и въ ту отдаленную пору играли у насъ на Руси видную роль, добился, что Марковна, хоть и съ ворчаньемъ, а все-таки соглашалась на свиданія своей боярышни съ молодымъ бояричемъ.

II.

— Ну, кто въ такую пору ненастную ходитъ на свиданіе?! Если бы лѣто было красное, а то осень ненастная. Вѣдь зги Божьей не видно! Теперь хоть глазъ выколи!—послышалось Дятлову ворчанье старухи Марковны.

— Не ворчи, Марковна, не надолго вѣдь, вышли на одну минутку,—отвѣтилъ на ея ворчанье пріятный дѣвичій голосъ.

— Охъ, боярышня, боюсь я, крѣпко боюсь, чтобы мнѣ, старой, бѣды не нажить... Провѣдаетъ государь твой батюшка,—ну, и лихая бѣда, онъ на свѣтѣ не дастъ мнѣ жить, старухѣ, лютой мукой замучаетъ меня.

— Полно, Марковна! Спитъ батюшка...

— А проснется да хватится! Бѣда! Бояричъ, а бояричъ! Здѣсь ли?—тихо позвала Марковна Дятлова.

— Здѣсь, Марковна, я здѣсь давно васъ жду,—радостно отвѣтилъ Дятловъ.

— Да гдѣ ты, государь? Вѣдь зги не видно.

— А въ бесѣдкѣ я... Ну, здравствуй, боярышня, Надежда Ивановна.

— Здравствуй, Борисъ Васильевичъ! Мы не надолго пришли,—ты насъ не держи.

— Да, да, бояричъ, ты насъ долго не держи,—промолвила старуха, садясь на скамью.

— Вотъ, Марковна, получай обѣщанное.

Дятловъ далъ старухѣ серебряный рубль. Старуха задрожала отъ радости. Какъ темно ни было, она все-таки разглядѣла блестѣвшій рубль.

— Спасибо тебѣ, бояричъ, Борисъ Васильевичъ, до земли спасибо. Ну, уважилъ! Натко-ся—рублемъ пожаловалъ! Ну, что же, поворкуйте, голубки. Я тутъ въ сторонѣ посижу и о своей прошлой жизни пораздумаю. Охъ, и я была молода и я любила! Бывало, тоже,

крадучись, на свиданіе ходила къ дружку... Было да прошло и ковыль-травою поросло...— тихо говорила Марковна, вертя въ рукѣ серебряный рубль.

— Проститься намъ, Борисъ, нужно. Я въ послѣдній разъ къ тебѣ вышла въ садъ.

— Проститься?! Зачѣмъ ты, Надя, такъ сказала: проститься, разстаться? А легко ли намъ разстаться?

— Что же дѣлать, Борисъ, хоть и не легко, а надо! Вѣдь Покровъ на дворѣ, скоро снѣгъ застелетъ землю—и въ садъ нельзя будетъ ходить,—печально проговорила молодая дѣвушка.

— Говорятъ, великій князь скоро задумалъ на охоту выѣхать, и мнѣ придется ѣхать съ государемъ-княземъ.

— А надолго великій князь ѣдетъ?

— Надолго, люба. Пожалуй, на цѣлый мѣсяцъ.

— На мѣсяцъ! Легко сказать! На охотѣ ты, Борисъ и про меня забудешь!

— Тебя забыть! Да что ты, Надя! Или ты не знаешь, что ты мнѣ дороже самой жизни! Отнять у меня, тебя, значитъ отнять мою жизнь. Безъ тебя, голубка, мнѣ нѣтъ жизни и нѣтъ радости.

— Что же намъ дѣлать?

— А вотъ что, Надя, надумалъ я: завтра побываю у твоего государя-батюшки, тебя сватать стану.

— Охъ, Борисъ, боязно.

— Чего, голубка, боишься?

— Боюсь, милый... Батюшка, пожалуй, не отдастъ меня за тебя и станетъ гнѣваться.

— А, можетъ, и отдастъ. Чѣмъ тебѣ я, любушка, не пара? Я сынъ боярскій и любимъ великимъ княземъ. Небогатъ я, правда. Да зачѣмъ богатство намъ? Былъ бы промежъ насъ совѣтъ да любовь.

— Батюшка не такъ судитъ, какъ ты. Въ однѣхъ деньгахъ онъ видитъ счастіе, и знать не хочетъ, что и черезъ золото ясное текутъ слезы горючія.

— Ну, что будетъ, то и будетъ, а къ твоему батюшкѣ я пойду: попытка не пытка, а спросъ не бѣда.

— А если онъ откажетъ, тогда что дѣлать? Какъ быть?

— А вотъ какъ: тогда я посажу тебя, моя люба, на тройку лихихъ коней и унесу тебя за тридесять земель.

— Какъ?—испугалась и удивилась молодая дѣвушка.

— Да такъ: завезу тебя въ глушь куда-нибудь, тамъ и повѣнчаемся.

— Да что ты, Борисъ, что ты?! Опомнись, что говоришь. Развѣ безъ батюшкина благословенія я пойду съ тобой подъ вѣнецъ?

— Пойдешь, Надя, если меня любишь.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, плохо же меня ты знаешь. Я скорѣе умру съ тоски и печали, а безъ батюшкина согласія подъ вѣнецъ не пойду, и его, родимаго, на старости лѣтъ въ страшное горе не введу. Такъ ты и знай.

— А если бояринъ выдастъ тебя за немилаго стараго мужа?

— Что подѣлаешь! На то будетъ его воля родительская.

— Но вѣдь, Надя, ты жизнь свою погубишь, живя со старымъ мужемъ.

— Такова, говорю, будетъ моя горькая судьбина. Противъ судьбы не пойдешь.

— Стало-быть, ты меня не любишь?

— Полно, полно, Борисъ! Грѣшно такъ говорить тебѣ. Развѣ ты не видишь мою любовь?—съ укоромъ проговорила молодая дѣвушка.

Вдругъ въ ночной тиши раздался рѣдкій колокольный звонъ.

— Что это? Никакъ звонятъ... Охъ, какъ страшно звонятъ!—дрожа всѣмъ тѣломъ, проговорила Надя.

— Чего же ты, голубка, испугалась?

— Какъ чего? Развѣ ты не слышишь? Вѣдь такъ звонятъ, когда покойниковъ хоронятъ. Страшно, страшно,— не къ добру звонъ этотъ, къ худу...

— Вѣдь это часы выбиваютъ, а можетъ, и къ службѣ гдѣ-нибудь звонятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, звонъ этотъ—вѣстникъ какой-нибудь большой бѣды... Марковна, а, Марковна! Скорѣй пойдемъ домой! Да полно спать, пойдемъ!—позвала молодая дѣвушка свою старуху-няньку, которая подъ разговоръ влюбленныхъ мирно спала, прислонившись спиной къ стѣнѣ.

— Что, что случилось?.. Ахти бѣда! Пожаръ, горимъ! Старуха вскочила и со сна стала бѣгать и суетиться.

— Что ты, Марковна, какой пожаръ! Пора домой, пойдемъ,—съ улыбкой проговорила Надя.

— Фу, совсѣмъ я, старая, заспалась. Во снѣ-то, барышня, пожаръ мнѣ пригрезился, большой пожаръ, будто горятъ хоромы наши, полымя такъ и пышетъ, такъ и пышетъ, страшно, да и только! Говорятъ, пожаръ къ богатству видѣть. Хорошо бы, если бы сонъ въ руку.

— Пойдемъ же, Марковна, скорѣй!

— Куда, боярышня, спѣшишь? Побудь со мной, вѣдь надолго мы разстаемся,—молилъ Дятловъ.

— Боюсь я, Борисъ, не навсегда бы. Охъ, колокольный звонъ въ ночную пору предвѣстникъ бѣды. Прощай, прости, не забывай свою Надежду.

— Прощай, голубка моя, молись, чтобы Господь смягчилъ сердце твоего отца.

— Прости!

— Ну, что вы такъ-то! Ужъ по-любовному проститесь,—улыбаясь промолвила Марковна.

Молодой великокняжескій ловчій крѣпко обнялъ свою возлюбленную. Надя не противилась и сама его обняла и подарила своимъ первымъ, чистымъ поцѣлуемъ молодого ловчаго.

Дятловъ, какъ хмельный, вышелъ, шатаясь, изъ бесѣдки и пошелъ къ садовому забору; онъ перескочилъ черезъ него, отвязалъ промокшую и озябшую лошадь и поскакалъ въ свой одинокій теремъ.

А рѣдкій, заунывный звонъ все раздавался въ ночной тиши и гдѣ-то далеко замиралъ.

III.

Широко и привольно жилось боярину Ивану Юрьевичу Шигонѣ. Его теремъ, построенный изъ толстаго дубоваго лѣса, считался лучшимъ на Воздвиженкѣ. Жилъ Шигона въ своемъ терему полной чашей—всякаго добра у него было вволю. Великій князь любилъ и жаловалъ своего дворецкаго Ивана Юрьевича, такъ что онъ сталъ правой рукой своего государя. Крутой и настойчивый по характеру, Шигона особенно не терпѣлъ противорѣчій, и становившихся поперекъ его дороги безъ пощады сживалъ со свѣта. Цѣлая сотня челядинцевъ жила въ его боярскомъ дворѣ, и слово Шигоны было для нихъ закономъ; дочь свою, Надю, онъ любилъ и берегъ, но старался не обнаруживать своей любви и обходился съ дочерью не совсѣмъ ласково...

„Лишней лаской, пожалуй, избалуешь дѣвку. Повадку ей давать нечего. А дай повадку, — послѣ самъ наплачешься: вмѣсто покорной дочери супротивницей будетъ“, разсуждалъ Иванъ Юрьевичъ.

Но, несмотря на суровое обращеніе отца, Надя горячо его любила, и „родительское“ слово было для нея свято. Все, что скажетъ или прикажетъ отецъ, она исполняла безпрекословно. Росла Надя на чужихъ рукахъ, не видя ласки родной матери, такъ какъ, еще будучи младенцемъ, лишилась своей матери и осталась сиротою на попеченіи старухи Марковны и тетки-вдовы Анны Юрьевны. Впрочемъ, тетка жила отдѣльно

со своей семьей и только изрѣдка пріѣзжала къ своему брату „провѣдать“ сиротинку-племянницу.

Такъ росла Надя и въ семнадцать лѣтъ расцвѣла, какъ роза.

Ловчій Дятловъ выполнилъ свое слово и на другой день послѣ тайнаго свиданія съ Надей пріѣхалъ къ ея суровому отцу просить руки дочери.

Бояринъ Иванъ Юрьевичъ въ это время собирался ѣхать въ великокняжескій теремъ, когда ему сказали, что ловчій Дятловъ, Борисъ Васильевичъ, желаетъ его, „государя“, видѣть.

— Зачѣмъ еще пожаловалъ?— съ неудовольствіемъ проговорилъ Шигона.

Онъ за что-то недолюбливалъ молодого ловчаго.

— Не знаю, государь!—съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ прислужникъ, думая, что бояринъ его спрашиваетъ.

— Молчи, песъ! Не тебя спрашиваю! — крикнулъ на него бояринъ. — Ступай, проси гостя ко мнѣ въ опочивальню. Пошелъ!

Прислужникъ вышелъ, и, спустя немного, вошелъ Дятловъ, одѣтый по-праздничному—въ парчевое полукафтанье, обложенное по краямъ соболемъ; кафтанъ этотъ подарилъ ему великій князь за усердную службу.

— Здравствуй, государь Иванъ Юрьевичъ! Какъ тебя, свѣта, Богъ милуетъ?—низко кланяясь боярину, проговорилъ Дятловъ.

— Здравствуй, здравствуй, Борисъ Васильевичъ! Садись, гость будешь. Чѣмъ потчевать прикажешь?

— Объ угощеніи не хлопочи, государь.

— Что за хлопоты! На то ты и гость.

— Да не гостить пришелъ я къ тебѣ, государь, а по дѣлу.

— По дѣлу?! Говори, я готовъ тебя слушать. Что за дѣла?

— Дѣло такое, государь Иванъ Юрьевичъ, что сразу и сказать трудно...

— Будетъ тебѣ! Сказывай, Борисъ Васильевичъ, что такое?

— Вотъ видишь ли, бояринъ... Какъ бы это сказать...

Дятловъ смутился и мялъ свою бобровую шапку въ рукахъ.

— Вотъ что, добрый молодецъ, если ты пришелъ ко мнѣ съ важнымъ дѣломъ, то сказывай скорѣе: мнѣ время ѣхать въ высокъ княжескій теремъ, —рѣзко проговорилъ Шигона.

— Сейчасъ скажу, не задержу.

— Ну? — чуть не крикнулъ Шигона, котораго уже мучило любопытство.

— Я пришелъ къ тебѣ, государь, въ зятья набиваться,—чуть слышно проговорилъ Дятловъ.

— Что?! Что ты сказалъ? Я не дослышалъ.

— Въ зятья, говорю, пришелъ къ тебѣ набиваться...

— Ты?! Ты ко мнѣ въ зятья?!

— Да, государь Иванъ Юрьевичъ... Я... я люблю твою дочь, Надежду Ивановну.

— Любишь? Дочь мою любишь?!—кричалъ Шигона уже внѣ себя. Онъ и блѣднѣлъ и краснѣлъ отъ злости.

— Люблю, бояринъ, такъ люблю, что и словъ не подберу, чтобы представить тебѣ... — горячо говорилъ Дятловъ.

— И не надо! Вижу, вижу, что любишь. Ну, ловчій великокняжескій, спасибо тебѣ за честь, что меня, старичишку худороднаго, не забылъ, породниться со мною задумалъ и дочь мою, сиротинку-безприданницу, въ жены себѣ прочишь... За такую, молъ, честь до земли тебѣ спасибо!

— Такъ, стало-быть, ты согласенъ, государь? — не понимая насмѣшки и еле сдерживая свою радость, проговорилъ молодой ловчій.

— Согласенъ, съ радостью согласенъ! Ну, какъ не

согласиться! Чѣмъ ты мнѣ не зять, а дочери моей не мужъ? И родъ твой знатенъ и богатствомъ ты извѣстенъ...

— Никакъ, Иванъ Юрьевичъ, ты глумишься надо мной!

— А ты думалъ, я и вправду радъ такому зятю? Да какъ ты смѣлъ думать объ этомъ! Я—именитый бояринъ и не даромъ слыву великокняжескимъ любимцемъ! Въ дворецкіе жалованъ государемъ. А ты—ловчій, съ собаками по полямъ рыскаешь!—кричалъ внѣ себя Шигона.

— Не забывай, бояринъ: я ловчій не простой, а княжій. И за мою службу вѣрную государь жалуетъ меня,—гордо возразилъ Дятловъ.

— Велика честь быть ловчимъ!..

— И не велика честь наушникомъ и смутьяномъ быть...

— Замолчи, не то ножомъ пырну!

Шигона схватилъ со стола ножъ и замахнулся на Дятлова.

— Приди въ себя, старикъ, и не грози мнѣ слугѣ государеву, ножомъ... На прощанье скажу тебѣ: не больно ты хвались собою—вѣдь ты сплетней да смутьянствомъ по Москвѣ извѣстенъ. Вотъ и вся твоя послуга...

— Вонъ, вонъ, дьяволъ! - шипѣлъ Шигона.

— Что, бояринъ, вѣрно за живое задѣлъ тебя?

Дятловъ неспѣша оставилъ теремъ „спесиваго“ боярина.

А Шигона, между тѣмъ, искалъ, на комъ бы сорвать свой гнѣвъ. Еще не успокоившись, онъ прошелъ въ свѣтлицу къ дочери. Та, ничего не подозрѣвая, сидѣла за пяльцами и вышивала по бархату золотомъ; рядомъ съ ней сидѣла Марковна и что-то разсказывала своей „выходицѣ“.

— Вонъ, старая!—крикнулъ на нее Шигона.

Та чуть не выкатилась изъ свѣтлицы.

— Ты Дятлова, княжаго ловчаго, знаешь? – не спросилъ, а крикнулъ Иванъ Юрьевичъ дочери.

Перепуганная крикомъ отца, дѣвушка сразу не нашлась, что отвѣтить. Но тотъ не ждалъ.

— Чего молчишь? Слышала, про что я тебя спрашиваю?

— Знаю... Видала...—чуть слышно отвѣтила Надя.

— Видала? Гдѣ видала?

— Вѣдь ты самъ, батюшка, звалъ его на пиръ, когда былъ у насъ великій князь.

— А больше нигдѣ его не видала? — пристально глядя на дочь, допрашивалъ Шигона.

— Нѣтъ, нигдѣ не видала,—еще тише и вся вспыхнувъ, отвѣтила Надя. Она въ первый разъ въ жизни солгала своему отцу.

— Не врешь?

— Батюшка...

Надя не вытерпѣла и заплакала.

— Ну, да ладно. Теперь его ты видѣть нигдѣ не будешь.

— А что, батюшка?

— А вотъ слушай, что я скажу. Дятловъ—недругъ мнѣ. До самой гробовой доски недругъ. А если мнѣ, твоему отцу, онъ недругъ, то и тебѣ онъ такимъ же недругомъ долженъ быть. Поняла мои слова?

— Поняла, батюшка.

— И помни ихъ. Дятловъ теперь не переступитъ порога моего терема, не посмѣетъ прійти ко мнѣ, и если когда-нибудь придетъ, когда меня не будетъ дома, ты вели людишкамъ метлами гнать его со двора. Слышишь ли?

— Слышу, батюшка.

— Ну, прости, мнѣ время въ княжій теремъ ѣхать.

И Шигона вышелъ изъ свѣтлицы и въ крытой колымагѣ выѣхалъ со двора въ Кремль.

IV.

Правителемъ царства московскаго былъ въ это время Василій Ивановичъ, природный государь, сынъ Іоанна III, собирателя русской земли. При немъ еще болѣе расширились предѣлы царства московскаго, благодаря успѣшнымъ войнамъ съ Литвою и татарами. Василій Ивановичъ шелъ по стопамъ своего отца и старался присоединять къ московскому государству немногія уцѣлѣвшія удѣльныя княжества.

Великій князь находился въ дружбѣ со многими европейскими королями и установилъ съ ними дипломатическія сношенія.

Въ своей частной жизни Василій Ивановичъ дороже всего цѣнилъ тихій семейный очагъ и каждымъ лѣтомъ подолгу жилъ въ своемъ любимомъ Воробьевѣ или въ Москвѣ, на Воронцовомъ полѣ. Оттуда онъ часто ѣздилъ на псовую охоту въ Можайскъ и Волоколамскъ. „Но и тамъ, — отмѣчаетъ Карамзинъ, — государь не забывалъ государства: трудился съ думными боярами и дьяками; иногда принималъ пословъ иноземныхъ“.

Въ свое царствованіе, продолжавшееся съ 1505 по 1534 г., Василій Ивановичъ издалъ много законовъ, способствовавшихъ внутреннему благоустроенію государства. Эти законы вмѣстѣ съ уложеніемъ его отца, Іоанна III, вошли впослѣдствіи въ служебникъ царя Ивана Васильевича Грознаго.

Москва въ княженіе Василія Ивановича украсилась многими каменными постройками, соборами и монастырями. Такъ, въ 1507 году онъ довершилъ стройку Архангельскаго собора, перенесъ туда гробы своихъ предковъ и назначилъ себѣ могилу рядомъ съ могилою своего отца; въ 1515 году Успенскій соборъ былъ украшенъ живописью, по словамъ лѣтописца, „столь чудною и искусною, что великій князь, святители и

бояре, вступивъ въ соборъ, сказали: „Мы видимъ небеса“...

Въ продолжительное царствованіе Василія Ивановича перенесла русская земля не мало и бѣдствій. Съ 1507 г. по 1509 въ Новгородѣ свирѣпствовала язва, и въ одну осень тамъ умерло отъ язвы 15.000 человѣкъ; въ 1512 г., въ зимнюю пору, свела многихъ въ могилу другая эпидемія. Страдали и отъ засухи, въ особенности въ 1533 году, лѣтомъ, когда въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ не было ни одного дождя; болота, ключи, пруды тогда пересохли, рѣки обмелѣли, трава и лѣса горѣли, люди изнывали отъ зноя и задыхались отъ дыма лѣсныхъ пожаровъ; великій князь и весь народъ постились и молились, прося Бога объ избавленіи отъ бѣдствія. Государь самъ не менѣе своихъ подданныхъ сокрушался о народномъ бѣдствіи. Вообще, Василій Ивановичъ отмѣченъ въ исторіи, какъ добрый и справедливый правитель. „Василій, — говоритъ про него Карамзинъ, — стоитъ съ честію въ памятникахъ нашей исторіи между двумя великими характерами, Іоаннами III и IV, и не затмевается ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя; уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ—первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ государственномъ, второму—въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ добродѣтели, онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростью отца, не устранился, двигался впередъ шагами, размѣренными благоразуміемъ, безъ порывовъ страсти, и приближался къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности ни славы исправлять его ошибки; былъ не геніемъ, но добрымъ правителемъ; любилъ государство болѣе собственнаго великаго имени, и въ семъ отношеніи достоинъ истинной, вѣчной хвалы“.

V.

— Съ чего, Борисъ, скучаешь?—обратился какъ-то съ вопросомъ великій князь къ своему любимому ловчему.

Дятловъ за послѣднее время сильно перемѣнился. Нѣжная и глубокая любовь къ боярышнѣ и упорство ея отца Шигоны разрушили его надежды, и это такъ повліяло на Бориса, что онъ сдѣлался неузнаваемъ. Онъ даже заболѣлъ послѣ грубаго отказа Шигоны и съ недѣлю не показывался въ великокняжескомъ теремѣ. Оправившись отъ болѣзни, онъ отправился во дворецъ, такъ какъ черезъ нѣсколько дней предстояла великокняжеская охота. Василій Ивановичъ замѣтилъ перемѣну въ своемъ ловчемъ, и, застигнутый врасплохъ, Дятловъ съ перваго раза не нашелся, что отвѣтить государю.

— Можетъ, недужится тебѣ? — продолжалъ государь. — Тогда поговори о своемъ недугѣ съ моимъ заморскимъ знахаремъ Николаемъ,—онъ и болѣзнь твою излѣчитъ.

— Великій государь, земно кланяюсь тебѣ за твою заботу обо мнѣ!

— Такъ я пришлю къ тебѣ Николая.

— Заморскій знахарь не излѣчитъ меня, великій государь...

— А развѣ боль твоя неизлѣчима?

— Неизлѣчима.

— Скажи мнѣ про недугъ. Можетъ, чѣмъ помогу.

— Борисъ весь вспыхнулъ, зардѣлся и смущенно опустилъ голову.

— И, парень, тебя женить пора... Вѣрно, приглянулась какая-нибудь дѣвка — вишь, ты по ней и скучаешь? — зорко посматривая на Дятлова и улыбаясь, спросилъ великій князь.—Угадалъ я или нѣтъ?

— Угадалъ, великій государь.

— Кто она? Чья дочь?

— Боярина Шигоны.

— Это Надежда?

— Она, великій государь.

— Однако, парень, губа у тебя не дура... Надежда краса писаная, родовитая и богатая. А сильно ее ты любишь?

— Жизнь свою готовъ за нее отдать! — съ жаромъ отвѣтилъ Борисъ.

— Жизнь твоя принадлежитъ Богу, и ты въ ней не властенъ! — наставительно проговорилъ Василій Ивановичъ.

— Обмолвился... Прости, государь.

— Ты любишь Надежду. Но любитъ ли она тебя? — какъ бы размышляя о чемъ-то, продолжалъ великій князь.

— Любитъ, любитъ.

— Развѣ ты у нея спрашивалъ про это?

— Не спрашивалъ — она сама сказала, государь.

— Охъ, молодость, молодость! И я былъ молодъ, любилъ и былъ любимъ. Но вѣдь это давно ужъ было... Теперь нѣтъ этого, и о быломъ счастіи осталось одно воспоминаніе... Что же, одобряю, Борисъ, твой выборъ. Ты свaталъ у Шигоны дочку?

— Сваталъ, государь.

— Ну, и что старикъ-бояринъ тебѣ отвѣтилъ? Согласенъ онъ?

— Если бы такъ! Онъ насмѣялся надо мной и прогналъ изъ своего терема.

— Такъ я и зналъ! Гордъ старикъ, спесивъ своимъ богатствомъ. А ты, парень, больше не горюй, не печалься: я самъ твоимъ сватомъ буду. Можетъ, Шигона на мое сватовство не отвѣтитъ отказомъ.

— Государь мой, отецъ мой!

Борисъ, не помня себя отъ радости, бросился на колѣни предъ великимъ княземъ и сталъ цѣловать у него руки.

— Поди къ себѣ, Борисъ, и готовься къ выѣзду

на охоту. Дня черезъ три въ Волоколамскъ поѣдемъ,— удерживая его, говорилъ великій князь.

Счастливый воскресшей надеждой, вышелъ молодой ловчій изъ великокняжескаго терема и поскакалъ къ себѣ домой готовиться на долгую охоту.

А великій князь сталъ задумчиво ходить по своей горницѣ. Ему припомнились молодость, чудная красавица Соломонія—его молодая жена, ея страстныя, жгучія ласки.

„Давно это было, давно... былого не вернешь... И до гробовой доски бы съ нею прожилъ, но, видно, не судилъ ей Богъ имѣть дѣтей... Бѣдная!.. Землѣ нуженъ наслѣдникъ престола,—и я принужденъ былъ,—да, принужденъ былъ,—развестись съ Соломоніей и жениться на другой“, какъ бы успокоивая свою совѣсть, думалъ Василій Ивановичъ.

Вошелъ бояринъ Шигона и съ низкимъ поклономъ остановился у дверей.

— А, ты кстати пришелъ. Подойди-ка поближе. Скажи, изъ Суздаля*) вѣстей какихъ не слыхать ли?

— Нѣтъ, великій государь. Давно я не посылалъ въ Суздаль.

— Почему не посылалъ, почему? Развѣ я не наказывалъ тебѣ постоянно заботиться о ней, слѣдить, чтобы она ни въ чемъ не терпѣла нужды? Вотъ какъ ты исполняешь мои приказы!—сердито проговорилъ великій князь.

— Не гнѣвайся, государь, все по твоему приказу выполнено. Чуть не всякую недѣлю разные съѣстные припасы отправляются въ Суздаль, въ Покровскій дѣвичій монастырь. Твоя бывшая супруга Соломонія, а теперь монахиня Софья, ни въ чемъ нужды не терпитъ.

— Понадѣйся на васъ, такъ съ голоду, бѣдная, насидится. Ты слушай, Шигона: я жалую ей свое княжье

---

*) Соломонія, постриженная въ монахини съ именемъ Софьи, по приказу великаго князя, жила въ Суздалѣ, въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и умерла въ 1542 г., пробывъ въ инокиняхъ 14 лѣтъ.

село Вышеславское съ деревнями, съ починками и со всѣмъ тѣмъ, что къ этому селу приписано. Пусть всѣ доходы съ этого села ей идутъ до конца ея жизни. Понялъ?

— Понялъ, государь.

— А послѣ ея кончины передать село Покровскому дѣвичьему монастырю. Приготовь объ этомъ запись.

— Будетъ выполнено, государь.

— Ну теперь, ступай. Нуженъ будешь—позову.

Шигона направился было къ двери.

— Постой-ка, вернись, — остановилъ его великій князь.

— Вѣдь у тебя дочь, Надежда-то, чай, невѣстится?—спросилъ у Шигоны Василій Ивановичъ.

— Да, но я не спѣшу, великій государь, ея замужествомъ—успѣетъ, съ мужемъ наживется... Пусть съ отцомъ поживетъ—вольной жизнью, дѣвичьей.

— Такъ ты не думаешь ее выдавать?

— Не думаю, государь.

— Жаль, а у меня припасенъ для твоей Надежды хорошій женишокъ.

— А кто онъ такой, государь, скажи на милость?—уже любопытствуя, спросилъ Шигона.

— Борисъ Дятловъ—мой ловчій.

— Дятловъ!?—поблѣднѣвъ, чуть не крикнулъ Иванъ Юрьевичъ.

— Да, онъ. Я ему далъ слово, что высватаю за него твою дочку. Ну, что, по сердцу тебѣ такой зятекъ?

— Твоя воля, государь!

— Ты не такъ говоришь, Иванъ: въ этомъ дѣлѣ должна быть твоя, отцовская, воля, а не моя. Но мнѣ сдается, что женихъ тебѣ не больно по нраву... А вѣдь парень онъ хорошій, до нашей службы радѣльный. Не богатъ, зато у тебѣ богатства хоть отбавляй—вотъ съ нимъ и подѣлишься. Да я еще своей государевой

милостью пожалую его. Ну, что молчишь, Шигона? Какой ты дашь свату отвѣтъ?

Неожиданность такъ поразила Ивана Юрьевича, что на него словно нашелъ столбнякъ. Онъ никакъ не ожидалъ, что великій князь будетъ сватать Дятлова, котораго онъ прогналъ съ своего боярскаго двора.

— Охъ, Иванъ, спесивъ ты очень сталъ, гордъ и неприступенъ! Гляди, гордымъ Богъ противится. Вѣдь всѣ мы подъ Богомъ ходимъ: кто нынче въ славѣ, да въ почетѣ—можетъ завтра очутиться въ убожествѣ.

— Одного, какъ милости, прошу, великій государь; свадьбой не спѣши! Жаль мнѣ съ дочкой разстаться— вѣдь одна она у меня.

— Зачѣмъ спѣшить! Такъ за моего жениха дочку ты не прочь выдать?

— Не прочь, великій государь, — сквозь зубы отвѣтилъ княжескій дворецкій.

— Ну, и ладно. Скоро праздникъ святому чудотворцу Сергію. Праздновать мы поѣдемъ въ его обитель, а тамъ, отпустивъ княгиню съ дѣтками въ Москву, я поѣду на охоту въ Волоколамскъ. Послѣ охоты-то мы свадьбу и справимъ. Теперь ступай, Шигона. Ну, такъ помни, что я тебѣ сказалъ про Покровскій дѣвичій монастырь,— тамъ вѣдь живетъ бывшая великая княгиня, у которой въ былое время ты за счастіе считалъ руку цѣловать. Если самъ поѣдешь, то скажи, что я прощенія у нея прошу смиренно. „Великій-де князь и государь наказывалъ испросить у тебя прощенія себѣ“. Такъ и скажи, да не забудь, гляди, Шигона.

— Слушаю, великій государь.

Отпустивъ Шигону, великій князь отправился на половину своей супруги, княгини Елены Васильевны.

VI.

Великій князь Василій Ивановичъ, спустя два мѣсяца послѣ постриженія своей супруги Соломоніи, снова женился—на красавицѣ Еленѣ Глинской, дочери Василія Глинскаго, „къ изумленію нашихъ бояръ, которые не думали, чтобы родъ чужеземныхъ измѣнниковъ удостоился такой чести“, какъ говоритъ Карамзинъ. Государь горячо полюбилъ свою молодую жену и еще сильнѣе привязался къ ней, когда Елена подарила своему державному мужу сына Іоанна, наслѣдника русской земли.

Войдя въ теремъ княгини, Василій Ивановичъ засталъ ее за пяльцами: она вышивала для церкви воздухъ по алому бархату крупнымъ жемчугомъ.

Около матери на персидскомъ коврѣ сидѣлъ маленькій Иванъ, будущій грозный царь, покоритель царства Казанскаго и Астраханскаго. Малютка забавлялся точеными изъ дерева рѣзными фигурками. Рядомъ съ княгиней сидѣли ея приближенныя боярыни, которыя, завидя великаго князя, съ низкими поклонами вышли изъ горницы.

— Государь! — вставая изъ-за пяльцевъ, радостно проговорила Елена.

— Что? Или не ждала, не рада?

— Не ждала, правда, но приходу твоему я рада, очень рада.

— Ванюшка, здорово!

— Здравствуй, тятя.

— Поди ко мнѣ, вѣдь я со вчерашняго дня не видалъ тебя!

Малютка подбѣжалъ къ отцу и шаловливо взобрался къ нему на колѣни, обхвативъ ручонками шею отца и прижавшись къ нему.

— Сыночекъ мой дорогой! Царевичъ мой!

И нѣжный государь-отецъ осыпалъ поцѣлуями своего сына-наслѣдника.

— А гдѣ же Юрій?—спросилъ великій князь у Елены, спуская съ рукъ своего любимаго сына.

— Я пустила его съ мамкой погулять. Мнѣ показалось, что у Юрія головка горяча.

— Помилуй Богъ, не заболѣлъ ли онъ?—испугался Василій Ивановичъ.

— Нѣтъ, онъ плохо спалъ,—вотъ и болитъ головка.

— Гляди, Елена, береги дѣтей! Вѣдь въ нихъ вся наша надежда, да и не насъ однихъ: они должны быть надеждой и оплотомъ всей Руси.

— Я и то, мой князь, съ дѣтокъ не спускаю глазъ. Чужимъ я не очень довѣряю,—вѣдь намъ однимъ они дороги.

— Нѣтъ, Елена, наши сыновья дороги всей землѣ, какъ отрасль царственнаго дома, и сынъ Иванъ, наслѣдникъ великаго московскаго княженія, по моей смерти долженъ занять мое мѣсто.

— Мама, а мама! Пусти меня гулять, я къ Юрью пойду, — проговорилъ малютка, ласково посматривая своими пытливыми глазенками на мать.

— Ступай, сынокъ. Господь съ тобою! Мамушка тебя проводитъ.

Маленькій царевичъ, поцѣловавъ отца и мать, радостно побѣжалъ гулять. Его мамка-боярыня едва поспѣвала за нимъ.

— Елена, я давно собираюсь съ тобой поговорить,—началъ государь, когда они остались одни.

— Я слушаю тебя, государь.

— Ты молода и только начинаешь жить, а я ужъ отжилъ свой вѣкъ, пора уже о смертномъ часѣ думать...

— Зачѣмъ ты это говоришь? Къ чему огорчать меня! Нѣтъ, нѣтъ, не думай объ этомъ! Ты долженъ жить, великій государь, для счастія своего народа, для своихъ дѣтей.

— Не знаю самъ, съ чего, но мысль о смерти стала все чаще и чаще приходить на умъ... Видно, скоро

мнѣ придется разстаться съ вами навсегда...—печально проговорилъ великій князь.

— Не говори этого, государь, не мучь напрасно!

Елена горько заплакала.

— Отъ слова не станетъ. Полно, не плачь, Еленушка, можетъ, и проживу я съ вами еще годокъ-другой.

— Я буду молиться за тебя, и дѣтей моихъ, младенчиковъ невинныхъ, я научу молиться.

— Не за меня одного, Елена,—научи ихъ молиться, а за всю землю, за весь народъ мой. Пусть и дѣти мои такъ же любятъ святую Русь, какъ я ее люблю. Твое дѣло вложить въ ихъ младенческую душу вѣру въ Бога и любовь къ отчизнѣ. Вѣдь душа младенца—мягкій, нѣжный воскъ. Изъ нея что хочешь можно лѣпить. Такъ вотъ за дѣтьми сама смотри, не надѣйся на приставниковъ да на прислужниковъ.

— Да что же ты, государь, наказываешь, какъ будто лежишь на смертномъ одрѣ! Быть-можетъ, ты чѣмъ-нибудь боленъ, тогда мнѣ скажи, въ чемъ твоя болѣзнь. Ну, я тебя молю, мой господинъ, мой повелитель!

Елена опустилась на колѣни и со слезами цѣловала руки у своего державнаго мужа.

— Любишь ты меня, Елена?

— О чемъ ты спрашиваешь, государь! Вглядись въ меня—и въ моихъ глазахъ ты прочтешь мою глубокую, безпредѣльную любовь къ тебѣ...

— Спасибо, Еленушка, спасибо, родная! Сбирайся, голубка, ѣхать къ Сергію чудотворцу и дѣтокъ съ собой прихвати. Мы будемъ тамъ праздновать Сергіевъ день. Ну, прости пока. Да ты все плачешь? Нехорошо! Вѣдь я еще живъ и здоровъ и заговорилъ про смерть только потому, что всякій христіанинъ долженъ помнить про свой смертный часъ и во всякое время быть готовымъ предстать передъ судилище Христово... Я бы еще

побылъ съ тобой,—закончилъ великій князь,—но меня ждутъ бояре для рѣшенія важныхъ дѣлъ. Прости!

И, опираясь на посохъ, онъ направился въ свою, государеву, думу.

VII.

Великій князь Василій Ивановичъ, сына Ивана III, „Собирателя земли“, заболѣлъ опасно: на лѣвой ногѣ у него оказалась болячка съ булавочную головку, багровая, „безъ верха и гноя“, „знамя болѣзненно“. Первое время онъ не обращалъ вниманія на болячку, принимая ее за простой чирей. Василій Ивановичъ отпраздновалъ въ Троицкой Сергіевой обители осенній Сергіевъ день и на славу угостилъ монаховъ. Въ монастырѣ онъ былъ съ женою и дѣтьми. Оттуда великій князь отправился на охоту „тѣшиться“, отпустивъ семью въ Москву. По дорогѣ, въ его любимомъ великокняжескомъ селѣ Озерицкомъ, и появилась у него болѣзнь. День ото дня боль стала усиливаться, но государь все терпѣлъ. Праздникъ Покрова онъ праздновалъ въ селѣ Покровскомъ, въ Фуниковѣ, а въ первыхъ числахъ октября пріѣхалъ въ Волоколамскъ. Дворецкій Иванъ Юрьевичъ Шигона задалъ князю большой пиръ. Въ его теремѣ, въ Волоколамскѣ, отъ яствъ и питій ломились дубовые столы, но большого веселья на этомъ пиру не было, потому что великій князь „недомогалъ“ и не долго оставался на весельѣ. Волей-неволей пришлось Шигонѣ позвать на пиръ и Дятлова, какъ будущаго своего зятя.

На другой день государь выѣхалъ на охоту. Несмотря на октябрь, погода стояла отличная. Солнце ярко сіяло на голубомъ небосклонѣ, и хотя не очень грѣло, все-таки по этому времени было тепло.

Великій князь ѣхалъ верхомъ, на своемъ любимомъ конѣ, въ богатомъ терликѣ, въ высокой осыпанной

драгоцѣнными каменьями шапкѣ съ золотыми перьями; за поясъ у него были заткнуты кинжалъ и два ножа. Вмѣстѣ съ нимъ были его любимые ловчіе—Нагой и Дятловъ. Борисъ былъ печаленъ, такъ какъ за своею болѣзнью Василій Ивановичъ ничего не говорилъ ему о свадьбѣ, и ему думалось, что князь обо всемъ позабылъ. Рядомъ съ великимъ княземъ ѣхали его братья, князья Андрей и Юрій. Ихъ окружала блестящая свита, но всѣ ѣхали молча, понуря головы. Самъ государь былъ блѣденъ и съ трудомъ сидѣлъ на конѣ, кое-какъ пересиливая острую боль въ ногѣ. Между тѣмъ, боль становилась все сильнѣе, и великій князь, наконецъ, принужденъ былъ вернуться въ свое ближайшее село Колпъ, гдѣ у него былъ домъ, и пробылъ тамъ двѣ недѣли. Туда вытребованы были бояринъ Михаилъ Глинскій, родной дядя великой княгини Елены Васильевны, и двое нѣмецкихъ „медикуса“—Николай Люевъ и Ѳеофилъ. Медики эти лѣчили государя русскими средствами: мукой съ медомъ, печенымъ лукомъ, мастью горошки, сѣменникой и т. п. Въ ранѣ сдѣлалось воспаленіе, и гной изъ чирья шелъ цѣлыми тазами. Иванъ Васильевичъ пересталъ принимать пищу и до того ослабѣлъ, что обратно онъ уже не могъ ѣхать,—его несли боярскія и княжескія дѣти на носилкахъ. „Велика была тягость великому князю Василію Ивановичу,—говоритъ лѣтописецъ,—и уразумѣ князь великій болѣзнь свою смертную“.

Однажды Василій Ивановичъ подозвалъ къ себѣ Шигону.

— Подойди-ка ко мнѣ!—слабымъ, еле слышнымъ голосомъ проговорилъ великій князь, обращаясь къ боярину, который неотлучно находился при больномъ государѣ.

— Что соизволишь приказать, государь?—отозвался Шигона.

Въ голосѣ его слышалась непритворная печаль.

— Ты знаешь, дни моей жизни сочтены, не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ... Надо помирать...

— Что ты говоришь, государь...

— Ты слушай и не перебивай. Умереть, не устроивъ своего дѣла, я не хочу. Моя мечта—оставить царство русское устроеннымъ. Ты, Иванъ, сейчасъ же, немедля, моимъ именемъ пошли въ Москву стряпчаго и дьяка за моими духовными грамотами.

— Государь, неужели твоя боль смертельна?—воскликнулъ Шигона.

— Я чувствую, что скоро-скоро я предстану предъ судилищемъ Христовымъ. Не смерти я страшусь,—вѣдь никто не минетъ смертнаго часа, — меня тревожитъ участь Руси, моей родной земли. Что будетъ съ ней, сиротливой, когда Господь отзоветъ меня съ сей земной жизни въ горнее жилище! Сынокъ, Ванюшка, малъ онъ еще, младенчикъ несмышленый. Кто же землею будетъ править? Кто? Вотъ чего я страшусь, Шигона.

— Живи, живи, великій государь! Твоя жизнь нужна русской державѣ! Ты будешь жить. Мы всѣ и вся Русь за тебя денно и нощно будемъ молить,—заливаясь слезами, проговорилъ Иванъ Юрьевичъ.

— А помнишь ты, Шигона, день 24-го августа? Помнишь, какъ въ этотъ день, въ первомъ часу, солнечный кругъ, казалось, будто сверху былъ обрѣзанъ, и среди яснаго дня насталъ вдругъ необычайный мракъ—затмилось солнце? Это небесное явленіе—предвѣстникъ моей смерти: какъ затмилось солнце, такъ и жизнь моя затмится скоро. Полно, Шигона, плакать. Пока я еще живъ, въ моей изсохшей груди бьется еще сердце. Плачь по мертвецѣ, а теперь ступай и выполняй мой предсмертный приказъ. Да вотъ тебѣ еще наказъ: умру—на забывай инокиню Софью, ради моей памяти не забывай!

— Слушаю, государь, все будетъ по приказу твоему исполнено.

— Еще строго-настрого накажи, чтобы послы про болѣзнь мою ничего не говорили ни женѣ моей, княгинѣ, ни митрополиту, ни боярамъ. Прежде времени ихъ не слѣдъ пугать. Тебѣ одному, Иванъ, сказалъ я, что мой смертный часъ близокъ. Другіе пусть до времени не знаютъ... Ну, ступай.

Государь, и безъ того слабый, а теперь еще утомленный бесѣдой, съ тяжелымъ стономъ опустился на постель.

Въ Волоколамскѣ съ великимъ княземъ, кромѣ его родного брата Андрея Ивановича, находились Михайло Глинскій, князья Бѣльскій, Шуйскій и Кубенскій. Никто изъ нихъ не зналъ печальной тайны.

VIII.

Вся обитель преподобнаго Іосифа Волоколамскаго запружена народомъ; въ соборной церкви Пречистой толпа такъ велика, что, какъ говорится, яблоку упасть негдѣ. Духота и жара въ церкви неимовѣрная. На паперти лежитъ на своемъ одрѣ блѣдный, изнеможенный человѣкъ, съ признаками близкой смерти. Какъ онъ кротко и покорно глядитъ своими потухающими глазами! Сколько глубокой и безпредѣльной вѣры въ его открытомъ взорѣ! На его высохшемъ тѣлѣ простая холщевая рубаха и суконный кафтанъ безъ всякихъ украшеній. Лежа на одрѣ, онъ усердно молится; костлявая рука его безпрестанно поднимается для крестнаго знаменія. Рядомъ съ нимъ молится на колѣнахъ красивая молодая женщина, стройная, величественная, съ нерусскимъ типомъ лица; на ней тоже простая одежда русскихъ боярынь; тутъ же, рядомъ съ ней, стоитъ маленькій, трехлѣтній мальчикъ; то и дѣло теребитъ онъ за рукавъ стоящую съ нимъ рядомъ пожилую женщину, его мамку, боярыню Аграфену Челядникову.

Этотъ блѣдный умирающій человѣкъ—великій князь

московскій Василій Ивановичъ; рядомъ съ нимъ была жена его, великая княгиня Елена, и сынъ Иванъ. По нездоровью государь не могъ ни сидѣть ни стоять, а лежать на одрѣ въ церкви онъ почиталъ недостойнымъ и приказалъ помѣстить себя на паперти. Тутъ же находились и братья государя: Андрей Ивановичъ и Юрій Ивановичъ. Съ глазами, полными слезъ, смотрѣли они на своего страдальца-брата. Въ церкви игуменъ совершалъ заздравную обѣдню. Насталъ моментъ, когда іеродіаконъ дрожавшимъ старческимъ голосомъ началъ читать ектенію „о страждущемъ государѣ великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ“.

Весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, упалъ на колѣни и слезами молилъ Господа о выздоровленіи больного государя.

— Мама, а мама! О чемъ всѣ плачутъ?—не постигая еще приближающагося горя, спрашивалъ трехлѣтній Іоаннъ, будущій грозный владыка царства русскаго.

— Охъ, дитятко мое, народъ проситъ Бога о здоровьи твоего государя-батюшки,—отвѣчаетъ княгиня Елена.

— За батюшку молятся?

— Да, Ванюша, помолись и ты, сердечный: твоя младенческая молитва доходчива будетъ до Господа.

— Я молюсь, мама, за батюшку-государя, и за тебя молюсь, и за мамку молюсь,—лепечетъ малютка.

О прибытіи великаго князя въ Москву Карамзинъ разсказываетъ слѣдующее:

„Василій, желая въѣхать въ Москву скрытно, чтобы иноземные послы, тамъ бывшіе, не видали его въ слабости, въ изнеможеніи, остановился въ Воробьевѣ; здѣсь онъ принялъ митрополита, епископовъ, бояръ, воинскихъ чиновниковъ и только одинъ показывалъ твердость: духовные и міряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мостъ на рѣкѣ, просѣкая тонкій ледъ. Едва сани государевы въѣхали, сей мостъ обломился; лошади упали въ воду; но боярскія дѣти,

обрѣзавъ гужи, удержали сани на рукахъ. Великій князь запретилъ наказывать строителей. Внесенный въ кремлевскія постельныя хоромы, онъ созвалъ бояръ, князей Ивана и Василія Шуйскихъ, Михаила Юрьевича Захарьина, Михаила Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинскаго, казначея Головина, дворецкаго Шигону и велѣлъ при нихъ дьякамъ своимъ писать новую духовную грамоту, уничтоживъ прежнюю, сочиненную имъ во время митрополита Варлаама; объявилъ трехлѣтняго сына Іоанна наслѣдникомъ государства, подъ опекою матери и бояръ до пятнадцатилѣтняго его возраста, назначилъ удѣлъ меньшому сыну; устроилъ державу и Церковь; не забылъ ничего, какъ сказано въ лѣтописяхъ, но, къ сожалѣнію, сія важная хартія утратилась, и мы не знаемъ ея любопытныхъ подробностей".

IX.

За время болѣзни великій князь нѣсколько разъ причащался святыхъ Христовыхъ таинъ. Завѣтною мечтою умирающаго было принять постриженіе. И онъ долго совѣтовался объ этомъ съ находившимся около него неотлучно московскимъ митрополитомъ Даніиломъ и коломенскимъ архіереемъ, любимымъ княземъ старцемъ Мисаиломъ Суминымъ и княжескимъ духовникомъ.

— Такъ ты и знай, святый отче: умереть я хочу не земнымъ владыкою, а смиреннымъ инокомъ,—говорилъ великій князь митрополиту Даніилу.

— Дѣло благое, княже. Твое смиреніе Господь приметъ.

— Грѣшникъ я передъ Господомъ, великій грѣшникъ, и не зрю прощенія моимъ грѣхамъ.

— Твои грѣхи, княже, Господь проститъ. „Нѣсть человѣкъ, не согрѣшитъ предъ Господомъ".

— А Соломонія, бѣдная Соломонія! Вѣдь двадцать лѣтъ въ любви я прожилъ съ нею! Ты помнишь ли,

святый владыко, что она молвила, когда на нее силою одежду инокини надѣвали? Помнишь ли въ ту пору, что она, сердечная, сказала?—немного приподнявшись съ своего ложа, тихо спросилъ у митрополита князь.

— Запамятовалъ, государь,—въ смущеніи отвѣтилъ Даніилъ.

— А я помню и до гробовой доски не забуду. Она сказала: „Богъ видитъ и отомститъ моему гонителю". Ея слова сбылись—Господь узрѣлъ мой грѣхъ и сугубо покаралъ меня. Каюсь, каюсь въ моемъ грѣхѣ.

На смертномъ одрѣ великій князь съ особеннымъ сожалѣніемъ вспомнилъ свою первую злосчастную супругу.

— Я знаю,—продолжалъ онъ свою бесѣду съ митрополитомъ,—никто не хочетъ, чтобъ я сдѣлался монахомъ, но ты, святый отче, не взирай на прочихъ и сотвори по волѣ Божіей инока мя быти, хоть я и грѣшенъ.

Чувствую приближеніе смерти, государь призвалъ своихъ братьевъ, которые съѣхались въ Москву изъ своихъ удѣловъ.

Передъ всѣми собравшимися онъ сказалъ:

— Умираю и сына моего Ивана отдаю на волю Божію, Пречистой Богородицы и святымъ чудотворцамъ и тебѣ, митрополиту всея Руси, Даніилу. Даю ему свое государство, коимъ меня благословилъ отецъ мой, великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси. И вы, мои братья кровные, князь Андрей и князь Юрій, стойте крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ крестъ цѣловали. О земскомъ строеніи, о ратныхъ дѣлахъ не забывайте. Противъ недруговъ моего сына Ивана и противъ своихъ стойте твердо, дружно. Чтобы рука православныхъ христіанъ была высока надъ басурманами и латинянами.

Государь умолкъ, утомленный продолжительною рѣчью. Но, отдохнувъ немного, онъ снова заговорилъ, обратясь къ боярамъ:

— Вы же, бояре, боярскія дѣти и княжичи, вѣдайте

сами, что наше государство владимирское и новгородское и московское ведется отъ великаго князя Владимира кіевскаго. Мы вамъ государи прирожденные — и стойте крѣпко на томъ, чтобы мой сынъ былъ надъ вами и надъ всею землей государемъ.

Князья и бояре поклялись соблюсти наказъ угасающаго государя.

Теперь ужъ болѣзнь Василія Ивановича не была ни для кого тайной, и москвичи, любившіе и уважавшіе своего князя, со всѣхъ сторонъ собирались въ златоглавый Кремль къ великокняжескому терему и по цѣлымъ часамъ выжидали вѣстей о здоровьѣ своего государя.

Василій Ивановичъ былъ уже въ преддверіи гроба.

X.

Не страшась смерти, онъ имѣлъ мужество заставить своего „медикуса“ Николая Люева сказать рѣшительное слово.

— Слушай, другъ, — обратился къ нему умирающій, — ты добровольно пришелъ ко мнѣ изъ твоей земли. Ты видишь и знаешь, какъ я люблю тебя и жалую. Скажи мнѣ правду, можешь ли ты излѣчить меня?

— Великій государь и благодѣтель мой, ты хочешь отъ меня узнать правду?

— Правду, одну только правду, Николай!

— Великій государь! Еще живя на своей родинѣ, я много слышалъ про твою доброту къ намъ, пришлымъ иноземцамъ. Я, государь, оставилъ родину, отца, мать, домъ свой и въ Московію пріѣхалъ, чтобы служить тебѣ. Твоихъ ко мнѣ благодѣяній я не могу исчислить, и если бы моя жизнь потребовалась для твоего исцѣленія, то я и ее отдалъ бы съ радостью. Но, государь и благодѣтель, мое знаніе и наука безсильны противъ твоей болѣзни. Я не Богъ и воскрешать изъ мер-

твыхъ не могу... — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ лѣкарь, опустившись предъ государемъ на колѣни.

Эти роковыя слова не испугали умирающаго; онъ съ улыбкой обратился къ окружавшимъ:

— Слышите, что молвилъ Николай? Я ужъ теперь не вашъ, а Божій.

Великій князь Василій Ивановичъ, чувствуя приближеніе смерти, пожелалъ проститься съ своей женой и благословить сыновей.

Княгиня Елена, поддерживаемая боярынями, вошла къ умирающему съ громкимъ плачемъ. У смертнаго одра своего царственнаго супруга она изливала свое безконечное горе.

— Господинъ мой, супругъ мой,—взывала Елена,— на кого ты меня, горькую, сиротливую, оставляешь съ малыми дѣтками! Охъ, не покидай ты насъ, великій государь! Не дѣлай меня вдовою и дѣтокъ сиротинками!

— Не плачь, Елена, не плачь—мнѣ легче. Теперь у меня ничего не болитъ,—утѣшалъ умирающій государь свою рыдавшую супругу.

Внесли сыновей государя, Ивана и Юрія. Ихъ поднесли къ умирающему отцу, но малютки съ испугомъ прижались къ своимъ мамкамъ. Великій князь страшно похудѣлъ и перемѣнился за время мучительной болѣзни.

— Не бойся, Ванюша... Видно, не призналъ меня,— отъ худобы и недуга я страшенъ сталъ.

— Стань, Ваня, на колѣни передъ тятей-государемъ и проси его благословенія,—подсказала Елена и, взявъ сына съ рукъ мамки, поставила его около постели.

Умирающій съ трудомъ приподнялся. Изъ впалыхъ глазъ его текли слезы ручьями. Онъ снялъ съ себя крестъ святого Петра митрополита и, благословляя имъ сына, проговорилъ:

— Буди на тебѣ милость Божія. Какъ благословилъ Петръ чудотворецъ симъ святымъ и животворящимъ крестомъ прародителя нашего, князя Ивана Данило-

вича, и весь родъ нашъ, даже и донынѣ, до насъ, такъ и я благословляю тебя, сына своего старѣйшаго: да будетъ тебѣ сей святый крестъ на прогнаніе враговъ и борителей нашихъ! Многіе иновѣрные покушались на православіе, на нашу державу, Богомъ порученную намъ, разорити, но не возмогли одолѣть крестной силы.

Государь далъ сыну приложиться ко святому кресту и надѣлъ ему его на шею. Младшаго сына Юрія онъ тоже благословилъ святымъ крестомъ и завѣщалъ ему вотчину „Угличе-Поле“ съ прочими городами. До совершеннолѣтія Ивана онъ передалъ правленіе княгинѣ Еленѣ.

Отпустивъ жену и дѣтей, великій князь „крестовому дьяку Данилкѣ“ наказалъ пѣть канонъ великомученицѣ Екатеринѣ и также канонъ на исходъ души.

Умирающій впалъ въ забытье. На мгновеніе онъ проснулся; лицо его сіяло какою-то неземною радостью и счастьемъ

— Скорѣй, скорѣй несите ко мнѣ образъ Пречистой и Николая чудотворца, — твердымъ голосомъ проговорилъ Василій Ивановичъ.—А ты, Шигона, иди за духовникомъ моимъ, за протопопомъ Алексѣемъ, накажи ему, чтобы онъ поспѣшилъ ко мнѣ съ запасными дарами,—добавилъ онъ.

Великокняжескій духовникъ не замедлилъ прійти.

— Слушай, отче! Будь со мною, и когда моя душа станетъ разставаться съ тѣломъ, тогда ты и причасти меня. Смотри, не пропусти этого мгновенія.

— Слушаю, великій княже, — съ глазами полными слезъ отвѣтилъ старецъ.

Въ опочивальную горницу государя принесли много чудотворныхъ иконъ; умирающій не могъ уже креститься, только его побѣлѣвшія уста шептали святыя молитвы. Государь сталъ прощаться съ братьями и со всѣми находившимися въ его горницѣ, съ нѣкоторыми поцѣловался онъ, а другіе цѣловали его исхудалыя руки.

— Братъ Юрій, — тихо позвалъ онъ князя Юрія Ивановича.

— Я здѣсь, государь, — такъ же тихо отвѣтилъ тотъ.

— Ты помнишь, какъ отца нашего, великаго князя Ивана, не стало — вотъ и ко мнѣ смертный часъ и конецъ приближается.

Потомъ, обращаясь къ митрополиту Даніилу и ко владыкѣ Вассіану, сказалъ имъ:

— Изнемогаю, постригите меня, какъ я желалъ всегда.

Митрополитъ и нѣкоторые бояре одобрили это намѣреніе великаго князя, другіе же были противъ.

Карамзинъ описываетъ послѣднія минуты великаго князя Василія Ивановича, основываясь на ростовской лѣтописи. „Князь Андрей Іоанновичъ Воронцовъ и Шигона говорили, что св. Владиміръ не хотѣлъ быть Мономахомъ и названъ Равноапостольнымъ; что герой Донской также скончался міряниномъ, но своими добродѣтелями, безъ сомнѣнія, заслужилъ царствіе небесное. Шумѣли, спорили, а Василій крестился и читалъ молитвы; уже языкъ его тупѣлъ, взоръ меркнулъ, рука упала: онъ смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ простыню, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидая священнаго обряда. Митрополитъ Даніилъ взялъ черную ризу и подалъ игумену Іоасафу. Князь Андрей и Воронцовъ хотѣли вырвать ее. Тогда митрополитъ съ гнѣвомъ произнесъ ужасныя слова: „Не благословляю васъ ни въ сей вѣкъ ни въ будущій! Никто не отниметъ у меня души его. Добръ сосудъ сребряный, но лучше позлащенный“. Василій отходилъ. Спѣшили кончить обрядъ. Митрополитъ, надѣвъ епитрахиль на игумена Іоасафа, самъ постригъ великаго князя, переименованнаго Варлаамомъ. Второпяхъ забыли мантію для новаго инока: келарь троицкій, Серапіонъ, далъ свою. Евангеліе и схима ангельская лежала на груди умирающаго. Нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе. Шигона,

стоя подлѣ одра, первый воскликнулъ: „Государь скончался!“—и всѣ зарыдали.

XI.

Въ роковую ночь 4 декабря никто не спалъ. Несмотря на позднее время и на сильный морозъ, никто не думалъ о снѣ. На улицахъ и на площадяхъ толпился народъ, а Кремль буквально былъ запруженъ народомъ. Москвичи собирались въ кучки и тихо ожидали вѣстей съ крыльца княжескаго терема.

Также приковывалъ вниманіе москвичей высокій худой старикъ, съ бѣлыми, какъ лунь, волосами, въ длинной холщевой рубахѣ, съ толстой суковатой палкой въ рукахъ. Это былъ юродивый Петруша. Онъ чуть не всякій день появлялся въ Кремлѣ и долго молился, забившись въ уголъ какого-нибудь кремлевскаго собора или церкви. Уже лѣтъ двадцать юродствовалъ Петруша, и никто не зналъ, откуда онъ и что заставило его юродствовать; деньги, которыми усердно надѣляли его москвичи, онъ отдавалъ нищимъ и бѣднымъ, а себѣ не оставлялъ ни копейки.

Сидя на ступенькѣ лѣстницы, которая вела въ великокняжескій теремъ, Петруша что-то бормоталъ и дулъ на свои посинѣвшія отъ холода руки, какъ бы согрѣвая ихъ.

— Петруша, Божій человѣкъ, помолись за нашего государя-князя, чтобы ему, свѣту, Господь далъ исцѣленіе отъ его лихого недуга, — проговорилъ какой-то сановитый бояринъ, только что подъѣхавшій въ дорогомъ возкѣ къ великокняжескому терему.

— Не о здравіи, а за упокой нужно молиться. Святый Боже, святый крѣпкій, помилуй насъ,—нараспѣвъ заговорилъ Петруша.

— Охъ, видно, помретъ нашъ свѣтлый князь.

— Всѣ, всѣ помремъ, дядя, у всякаго смерть не за горами, а за плечами. Святый Боже, помилуй насъ.

— Слова твои правдивы, Петруша, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, всѣ до единаго,—печально промолвилъ бояринъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Вслѣдъ за бояриномъ подошелъ къ лѣстницѣ и Борисъ Дятловъ. Во время болѣзни государя, своего „благодѣтеля", онъ почти неотлучно находился въ государевомъ терему и справлялъ различныя порученія, а также и дежурилъ по ночамъ около больного великаго князя. За нѣсколько дней до смерти державный страдалецъ обратился къ нему съ такимъ „милостивымъ" словомъ:

— Видно, Борисъ, мнѣ не пировать на твоей свадьбѣ. Думалъ я самъ тебя къ честному вѣнцу благословить,—что подѣлаешь!—не судилъ Богъ.

Въ отвѣтъ государю молодой ловчій опустился на колѣни и припалъ къ холодной рукѣ умирающаго, оросивъ ее горькими слезами.

— Мнѣ вѣрно служилъ, Борисъ,—такъ же и сыну моему, Ивану, послужи.

— Великій государь, жизнь свою въ послугу отдамъ ему.

— Спасибо. Шигонѣ я скажу, чтобы онъ не противился и выдалъ свою дочку за тебя.

Теперь Борисъ сознавалъ, что смерть великаго князя принесетъ ему большое несчастіе. Не станетъ государя — и не бывать его свадьбѣ. Гордый Шигона не выдастъ за него „голубушку" Надю—и жизнь государя ему стала вдвое дороже.

Борисъ только что поднялся наверхъ, какъ дверь государева терема открылась, показался бояринъ Шигона въ сопровожденіи двухъ дьяковъ. Какъ у Шигоны, такъ и у дьяковъ лица были заплаканы.

— Народъ московскій! Государь и великій князь Василій Ивановичъ преставился. Помолитесь за его душу!—дрогнувшимъ, но громкимъ голосомъ проговорилъ Иванъ Юрьевичъ, не спускаясь съ лѣстницы.

— Завтра собирайтесь, православные, цѣловать крестъ его сыну, государю, великому князю Ивану Васильевичу, — добавилъ одинъ изъ дьяковъ.

Собравшійся народъ громкимъ плачемъ и рыданіемъ отвѣтилъ на это печальное извѣстіе. „Плачъ и вой раздался отъ дворца до Красной площади“. Бояре, сами горько плача, старались удерживать народъ отъ „громкаго стенанія“.

Еще великая княгиня Елена не знала о смерти своего державнаго супруга. Между тѣмъ, митрополитъ Даніилъ облачилъ умершаго Василія Ивановича въ полное монашеское одѣяніе, а князей Андрея и Юрія, братьевъ умершаго, вывелъ въ „переднюю горницу“ и взялъ съ нихъ клятву, что они будутъ вѣрными слугами племяннику своему, Ивану, и его матери, Еленѣ, и не будутъ „мыслить о великомъ княженіи, не измѣнятъ ни дѣломъ ни словомъ“. Митрополитъ обязалъ такою же присягою дѣтей боярскихъ и всѣхъ придворныхъ чиновъ; потомъ митрополитъ, окруженный знатнѣйшими боярами, отправился на половину великой княгини. Елена, завидя ихъ, все поняла, упала безъ чувствъ и два часа была безъ памяти.

Большой успенскій колоколъ возвѣстилъ москвичамъ ихъ горестную утрату. И растворили двери терема — тамъ на простомъ одрѣ лежалъ умершій инокъ-государь. „Народъ съ воплемъ устремился лобызать хладныя руки мертваго“.

Въ церкви святого Архистратига Михаила нашелъ себѣ успокоеніе Василій Ивановичъ. Погребеніе было великолѣпно и скорбь неописанная въ народѣ. „Дѣти хоронили своего отца“, какъ замѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ.

XII.

Въ большой дворцовой палатѣ собрались бояре верховной государевой думы. Тутъ находились князья: Шуйскіе, Оболенскіе, Бѣльскіе, Одоевскіе; бояре: Глинскій-Захарьинъ, Морозовъ, Бутурлинъ, Воронцовъ, великокняжескій дворецкій Шигона и много другихъ думныхъ бояръ. Всѣ они собрались сюда для обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ. Главой этой „думы" избранъ былъ князь Дмитрій Өедоровичъ Бѣльскій, который и обратился къ собравшимся съ слѣдующей рѣчью:

— Князья и бояре! Надъ нашей землей нависла грозная туча черная. Господь за грѣхи несмѣтные посѣтилъ насъ бѣдой. Осиротѣла Русь: надежда-государь и князь великій Василій Ивановичъ оставилъ насъ и переселился въ горнюю жизнь, идеже нѣсть ни плача ни воздыханія. Умирая, онъ вручилъ кормило правленія сыну-младенцу и своей молодой женѣ, а въ помощь къ нимъ поставилъ насъ, бояръ. Не обезсудьте, бояре именитые! Не красно я говорю. Горькія слезы застилаютъ мнѣ глаза, душа скорбитъ и отъ непосильнаго горя мутится разумъ! Что ожидаетъ нашу Русь родную? Своеволіе, бѣды и несчастія. Нѣтъ твердаго духомъ и тѣломъ правителя. Нѣтъ кормчаго у руля, и судно наше понесется по волѣ вѣтровъ.

Князь смолкъ и поникъ своею сѣдою головою. Въ боярской думѣ настала тишина. Въ тяжеломъ молчаніи прошло нѣсколько минутъ. Потомъ всталъ съ своего мѣста дворецкій Иванъ Юрьевичъ Шигона.

— Опочившій свѣтъ нашъ, великій государь Василій Ивановичъ,—сказалъ онъ,—мнѣ и князю Михаилу Львовичу Глинскому наказывалъ съ докладами ходить къ государынѣ великой княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ и отъ нея передавать дѣла въ верховную боярскую думу.

Воля почившаго государя должна быть исполнена, и потому старшимъ въ нашей думѣ за княземъ Бѣльскимъ есть родной дядя нашей государыни, князь Михаилъ Львовичъ Глинскій. Пусть онъ и держитъ теперь рѣчь.

— Пусть! Пусть говоритъ!—поддержали нѣкоторые бояре.

Другіе возражали.

— Тутъ и постарше есть,—высказался князь Василій Шуйскій.

— Знамо, есть! А то, ишь, выскочка какой! — поддержалъ Шуйскаго Михаилъ Воронцовъ.

— Не время и не мѣсто, бояре, намъ старшинствомъ считаться. Князь Михаилъ Глинскій близокъ былъ къ почившему государю, и пусть его къ намъ держитъ рѣчь. А кто не хочетъ слушать, пусть уйдетъ,— убѣждалъ старикъ Захарьинъ, именитый бояринъ.

Старика послушались. Глинскому предложили слово.

— Князья и бояре! — началъ онъ. — Мы слышали плачъ и вопль народный, который заглушалъ при погребеніи великаго князя колокольный звонъ и пѣніе молитвъ. Неумолимая смерть лишила насъ государя и благодѣтеля, отца и кормильца всей русской земли. Скорбь нашу, скорбь московскаго народа не выразить словами: слова безсильны... Но у насъ есть другой государь — Иванъ Васильевичъ, сынъ и наслѣдникъ почившаго. Ему, не жалѣя живота, должны мы служить и быть вѣрными до гробовой доски. Онъ законный государь всей Руси, онъ ставленникъ нашъ для счастія своихъ подданныхъ и на страхъ врагамъ, на позоръ и казнь измѣнникамъ. По волѣ преставившагося государя, кормило правленія вручено великой княгинѣ государынѣ Еленѣ Васильевнѣ. У смертнаго одра великаго князя Василія Ивановича мы всѣ поклялись, князья и бояре, быть вѣрными слугами его сыну-наслѣднику и его женѣ-княгинѣ. Развѣ мы не должны твердо держать свою клятву?

Въ думѣ замѣтно стало волненіе: бояре сдержанно перешоптывались, видимо, готовясь возражать.

— Кому не по сердцу пришлись мои слова, пусть прямо и безъ боязни говоритъ. Зачѣмъ шептаться? Говорите правду при всѣхъ, пусть всѣ ее выслушаютъ!

Бояре заволновались. Послышались возгласы со всѣхъ сторонъ.

— На словахъ ты мастеръ, красно говоришь, бояринъ, — съ нескрываемымъ неудовольствіемъ замѣтилъ князь Воротынскій, который никакъ не могъ простить Глинскому его старшинства.

— Что и говорить! Князь Глинскій мягко стелетъ, да жестко спать будетъ,—вставилъ свое слово и Василій Шуйскій.

— Не тронь его, князь Василій Васильевичъ! Ишь какъ ему хочется набольшимъ стать. Пришлецъ, а тоже хочетъ быть выше насъ, прирожденныхъ бояръ, — заявилъ молчавшій до тѣхъ поръ князь Одоевскій.

— Меня въ Бозѣ почившій государь и благодѣтель Василій Ивановичъ другомъ своимъ называлъ. Но я этимъ не горжусь, молчу, своихъ рѣчей никому не навязываю,—вразумительно сказалъ бояринъ Воронцовъ.

— Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ! Прежде старшихъ не суй носа: неровенъ часъ, не остаться бы безъ носа!—посовѣтовалъ Бутурлинъ.

— Князья и бояре! Одумайтесь! Въ такое тяжкое время не заводите ссоръ! Если не дадите говорить князю Глинскому, я сейчасъ же уйду изъ думы. Какъ знаете, такъ и рѣшайте тогда государевы дѣла, — горячо заступился князь Дмитрій Бѣльскій.

— Передъ выскочкой и пришлецомъ ты, князь Дмитрій Ѳедоровичъ, молчать насъ не заставишь! — возразилъ Василій Шуйскій.

— Князья и бояре! Мы всѣ слуги государя, даннаго намъ Богомъ. Вспомните минуты передъ кончиной великаго князя Василія Ивановича: солнце среди яснаго

дня померкло, его безгрѣшная душа отлетѣла въ горнюю высь въ видѣ облака, наполнивъ покой благоуханіемъ. Теперь надъ нами государитъ Іоаннъ. Вспомните, что, еще будучи во чревѣ матернемъ, онъ названъ былъ однимъ юродивымъ „Титомъ широкаго ума". Въ часъ его рожденія земля и небо трепетали отъ неслыханныхъ громовыхъ ударовъ*). Этимъ возвѣстилъ намъ Богъ, что пришла гроза на недруговъ Руси. Вразумитесь и усердно служите младенцу-государю. А тѣхъ, которые мыслятъ о смутахъ, покараетъ Богъ карою страшной!—гремѣлъ Шигона.

Перевѣсъ становился на партіи Глинскаго.

— Прежде всего намъ надобно убрать подалѣе недруговъ государя и государыни Елены Васильевны, — предложилъ конюшій, молодой еще бояринъ, князь Иванъ Өедоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Вмѣстѣ съ Михаиломъ Глинскимъ онъ занялъ видное положеніе при дворѣ правительницы и пользовался впослѣдствіи, какъ извѣстно, ея особымъ расположеніемъ.

— Гдѣ же они и кто они? Говори, князь Овчина-Оболенскій,—спросилъ его Андрей Шуйскій.

— Не съ тебя ли начать прикажешь?

— Какъ! Меня въ измѣнѣ уличаютъ?

Шуйскій поблѣднѣлъ и затрясся отъ негодованія.

— Оправдывайся, если можешь. Скажи, зачѣмъ ты къ князю дмитровскому, Юрію Ивановичу, такъ часто ходить повадился?

— Не тебѣ, прощалыга, отвѣтъ я дамъ, а собравшейся верховной думѣ. Князь Юрій Ивановичъ — родной дядя нашего младенца-государя, и кто же долженъ быть близъ своего царственнаго племянника, какъ не онъ?—уклончиво отвѣтилъ Шуйскій.

— Ты не вертись, а прямо говори! — кричалъ на Шуйскаго князь Телепневъ-Оболенскій.

*) Іоаннъ родился 25 августа 1530 г. Изъ лѣтописи видно, что въ самый часъ его рожденія былъ страшный громъ и молнія.

Въ думѣ поднялся такой шумъ и крикъ, что многіе изъ присутствующихъ поспѣшили уйти, не рѣшивъ дѣла.

Бояринъ Иванъ Юрьевичъ Шигона покинулъ думскую горницу вмѣстѣ съ другими. У самаго выхода онъ встрѣтилъ Бориса Дятлова, который, не имѣя права войти въ думу, поджидалъ Шигону у дверей.

— Ты что тутъ трешься?—сурово спросилъ у него Шигона.

— Тебя дожидаюсь, государь. Разъ пять я приходилъ въ твой теремъ, но холопы меня къ тебѣ не допустили.

— На то имъ даденъ приказъ мой—тебя не принимать. А ты, парень, видно, еще не выбилъ дурь изъ головы и не передумалъ ко мнѣ въ зятья лѣзть?

— Какъ, бояринъ, вѣдь ты же самъ свое согласье обѣщалъ дать!

— И далъ бы, если былъ бы живъ великій князь— на то его воля была княжеская. Противъ своей воли тебя я зятемъ бы назвалъ. Государь померъ — и мужемъ моей дочери ты никогда не будешь! Такъ и знай.

— Бояринъ, за что ты меня ненавидишь? Чѣмъ передъ тобой я провинился?

— Ничѣмъ, а зятемъ моимъ ты все-таки не будешь. Да вотъ еще что скажу тебѣ, паренекъ, на прощанье: если хочешь цѣлъ остаться, подальше отъ Москвы уѣзжай. Тебѣ тутъ не мѣсто. Понялъ?

Бояринъ Шигона бросилъ послѣднія слова уже на ходу. Неспѣша онъ направился въ теремъ княгини-правительницы.

XIII.

Борисъ возвратился въ свой теремъ печальный. Было уже совсѣмъ темно, когда его встрѣтилъ Никита съ фонаремъ въ рукахъ.

Никита былъ красивый малый, душой и тѣломъ пре-

данный своему господину. Борисъ очень любилъ его и обходился съ нимъ, не какъ съ холопомъ, а какъ съ близкимъ и ровней; къ тому же, Никита приходился крестнымъ братомъ Борису: отецъ Бориса былъ крестнымъ отцомъ Никиты. Борисъ и Никита были почти однихъ лѣтъ; оба росли вмѣстѣ, вмѣстѣ играли и были неразлучными товарищами, вмѣстѣ же дѣлили горе и радость.

— А я совсѣмъ тебя заждался, Борисъ Васильевичъ. Къ обѣду ждалъ, не пріѣхалъ. Поди, чай, проголодался. Прикажешь накрывать столъ?

— Не надо. Не до ѣды мнѣ, Никита.

— Что съ тобой, скажи? Съ чего припечалился? — участливо спросилъ Никита.

— Все кончено, все прошло. Надеждѣ не быть моей женою, — печально отвѣтилъ Борисъ.

— Какъ! Вѣдь почти у васъ рѣшено было дѣло, осталось только по рукамъ ударить и за свадьбу приниматься.

— Никогда этой свадьбѣ не бывать!

— Что, или Шигона...

— Отказалъ, совсѣмъ отказалъ; мало того, еще въ Москвѣ жить не даетъ, уѣзжать велитъ.

— Ахъ, онъ старый песъ! За тебя, Борисъ Васильевичъ, свою дочь не отдать онъ, пожалуй, и властенъ, но тобой распоряжаться, гдѣ жить тебѣ — въ Москвѣ или въ другомъ какомъ городѣ, — его ли это дѣло?

— Теперь бояринъ Шигона во всемъ властенъ: онъ да князь Михайло Глинскій при государынѣ-правительницѣ считаются теперь за первыхъ. Власть имъ дана большая.

— Эхъ, Борисъ Васильевичъ, видно, смерть великаго князя унесла у тебя покой и счастье.

— Не у меня одного, а у многихъ, Никита. Счастье ихъ унесъ съ собою въ могилу государь. Теперь злоумышляютъ на князя дмитровскаго, Юрія Ивановича, вѣрнаго родной землѣ: его въ измѣнѣ обвинить хотятъ.

Забыли, окаянные, что онъ единокровный братъ умершаго государя Василія Ивановича. И его, чистаго, очернить хотятъ передъ великой княгиней.

— Лихое время на Руси настанетъ.

— Да, да, Никита, и надо намъ скорѣй съ Москвой проститься.

— Куда же ты надумалъ ѣхать, Борисъ Васильевичъ?

— Куда глаза глядятъ, только бы подальше. Вотъ только бы хоть разокъ повидать Надежду, проститься съ ней, тогда бы, можетъ, и не такъ больно было съ ней разставаться.

— Что же, отчего же и не проститься?

— Шигона не велѣлъ меня допускать къ нему, не только въ теремъ, а даже и на дворъ.

— Ахъ, старая собака! Да ты не кручинься, Борисъ Васильевичъ! Обойдемся и безъ его воли, а къ боярышнѣ Надеждѣ взойдемъ-таки въ ея свѣтлицу.

— Что ты, Никита, что ты!

— Увидишь самъ, только пообожди маленько—придумалъ я знатную штуку.

— Какую?

— Не спрашивай—до времени не скажу.

— Слушай, братекъ, если сдѣлаешь, что сулилъ, я все тебѣ отдамъ.

— Окромя твоей любви и ласки, мнѣ ничего не надо, братъ мой крестовый.

— Любовь мою и ласку ты всегда имѣешь. Развѣ ты мнѣ слуга? Вмѣсто брата кровнаго ты у меня,—съ чувствомъ проговорилъ Дятловъ, обнялъ и крѣпко поцѣловалъ Никиту.

— Завтра вечеромъ ты любушку свою сердечную увидишь.

— Но какъ ты сдѣлаешь, Никита? — уже весело спросилъ Борисъ.

— Говорю, до времени сказать про то нельзя,— узнаешь завтра самъ.

— Что дѣлать! не скажешь — и не надо; до утра подожду, потерплю.

— Ужъ потерпи, Борисъ Васильевичъ.

— Теперь мнѣ скорѣе вели осѣдлать коня.

— А развѣ ты ѣдешь?

— Къ князю Юрію Ивановичу поѣду; надо его предостеречь отъ козней злыхъ людей.

— Что же, дѣло доброе. Только гляди, Борисъ Васильевичъ, самъ въ бѣду не попади: услѣдятъ, что ѣздишь ты къ князю—тебя въ измѣнѣ обвинятъ.

— Небось, не услѣдятъ... Я съѣзжу къ нему тайкомъ.

Князь дмитровскій Юрій Ивановичъ, пріѣхавшій изъ своего Дмитрова на погребеніе брата, великаго князя, не подозрѣвая никакого злого умысла, гостилъ въ это время въ Москвѣ. Не мало былъ онъ удивленъ, когда молодой ловчій Дятловъ предупредилъ его объ угрожавшей опасности.

— Ни въ чемъ я противъ моего племянника и противъ его княгини-матери не виноватъ и никакого злого умысла не имѣю. А козней моихъ недруговъ я не боюсь. За твою любовь ко мнѣ, Борисъ, я много благодаренъ, твоей послуги никогда не позабуду. Скоро въ свой Дмитровъ я уѣду — и знай, если тебѣ придется здѣсь туго, пріѣзжай ко мнѣ: двери моего терема для тебя всегда открыты, и у меня найдешь ты защиту противъ твоихъ лиходѣевъ. Я тебѣ буду радъ, какъ родному.

Но князю Юрію Ивановичу уже грозила бѣда. Вскорѣ послѣ того „столица была поражена несчастною судьбою князя Юрія Ивановича дмитровскаго, — какъ пишетъ Карамзинъ,—старшаго дяди государева, или оклеветаннаго, или дѣйствительно уличеннаго въ тайныхъ видахъ беззаконнаго властолюбія, ибо сказанія лѣтописцевъ несогласны: князь дмитровскій по наговору бояръ, съ согласія княгини Елены, былъ посаженъ въ тюрьму вмѣстѣ съ своими приближенными боярами“.

XIV.

Осиротѣла Русь, опечалилась златоглавая Москва, а съ ней вмѣстѣ и вся земля русская.

Да и было съ чего. „Никогда еще Русь не имѣла столь юнаго властителя; никогда еще, — если исключить княгиню Ольгу, — не были бразды правленія въ рукахъ женщины и вдобавокъ чужеземки, происходившей изъ литовскаго рода. Народъ опасался неопытности правительницы и ея молодости. Опасались также и Глинскихъ, которые, въ качествѣ родственниковъ правительницы, стали близъ ея трона. Елена опиралась на думу боярскую: тамъ засѣдали опытные совѣтники трона, но совѣтъ безъ государя то же, что тѣло безъ головы: кому управлять его движеніемъ, сравнивать и рѣшать мнѣнія, обуздывать самолюбіе лицъ, пользою общаго“ [1]).

Княгиня-правительница была молодая, красивая женщина и совсѣмъ другого воспитанія и склада, чѣмъ тогдашнія русскія женщины. Ея родные были люди западныхъ понятій. Михаилъ Глинскій, напримѣръ, ея дядя, человѣкъ, по тогдашнему времени, очень образованный, жилъ въ молодости въ Германіи и Италіи и слылъ теперь „европейцемъ“. Красавица Елена усвоила себѣ, благодаря своимъ роднымъ, нѣкоторыя иноземныя понятія и обычаи. Но не столько красотою, сколько своимъ обходительнымъ обращеніемъ плѣнила великаго князя Василія Ивановича. Между нею и кроткой и раболѣпно послушной Соломоніей не было и не могло быть никакого сравненія. Великій князь страстно привязался къ своей второй женѣ, горячо полюбилъ ее и всячески угождалъ своей молодой женѣ-красавицѣ: въ угоду ей Василій Ивановичъ даже сбрилъ свою бороду, а брить бороду, по тогдашнимъ понятіямъ, было боль-

---

[1]) Карамзинъ.

шимъ уклоненіемъ отъ обычаевъ старины „не только съ народной, но и съ религіозной точки зрѣнія".

Великій князь, какъ извѣстно, развелся съ Соломоніей только потому, что она была безплодна. Но и женившись на Еленѣ, онъ долгое время также не былъ утѣшенъ продолженіемъ своего княжескаго рода. За Елену тоже стали опасаться, что и она, подобно Соломоніи, останется безплодной. Василій Ивановичъ вмѣстѣ съ женой часто ѣздили на богомолье по разнымъ монастырямъ, устраивали братіи „веліе утѣшеніе", раздавали щедрую милостыню нищимъ, молились по церквамъ „о чадородіи", и только на пятомъ году ихъ супружеской жизни Елена, наконецъ, забеременѣла. Радость великаго князя не имѣла предѣловъ. Еще ребенокъ не родился, а о немъ уже шла народная молва. Разсказываютъ, что однажды беременная великая княгиня спросила у юродиваго „Дементія", кого она родитъ. Юродивый отвѣтилъ: „Родится у тебя сынъ Титъ, широкаго ума".

Августа 25-го 1530 года Елена разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго нарекли Іоанномъ. Преданіе гласитъ, что въ часъ рожденія Іоанна, по Руси пронеслась страшная буря: гремѣлъ громъ, блистала молнія, земля колебалась!

Мамкою къ новорожденному царевичу была приставлена боярыня Аграфена Челяднина, родная сестра князя Ивана Овчины-Оболенскаго. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, молодой бояринъ все больше и больше входилъ въ милость къ великому князю, а послѣ его кончины Оболенскій успѣваетъ сдѣлаться чуть ли не первымъ вельможей при дворѣ княгини-правительницы. Его близкія отношенія къ Еленѣ перестали быть тайной. Молодой и красивый князь Овчина-Оболенскій совсѣмъ завладѣлъ сердцемъ увлекшейся правительницы. Она вся отдалась любви и не обращала никакого вниманія на правленіе, довѣривъ

почти всѣ дѣла вѣдать верховной боярской думѣ. Пошли страшныя злоупотребленія. Овчина-Оболенскій былъ однимъ изъ первыхъ, которые пользовались своимъ положеніемъ только для личной выгоды. Именемъ правительницы онъ обиралъ казну, бралъ взятки и торговалъ государственными должностями. Своихъ друзей онъ постарался возвысить, а недруговъ разослалъ по дальнымъ городамъ. Нашъ герой Борисъ Дятловъ былъ въ большой дружбѣ съ своимъ сверстникомъ и сослуживцемъ, княземъ Овчиной.

Борисъ сильно разсчитывалъ на своего пріятеля, но его надежды были напрасны. Смерть великаго князя развязала руки гордому Шигонѣ и отняла у Бориса его друга.

Когда Шигона отказалъ Дятлову въ рукѣ своей дочери и посовѣтовалъ ему „по добру, по здорову убираться изъ Москвы", онъ первымъ долгомъ отправился просить помощи и защиты у князя Оболенскаго. Но какъ жестоко обманулся онъ въ молодомъ царедворцѣ, круто измѣнившемъ къ нему свои прежнія отношенія.

— Я къ тебѣ, князь Иванъ, — здороваясь съ Овчиной-Оболенскимъ, произнесъ Дятловъ.

— Вижу. Что скажешь? — сухо спросилъ хозяинъ.

— Защиты пришелъ у тебя просить!

— Защиты! Противъ кого?

— Бояринъ Шигона обиждаетъ.

— Бояринъ Иванъ Юрьевичъ теперь въ большой милости у великой княгини-правительницы, и со мной онъ въ дружбѣ. Напрасно ты противъ него идешь. Да и чѣмъ можетъ тебя бояринъ обидѣть? Что дочь свою красавицу за тебя не выдалъ? Такъ онъ отецъ своей дочери и въ своей волѣ.

— Князь Иванъ, да ты ли это сказываешь? Кажись, прежде ко мнѣ ты не такъ относился, — съ легкимъ упрекомъ проговорилъ Борисъ.

— Что было прежде, то прошло.

— Стало-быть, и дружба наша прошла?—съ дрожью въ голосѣ спросилъ Дятловъ.

— Стало-быть такъ,—отвѣтилъ Оболенскій, смотря куда-то въ сторону и, видимо, торопясь окончить непріятную бесѣду.

— Такъ вотъ оно что! Что было, то, значитъ, прошло и травой поросло! Что дѣлать! насильно милъ не будешь. Спесивъ ты сталъ, князь Иванъ, не въ мѣру спесивъ!

— Не тебѣ учить меня...

— Гдѣ мнѣ учить тебя! Теперь ты сталъ умнѣе умнаго, чуть не первымъ человѣкомъ на Москвѣ. Охъ, князь, не гордись! Гордымъ Богъ противится.

— Говорю, не тебѣ учить меня!—крикнулъ уже Овчина.

— Тише, князь, не кричи: не холопъ я твой, а такой же царскій слуга, какъ и ты. Славенъ ты сталъ, князь, но не завидую я твоей славѣ; не услугой родной земли и государю ты славу заслужилъ...

— Замолчи! Не то какъ червя поганаго раздавлю тебя!—внѣ себя отъ раздраженія крикнулъ Оболенскій, чуть ли не бросаясь на Бориса съ кулаками.

— Что, князь, или за живое задѣлъ! Не хвались своей почестью и славой: и то и другое пройдутъ быстро. Прости, друже!

Съ этими словами Дятловъ вышелъ изъ горницы князя Овчины. Оболенскій былъ тяжело оскорбленъ открытыми намеками Бориса и далъ себѣ слово жестоко отомстить Дятлову за дерзость.

XV.

На скамьѣ у дубовыхъ воротъ боярскаго терема сидѣла старуха Марковна и, пригрѣтая яркимъ солнышкомъ, сладко дремала.

— Здорово живешь, Марковна!—разбудилъ ее Никита, подходя къ воротамъ.

Громкій голосъ напугалъ старуху, она привскочила съ мѣста и, протирая заспанные глаза, заворчала:

— Ишь гаркнулъ! Ну, и голосъ у тебя, паренекъ, ровно труба звучная.

— Аль напугалъ, бабушка?

— Не опомнюсь и посейчасъ съ перепугу.

— Видно, за испугъ платить тебѣ придется. На, получай гривну серебра.

— Вотъ за это, паренекъ, спасибо, – пряча гривну въ карманъ, смягчилась старуха.

— А до тебя, Марковна, у насъ просьба есть.

— Какая? Сказывай.

— Бояринъ мой и я заутра изъ Москвы ѣдемъ, и надолго ѣдемъ.

— Ѣдете! А зачѣмъ?

— Надо, бабушка! Бояринъ твой, Шигона, гонитъ насъ.

— Али въ Москвѣ жить стало тѣсно, что гонитъ васъ?

— Видно, такъ! Теперь, вишь, какую власть забралъ Шигона,—что хочетъ, то и дѣлаетъ.

— Стало-быть, моей боярышнѣ за твоимъ бояриномъ не бывать?

— Гдѣ ужъ тутъ, до того ли?! Намъ бы хоть живыми остаться.

— То-то, моя жемчужина, Надюшка, горевать да плакать будетъ. Вѣдь охъ какъ крѣпко любитъ она боярина-то, Бориса Васильевича.

— Да и бояринъ по ней тоже крѣпко тоскуетъ. Хоть бы ты, Марковна, помогла ихъ горю.

— Охъ, паренекъ, и рада бы помочь, да не знаю чѣмъ.

— А вотъ чѣмъ: проведи боярина въ горенку къ своей боярышнѣ.

— Что ты, что ты? Очумѣлъ, что ли? — испуганно отодвинулась отъ Никиты старуха.

— Что жъ пугаться тутъ?

— Какъ не пугаться, слыша твои негожія рѣчи! Вишь что выдумалъ!

— Да какъ же быть иначе! Вѣдь боярину проститься надо со своей суженой; разстаются же они надолго, можетъ, и на всю жизнь.

— Да развѣ жъ это можно?

— А почему нельзя?

— Съ нашимъ-то грознымъ лучше не начинать. Не только въ горницу, ко двору не велѣно подпускать твоего боярина.

— Ну, ко двору старуха, пожалуй, и не подпускай, а въ горенку къ боярышнѣ ужъ ты его проведи. Тоже вѣдь въ накладѣ не останешься: небось, во какой кошель съ деньгами получишь!

— Ужъ и кошель?!—уже понемногу сдаваясь, сладкимъ голоскомъ спрашивала старуха.

— Какъ же, кошель, гривнами набитый.

— Не врешь?

— Чего врать! Бояринъ въ дверь, а кошель тебѣ въ карманъ!

— Ужъ и въ карманъ?

— Вѣстимо! Изъ кармана ты, бабушка, деньги въ сундукъ положишь. Чай, въ твоемъ сундукѣ денегъ куры не клюютъ.

— И, паренекъ, какія деньги у старухи.

— Ну, Марковна, по рукамъ, что ли?

— Охъ, боязно!

— Чего боязно?

— Провѣдаетъ бояринъ, въ ту пору страшной мукой замучаетъ.

— А мы такъ устроимъ, что бояринъ не провѣдаетъ.

— Опасно, паренекъ.

— А кошель забыла?

— Что кошель! Своя шкура дороже денегъ.

— Ты послушай, Марковна, какую я штуку придумалъ.

Никита сталъ что-то шептать старухѣ на ухо.

— Ну хитеръ же ты, Никита, куда хитеръ! Вѣдь ишъ, что придумалъ! Ну присылай боярина, у воротъ ждать его буду.

— Вотъ и давно бы такъ!—обрадовался парень.

— Присылай, присылай. Да не забудь про кошель боярину напомнить.

Никита простился съ Марковной и быстро удалился отъ боярскихъ воротъ.

XVI.

Былъ теплый лѣтній вечеръ.

Солнце догорало на пурпуровомъ небосклонѣ. Челядинцы Шигоны уже давно поужинали, но никому изъ нихъ не хотѣлось въ такую рань завалиться спать. Всѣ высыпали къ воротамъ и здѣсь, усѣвшись поудобнѣе, бесѣдовали о дѣлахъ московскихъ, а пуще о бояринѣ своемъ, ставшемъ теперь вельможею изъ первыхъ на Москвѣ.

Старуха Марковна была тутъ со всѣми челядинцами и принимала живѣйшее участіе въ разговорѣ.

Никто и не замѣтилъ, какъ къ воротамъ подошелъ дряхлый старикъ, съ длинной, сѣдой бородой. Въ рваномъ армячишкѣ, въ дырявой мѣховой шапкѣ, низко нахлобученной на головѣ, съ котомкой за плечами и длинной суковатой палкой въ рукахъ, старикъ былъ похожъ на нищаго.

— Миръ вамъ!—тихо проговорилъ старикъ, кланяясь челядинцамъ.

— Спасибо, дѣдушка! Присядь съ нами, отдохни. Усталъ, чай.

Говорившій хотѣлъ было очистить мѣсто для старика.

— Спасибо, добрый человѣкъ, спасибо! Не усталъ я. Копеечку мнѣ, старичку, Христа ради!—обратился онъ къ Марковнѣ, на которую бросилъ при этомъ пристальный взглядъ.

Марковна протянула ему копейку.

— Спасибо! Воздай тебѣ Господь сторицей!

— А вотъ что, старикъ, не умѣешь ли ты сказки сказывать, не знаешь ли былинъ ты? — спросила Марковна.

— Какъ же, матушка, знаю! Али разсказать прикажешь?

— Нѣтъ, я-то не охоча до сказокъ, къ боярышнѣ развѣ тебя свести. Она у насъ больно любитъ сказки слушать. Сведу тебя къ ней въ свѣтлицу, разскажи ты ей сказку, авось, и тоску ея прогонишь.

Марковна повела старика-сказочника по длинному двору, направляясь съ нимъ въ свѣтлицу своей „выходицы“.

— Ну, и хитеръ же ты, бояринъ, куда какъ хитеръ! Вѣдь вотъ какъ нарядился, что и признать тебя трудно. Настоящій старикъ. А все Никита: его выдумка! — съ веселой улыбкой говорила Марковна Дятлову.

По совѣту Никиты, Борисъ нарядился старикомъ; сѣдая борода и волосы искусно были сдѣланы изъ льна. Въ этомъ нарядѣ его, дѣйствительно, нелегко было узнать.

Цѣль его была, такимъ образомъ, достигнута. Рѣшившись на время покинуть Москву, онъ нашелъ способъ проститься съ своей милой.

XVII.

Свѣтлица боярышни, выходившая двумя оконцами въ густой зеленый садъ, обставлена была богато и роскошно. Шигона любилъ роскошь и старался объ украшеніи своего терема.

Подъ кружевнымъ покрываломъ стояла точеная кровать, въ переднемъ углу — св. иконы въ дорогихъ золотыхъ окладахъ; передъ иконами ярко горѣла неугасимая лампада.

Боярышня сидѣла около рѣзного дубоваго стола въ

глубокой задумчивости, положивъ свою хорошенькую головку на руки. Думы одна мрачнѣе другой тревожили голубку, слезы душили ее.

„Никогда-никогда не увижу я Бориса, и даже думать не велѣлъ мнѣ батюшка. Да развѣ жъ это можно? Вольна ли я въ своемъ сердцѣ? Кого любишь, того ужъ не разлюбишь“.

Вдругъ она слышитъ тяжелые шаги по лѣстницѣ: къ ней въ свѣтлицу кто-то идетъ. Дверь отворилась, вошла сначала Марковна, а за ней дряхлый старикъ.

— Не тоскуй, не горюй, жемчужина моя! Привела я къ тебѣ старика; гораздъ онъ сказки разсказывать. Послушай его, дитятко.

— Не до сказокъ мнѣ теперь. Оставь меня, не хочу я слушать.

— Не гони его, болѣзная: сказкою да прибауткою, можетъ, и тоску твою разгонитъ.

— Нѣтъ, уведи его, не хочу я его сказокъ.

— Не спесивься, боярышня, послушай мою сказку,— вдругъ заговорилъ Борисъ.

Красавица узнала голосъ своего возлюбленнаго, подняла голову и, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на старика, радостно къ нему кинулась.

— Узнала, голубка, узнала! — цѣлуя лицо и руки у своей суженой, говорилъ Дятловъ.

— Какъ ни нарядись, во всемъ тебя узнаю, милый!

— Любишь, Надя, любишь меня?

— Кого же мнѣ и любить, какъ не тебя? — Вѣдь ты мой суженый.

— Былъ имъ прежде, люба. Теперь отецъ твой гонитъ меня.

— Все же ты мой женихъ, и, кромѣ тебя, я ни за кого не пойду, ни кому не отдамъ и кольца обручальнаго. Тебѣ, Борисъ, или никому. Хочешь, поклянусь тебѣ въ томъ!

— Зачѣмъ, голубка, я и такъ повѣрю. И я, Надя,

вотъ передъ святой иконой обѣщаніе даю, — одну тебя любить до конца своей жизни.

— Милый, милый! Неужели же мы не дождемся счастливаго времечка? Можетъ, батюшка перемѣнитъ свое рѣшеніе и дастъ согласіе на нашу свадьбу.

— Охъ, люба, не таковъ твой отецъ.

— Вѣдь только съ виду кажется онъ суровъ, а вѣдь онъ меня жалѣетъ. Улучу время, Борисъ, когда онъ будетъ веселъ, и слезно стану я просить у него согласія на нашу свадьбу.

— Не упросишь.

— Постараюсь, упрошу.

— Дай-то Богъ. А я, голубка, пришелъ съ тобой проститься.

— Какъ проститься! Развѣ ты куда ѣдешь? — вся поблѣднѣвъ, спросила молодая дѣвушка.

— Ѣду. Надо ѣхать, если изъ Москвы гонятъ.

— Кто жъ это гонитъ, кто?

— Отецъ твой да еще князь Овчина Оболенскій. Сильные они теперь люди и властные; трудно съ ними спорить.

— Челомъ ударь великой княгинѣ, у ней правды и милости проси.

— Да развѣ не знаешь, Надя, что княгиня Елена дѣлаетъ все по совѣту Шигоны и Оболенскаго: чего они захотятъ, такъ тому и быть.

— Гдѣ же правда-то, гдѣ правда?

— Нѣтъ теперь правды на святой Руси, погуливаетъ одна кривда-лиходѣйка, — печально отвѣтилъ Дятловъ.

Пока влюбленные разговаривали, Марковна, чтобы не мѣшать имъ, забралась на лежанку и задремала. Молодые люди увлеклись разговоромъ, старуха спала, и никто не предупредилъ опасности. Голубки попались. Дверь свѣтлицы вдругъ отворилась, и на порогѣ показался Шигона.

XVIII.

Неожиданный приходъ отца прозвелъ страшное впечатлѣніе. Надя сидѣла ни жива ни мертва.

Дятловъ все-таки не потерялся: онъ всталъ и низко поклонился боярину.

Марковна же попрежнему сладко дремала.

— Кто это? — сердито спросилъ Шигона у дочери, показывая на Дятлова.

— Сказочникъ, — чуть слышно отвѣтила молодая дѣвушка.

— Калика перехожій я, государь-бояринъ, былины пою, сказки разсказываю, — мѣняя голосъ, проговорилъ Борисъ, стараясь не глядѣтъ на боярина.

— Про что же ты дочери говорилъ? — подозрительно спросилъ Шигона

— Про славнаго и отважнаго богатыря Илью Муромца.

— А хороша ли твоя сказка?

— Занятная, государь.

— Послушаемъ, что за сказка! Пойдемъ въ мою опочивальню, ты разскажешь, а я послушаю — мнѣ что-то не спится, можетъ, съ твоей побасенки я и засну. А ты, старая, чего носомъ-то клюешь?

Шигона ударилъ по плечу дремавшую Марковну; та открыла глаза и дико крикнула съ перепугу.

— Ахти, бѣда, бояринъ!

— Вѣрно сказала, старая: бѣда тебѣ, что дочь мою плохо блюдешь — ввела къ ней чужого человѣка, оборвыша, а сама спишь.

— Прости, государь, помилуй! Ненарокомъ задремала.

Марковна съ плачемъ повалилась въ ноги своему грозному боярину.

— Какъ смѣла, старая хрычовка, безъ моего вѣдома водить чужихъ въ дочернину свѣтлицу?

— Помилуй, государь, никогда не буду.

— Ну, вставай, хрычовка, на этотъ разъ тебя я милую, но горе будетъ, если ты безъ спроса въ дочернину свѣтлицу будешь водить пройдохъ, каликъ перехожихъ!..

— Вовѣки, государь, не буду, только не губи!

— А ты, Надежда, спать ложись, въ другой разъ этихъ сказочниковъ гони подальше отъ себя. Не то худо будетъ.

— Я, родимый батюшка...

— Ну, ладно, ложись и спи. Ну, пойдемъ, старикъ, потѣшь меня своею сказкою.

Неспѣша, вышелъ бояринъ изъ свѣтлицы, въ сопровожденіи Дятлова.

— Ахти, бѣда, пропали мы, какъ есть пропали! Попались. Теперь не миновать бѣды!—заголосила Марковна, по уходѣ боярина.

— Не знаю, какъ я жива осталась отъ страха. Батюшка вошелъ такъ неожиданно, мы съ Борисомъ сидѣли рядомъ; чай, онъ видѣлъ...—дрожащимъ голосомъ проговорила боярышня.

— Ну, узнаетъ бояринъ, что тогда намъ будетъ?!

— Авось, не узнаетъ: Бориса нелегко узнать въ такомъ нарядѣ.

— А то, можетъ, и узналъ бояринъ да къ себѣ на расправу повелъ молодца.

— Да полно, Марковна, болтать. Если бы батюшка узналъ Бориса, не то бы было.

— Охъ, боюсь, до страсти боюсь, что узнаетъ, а то, можетъ, самъ бояричъ какъ-нибудь проговорится...

— Не таковъ Борисъ—хитеръ, смышленъ, себя не выдастъ.

— Дай-то Богъ!

— Батюшка спать ляжетъ, а Борисъ разскажетъ ему сказку какую-нибудь и тою сказкою усыпитъ его и благополучно выйдетъ изъ терема.

— Охъ, жемчужина моя, такъ ли будетъ, вѣдь не узнаешь раньше. А ну, какъ бояринъ провѣдаетъ, что за старикъ разсказываетъ ему сказки, что тогда будетъ?—слезливымъ голосомъ говорила Марковна.

— Что будетъ, то и будетъ!

— Твое дѣло дочернино, съ тебя онъ головы не сниметъ, — а меня-то, меня, горемычную, вѣдь разказнитъ бояринъ грозный, живую душу вымотаетъ изъ тѣла. Укрой меня, Господи, отъ гнѣва боярскаго, спаси отъ злой напасти!..

Марковна стала усердно молиться.

Боярышня хотя и старалась успокоить старуху-няньку, но и сама встревожилась не меньше ея: участь Бориса пугала молодую дѣвушку. „Ну, вдругъ батюшка признаетъ Бориса, быть тогда бѣдѣ, большой бѣдѣ; и Борису, и мнѣ, и Марковнѣ—всѣмъ не сдобровать“, думала она.

И страхъ боярышни и ея няньки былъ далеко не напрасенъ.

XIX.

Шигона ввелъ Дятлова въ свою опочивальню и велѣлъ ему говорить сказку, а самъ легъ на кровать.

— Какую прикажешь, государь? — спросилъ у него Борисъ.

— Говори, какую хочешь, мнѣ все равно,—понравится твоя сказка, гривну дамъ, а не понравится — велю метлою гнать.

Подумавъ немного, Дятловъ началъ свою сказку.

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, былъ да жилъ бояринъ именитый, по прозванію Хабаръ; нравомъ былъ бояринъ крутъ и неприступенъ, богатство у него было большое,—деньги считалъ онъ мѣрою, челядинцевъ у него былъ полный дворъ; но плохо жилось у Хабара его челядинцамъ: билъ боя-

ринъ ихъ много, а кормилъ мало. Честной народъ боялся грознаго Хабара, сторонились его, избѣгали даже ходить мимо его высокаго терема, а теремъ у него былъ большой-пребольшой, изъ дубоваго лѣса построенный. Но не одинъ жилъ бояринъ въ томъ теремѣ высокомъ; жила съ нимъ дочь его, красавица на удивленіе всѣмъ...

— А какъ звать ее!—привставъ съ кровати и зорко посматривая на Дятлова, спросилъ Шигона.

— Еленою, бояринъ,—отвѣтилъ Борисъ.

— Ну, сказывай дальше, старикъ, послушаю.

— И хороша же была Елена, дочь боярская, куда какъ хороша, что лебедь бѣлая, что зорька румяная, съ голубыми очами ясными, съ длинной косой черной, и нравомъ своимъ не въ отца была боярышня. Кроткая, да тихая, до чужого горя податливая.

Дятловъ забылся и съ жаромъ описывалъ красоту своей возлюбленной. Шигона понялъ, что съ такимъ увлеченіемъ старикъ не можетъ говорить про женскую красоту, и сталъ подозрительно посматривать на разсказчика.

„И цвѣла Елена въ высокомъ теремѣ своего отца, что маковъ цвѣтъ, веселая да радостная; много жениховъ за нее сватались, были и дворяне, и бояре, и другіе люди знатные. Не спѣшилъ Хабаръ въ чужіе люди выдать свою дочь-красавицу,—разсказывалъ Борисъ, а бояринъ притворился спящимъ и тихо храпѣлъ.

„Пришла пора любовная, пришло времячко любить, и полюбила красная дѣвица молодого парня, хоть и богатаго, да не знатнаго. Тотъ добрый молодецъ, боярскій сынъ, полюбилъ красавицу Елену пуще рода, пуще племени. И думали-гадали они итти подъ святой вѣнецъ во церковь Божію. Но, отецъ, бояринъ злой, сталъ ихъ разлучникомъ, поперекъ дочернина счастья пошелъ, разлучилъ онъ свою дочь съ ея милымъ другомъ сердечнымъ, загубилъ онъ дочернинъ вѣкъ дѣвичій, погубилъ онъ и добраго молодца, сына боярскаго...“

Тутъ перестаіъ разсказывать Дятловъ и тихо подошелъ къ кровати; бояринъ спалъ повернувшись къ стѣнѣ.

— Уснулъ старикъ, не догадался, что сказку-то я про него говорилъ и про его дочь, мою сердечную любу. Пойти теперь домой, благо онъ уснулъ.

— Ну, наврядъ ты скоро попадешь домой, разсказчикъ дорогой!—не своимъ голосомъ крикнулъ Шигона.

Онъ, быстро вскочивъ съ кровати, схватилъ висѣвшій на стѣнѣ широкій ножъ и замахнулся на Дятлова.

— Бояринъ!

Только и могъ выговорить пораженный молодой ловчій.

— Долой личину!—крикнулъ Шигона и сорвалъ съ Бориса привязанную бороду.

— Ба, ба, старый знакомый, ловчій великокняжескій. Ну и мастеръ же ты говорить сказки! Потѣшь, доскажи свою побасенку, а я послушаю! — злобно смѣялся бояринъ, наслаждаясь смущеніемъ Дятлова. Ну, что молчишь! Досказывай, молъ, какъ добрый молодецъ, суженый да ряженый, нарядился старикомъ-калѣкой и вошелъ къ своей любушкѣ въ свѣтлицу и сталъ ее миловать да цѣловать, да то лихо — старикъ-отецъ помѣшалъ: не чаяно, не гадано вошелъ въ дочернину свѣтлицу, сказочника увелъ къ себѣ, тутъ онъ и сорвалъ бороду съ него, добраго молодца, и уличилъ его, нечестивца.

— Въ твоей я волѣ, бояринъ, карай меня, но не глумись!—твердо проговорилъ Дятловъ.

— Да, воля надъ тобой моя! Ты опозорилъ дочь мою, дьяволъ... и жестоко поплатишься за это.

— Бояринъ!

— Смолкни! Не то уложу на мѣстѣ.

Шигона замахнулся ножомъ на Бориса.

— Ты началъ говорить сказку; а я ея конецъ доскажу. Слушай! Обличивъ парня, что старикомъ нарядился, Хабаръ позвалъ своихъ холоповъ и велѣлъ скрутить молодца и бросить въ сырой и душный по-

гребъ. Тамъ, въ погребѣ, сгинулъ добрый молодецъ, тѣло его бѣлое да нѣжное крысы да гады пожрали. Что, молодчикъ, ловчій великокняжескій, хорошъ ли конецъ сказкѣ? Любо ли тебѣ? Ты дочь мою сгубилъ, а я жизнь твою сгублю. Эй! плетей сюда, веревокъ!— громко крикнулъ бояринъ, пріотворяя дверь.

Опочивальня быстро наполнилась холопами.

— Крутите покрѣпче этого оборванца!—приказалъ своимъ холопамъ Шигона.

Дятловъ не сопротивлялся; было бы безуміемъ сопротивляться одному и, притомъ, безоружному противъ десятка здоровыхъ и сильныхъ парней; руки у несчастнаго Бориса были крѣпко скручены.

— Тащите его въ погребъ!

И раболѣпные исполнители боярской воли потащили Дятлова.

Бояринъ со свѣчою въ рукахъ отправился въ дочернину свѣтлицу и за собой приказалъ итти четверымъ холопамъ съ плетьми. Самъ онъ вошелъ въ свѣтлицу, а холопамъ приказалъ дожидаться на лѣстницѣ.

До слуха бѣдной дѣвушки дошли неистовые крики и шумъ; она поняла, что отецъ, навѣрное, узналъ Бориса, и вотъ причина этого шума.

— Марковна, ты слышишь шумъ и крики?—блѣдная, какъ смерть, спросила Надя.

— Охъ, слышу, боярышня, слышу; видно, твой батюшка призналъ Бориса-то Васильевича,—дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣтила старуха.

— Бѣги, Марковна, скорѣе бѣги, пока жива.

— Охъ, стары ноги у меня! Куда я побѣгу, жемчужина моя!

— Спасайся, бѣги, не то будетъ поздно!

— А ты?

— За меня не бойся.

— Побѣжимъ вмѣстѣ, а то бояринъ убьетъ тебя, замучаетъ.

— Бѣги, сама спасайся, я смерти не боюсь.

— Сохрани тебя Господь, боярышня. Прости, прощай, жемчужина моя.

Марковна крѣпко обняла и поцѣловала свою „выходицу" и поспѣшила выйти изъ свѣтлицы; никѣмъ не замѣченная, она спустилась съ лѣстницы, добѣжала до незапертыхъ воротъ и очутилась на свободѣ. На улицѣ никого не было, и Марковна, собравъ всѣ свои силы, бросилась бѣжать отъ боярскаго терема.

Между тѣмъ, Шигона вошелъ въ свѣтлицу и такъ взглянулъ на дочь, что бѣдная дѣвушка замертво грохнулась на полъ, безъ памяти.

Бояринъ позвалъ прислужницъ; тѣ бережно подняли безчувственную боярышню и, положивъ ее на кровать, стали обрызгивать ее холодной водой.

Безъ злости посмотрѣлъ теперь на свою дочь бояринъ, тяжело вздохнулъ и вышелъ изъ свѣтлицы. Вернувшись въ свою опочивальню, онъ приказалъ привести къ себѣ Марковну, но ея и слѣдъ простылъ.

XX.

Великокняжескій теремъ. Смерть великаго князя на все положила свою печать. Все кругомъ носитъ унылый, печальный видъ.

Новая правительница, въ траурной одеждѣ, сидитъ въ своей горницѣ за пяльцами и вышиваетъ по бархату крупнымъ жемчугомъ. Но эта работа не отвлекаетъ честолюбивую княгиню отъ думъ и мечтаній относительно будущаго. Ея теперешняя роль перевернула всю ея жизнь, и сладостно бьется женское сердце подъ невыразимымъ обаяніемъ могущественной власти, неожиданно перешедшей въ ея руки.

Думы великой княгини были прерваны появленіемъ дворцоваго слуги, доложившаго о приходѣ боярина Шигоны.

— Пусть войдетъ,—разрѣшила правительница.

Шигона вошелъ въ свѣтлицу правительницы, сохраняя свой угрюмый видъ.

Елена замѣтила это настроеніе своего приближеннаго и спросила:

— Ты какъ бы чѣмъ-то недоволенъ, бояринъ! Сказывай, что случилось?

— Въ моемъ терему непокойно,—отвѣтилъ Шигона.

— Что такое?

— Большая бѣда стряслась: дочь мою злодѣй опозорилъ.

— Кто жъ это посмѣлъ?

— Ловчій покойнаго великаго князя, по прозванію Дятловъ.

— Знаю. Борисъ Дятловъ! Онъ былъ любимцемъ моего мужа.

— Злодѣй онъ, государыня, хуже душегубца!

— Разскажи же бояринъ, какъ все произошло. Кажись, Дятловъ хорошо идетъ по службѣ и тихій онъ, скромный... Постой, постой... дай припомнить,—вѣдь Дятловъ считался женихомъ твоей дочери.

— Все повѣдаю тебѣ, царица-матушка — изволь слушать.

Шигона разсказалъ Еленѣ, какъ покойный великій князь сваталъ за Бориса его дочь, какъ Шигона, скрѣпя сердце, долженъ былъ согласиться на этотъ бракъ, чтобы не прогнѣвать государя, и какъ онъ взялъ свое слово назадъ, потому что Дятловъ по своему незнатному роду въ зятья къ нему, думному боярину, не пригоденъ. Тутъ же обозвалъ Бориса и мотыгой и безпутнымъ парнемъ и пересыпалъ свой разсказъ о томъ, какъ онъ засталъ Дятлова въ свѣтлицѣ у дочери, всевозможными прикрасами.

— Что же ты намѣренъ теперь дѣлать?—спросила Елена Шигону, когда онъ кончилъ свой разсказъ.

— Жду твоего приказа, государыня: какъ ты укажешь, такъ тому и быть.

— Приказывать въ этомъ дѣлѣ не буду, а совѣтъ тебѣ дамъ. Хочешь, выполняй его, не хочешь, какъ знаешь.

— Слушаю, княгиня-матушка!

— Такъ вотъ выдай свою дочь за Дятлова, прикрой грѣхъ.

— Не неволь меня, государыня, не въ силахъ я совершить этого, — низко поклонившись княгинѣ, возразилъ бояринъ.

— Я не неволю, а совѣтъ даю: поступай, какъ хочешь.

— Я скорѣе, государыня, дочь свою въ гробу тесовомъ увижу, чѣмъ женою врага моего.

— А гдѣ теперь Дятловъ? — рѣзко оборвала его Елена: ей очень не по душѣ пришлось, что Шигона не пожелалъ принять ея благоразумнаго совѣта.

— Въ погребъ его я посадилъ до твоего рѣшенья, государыня.

— По своимъ дѣламъ грѣховнымъ, Дятловъ заслуживаетъ наказанія, но небольшого, и поэтому, бояринъ, подержи его съ мѣсяцъ въ своемъ погребѣ, а тамъ выпусти, но сдѣлай это безъ огласки.

— Слушаю, государыня!

Въ отвѣтѣ Шигоны слышалась нотка раздраженія и разочарованія. И ему не по нраву пришлось рѣшеніе княгини. Онъ надѣялся, что Елена дастъ ему полную волю надъ жизнью и смертью молодого ловчаго, т.-е. выдастъ его головой. Мстительный бояринъ уже рѣшилъ продержать Дятлова въ погребѣ до самой смерти.

— Помни же, бояринъ, чтобы черезъ мѣсяцъ Дятловъ былъ на свободѣ! — съ этими словами Елена отпустила отъ себя Шигону.

Шигона вышелъ изъ горницы великой княгини недовольнымъ. Именитый бояринъ былъ оскорбленъ и обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Вѣрный и преданный интересамъ Елены, онъ теперь рѣшилъ повести себя иначе.

„Дожидайся, такъ я его и выпущу! Нѣтъ, княгинюшка, живымъ онъ не выйдетъ изъ погреба!“

Такъ раздумывалъ Шигона, возвращаясь къ себѣ въ пышной повозкѣ, запряженной тройкой лихихъ коней.

XXI.

Едва только Шигона вышелъ изъ великокняжескаго терема, какъ къ Еленѣ вошелъ ея родной дядя Михаилъ Львовичъ Глинскій, красивый, мужественный старикъ.

— А, дядюшка, рада тебя видѣть. Садись, — привѣтливо встрѣтила его великая княгиня.—Да ты никакъ чѣмъ-то удрученъ! Что съ тобой, дядюшка?

— Забота есть, царица-племянница.

— Въ чемъ дѣло, сказывай скорѣй!

— Удрученъ я молвою, что идетъ по всей Москвѣ. Приблизила ты къ себѣ, племянница, и возвысила не по заслугамъ князя Іоанна Овчину-Оболенскаго. Не спроста, видно, онъ тобою такъ возвышенъ. Сама ты знаешь, что русскіе привыкли видѣть на престолѣ князей, подвижниковъ святой и честной жизни. Покойный твой супругъ, на смертномъ одрѣ своемъ, приказывалъ мнѣ блюсти тебя отъ всякаго соблазна.

— Такъ вотъ что! — вся вспыхнувъ, проговорила Елена и отвернула свой взоръ отъ князя Глинскаго.

— Того не забывай, государыня, что твой сынъ-первенецъ есть русскій царь! Спаси честь своихъ дѣтей, не дай воли злой молвѣ! О томъ слезно прошу тебя, царица! — Михаилъ Глинскій чуть не до земли поклонился великой княгинѣ.—Еще попомни: какъ любилъ и лелѣялъ тебя супругъ покойный! А теперь все, что онъ любилъ больше жизни, затоптано въ грязь.

— Ты все сказалъ? Знай же, князь Глинскій, я уже на возрастѣ и учить меня поздно. Память покойнаго супруга я свято чту, дѣтей своихъ люблю, а на ту молву злую, что въ народѣ распространяютъ мои вороги, мало я вниманія обращаю.

— Милая моя племянница...

— Постой, постой, князь. Государыня я, того не забывай.

— Прости, государыня!..

— Ну, сказывай, что дальше хотѣлъ.

— Дальше не знаю ужъ говорить ли. Вижу я, что князь Овчина-Оболенскій тебѣ дороже всѣхъ, даже дороже дѣтей младенцевъ! — все попрежнему твердо говорилъ Глинскій.

— Молчи, князь! Не забывай, что говоришь ты не съ племянницей, а съ государыней!

— Прошу тебя, государыня, уволь меня отъ всякихъ дѣлъ, отпусти въ мою лѣсную усадьбу. Тамъ въ тиши, я доживу остатокъ дней своихъ. Но знай, племянница, я люблю тебя, какъ родную дочь. Плачу и скорблю ежечасно о томъ, что слышу о тебѣ.

— И ты вѣришь клеветѣ?

— Не буду вѣрить, когда отдалишь отъ себя князя Ивана. Наложи на него опалу, слезно о томъ прошу тебя.

— Кто смѣетъ чернить меня? Скажи. Я сумѣю достойною казнью наказать клеветника!

— Ты спрашиваешь, кто? Да весь народъ про то говоритъ. А людская молва—что морская волна.

— Догадываюсь я, княже, въ чемъ тутъ дѣло: тебѣ властвовать одному хочется, совмѣстники же тебѣ не любы. Такъ знай же, князь Михайло: возвысила я Ивана Овчину-Оболенскаго за его вѣрную и преданную службу мнѣ и Руси святой. Вижу я, не изъ любви жалѣешь меня, а изъ корысти!

— Грѣшно тебѣ говорить такъ, государыня!

— Дай тебѣ власть—ты бы всю Русь разорилъ, — чуть не крикнула Елена.

— Ну, что жъ! Дѣлать, видно, мнѣ при твоемъ дворѣ нечего. А все же на прощаніи скажу тебѣ, царица-племянница: одумайся, побереги женскій стыдъ и честь, не забывай дѣтей. Прощай!

— Вонъ! Вонъ съ глазъ моихъ! —гнѣвно крикнула Елена.

Михаилъ Глинскій только на минуту повернулъ голову и посмотрѣлъ съ упрекомъ на Елену, затѣмъ онъ вышелъ.

„Дерзкій старикъ! Знаю я, къ чему ты стремишься! Мнѣ разстаться съ Иваномъ? Возможно ли? Скорѣе, съ тобою, старикъ сварливый, я разстанусь, чѣмъ съ нимъ. Пугаетъ меня молвою народною. Что мнѣ молва? Говорятъ—заставимъ молчать! Я вырву дерзкіе языки!"

Елена гнѣвно шагала по своей горницѣ и не переставала хулить старика-дядю.

— Чѣмъ встревожена, свѣтъ государыня, великая княгиня? — ласково прервалъ ее только что вошедшій молодой князь Иванъ Ѳедоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій.

Это былъ бравый, статный и весьма красивый человѣкъ. Одѣтъ онъ былъ богато. На немъ былъ бархатный кафтанъ зеленаго цвѣта, обложенный по краямъ золотымъ позументомъ и обшитый крупнымъ жемчугомъ; широкій поясъ блестѣлъ драгоцѣнными камнями, въ рукахъ онъ держалъ низенькую бархатную шапку съ собольей опушкой.

— Во-время ты, князь Иванъ, пришелъ. Насъ разлучить съ тобой хотятъ!

Елена положила свои руки на плечи красавца.

— Насъ! Разлучить! Да кто?

— Мой дядюшка, князь Михаилъ.

— О, знаю! Большая я ему помѣха.

— Но ты не бойся, только одна смерть можетъ насъ разлучить.

— Рано намъ, государыня, о смерти думать.

— Во власть твою я отдаю, князь, Михаила, дѣлай съ нимъ, что хочешь.

— Избавь, государыня! Хоть Глинскій и врагъ мнѣ; знаю, что онъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы отъ меня избавиться; но все-таки скажу, что и услуга

князя передъ родиной велика. Припомни, — его вражда съ польскимъ королемъ дала намъ Смоленскъ, ему же, государыня, обязана ты трономъ! — съ жаромъ защищалъ Глинскаго молодой князь.

— Грубый онъ и дерзкій старикъ, и смерть должна ему быть за это наказаніемъ.

— И приговоръ не правъ будетъ. Тебя же, государыня, обвинятъ въ жестокости.

— Ну, пусть живетъ старикъ, только убери его подальше отъ моего двора, въ ссылку пошли его, ну, хоть туда, гдѣ онъ сидѣлъ при мужѣ.

— Слушаю, государыня. Теперь займемся дѣломъ. Враги поляки опустошаютъ нашу землю; по твоему указу, собраны дружины ратныя; назначь, кому быть вождемъ.

— Кого ты выберешь, тотъ и будетъ.

— Назначь, государыня, князя Василія Шуйскаго: онъ опытенъ въ ратномъ дѣлѣ.

— Думала было я тебя назначить вождемъ передового полка, но ты въ Москвѣ нуженъ намъ.

— Не лишай, великая княгиня, и меня славы на ратномъ полѣ! Дай и мнѣ сразиться съ врагами отчизны! Повѣрь, не лишній буду я на войнѣ. Прошу усердно отпустить меня!

Князь опустился на колѣни передъ правительницей.

— Дѣлать нечего! Не легко мнѣ съ тобой разставаться, мой милый, но, чтобы на время заглушить молву про насъ, я назначаю тебя вождемъ перваго полка. Но смотри, князь, берегись: ты знаешь, твоя жизнь мнѣ дорога. Береги и воиновъ, а главное—себя, Ваня, пожалѣй,—нѣжно говорила Елена.

— О, государыня, милости твоей я во вѣкъ не забуду!

— Тяжело мнѣ будетъ безъ тебя, князь.

— Не надолго же я уѣду! Побьемъ мы поляковъ— и вернусь къ тебѣ, государыня, покрытый славою.

— Князь Иванъ, скажи Шигонѣ моимъ именемъ,

чтобы онъ скорѣе занялся укрѣпленіемъ Москвы. Пусть завтра же приступитъ къ постройкѣ каменныхъ стѣнъ вокругъ Китай-города. Крымцы намъ грозятъ войною, въ Казани тоже неспокойно — надо спѣшить укрѣпленіемъ Москвы.

— Слушаю, великая княгиня!

— Ну, прости! Я къ дѣтямъ пойду, чай, ждутъ меня сиротки мои...

XXII.

Марковна, такъ удачно избѣжавшая боярскаго гнѣва, поспѣшила прямо въ хоромы Дятлова, гдѣ думала укрыться, если бы бояринъ Шигона рѣшилъ ее разыскивать; притомъ, старуха хотѣла сообщить Никитѣ о бѣдѣ, разразившейся надъ Борисомъ Дятловымъ.

Никита еще не спалъ; онъ ожидалъ возвращенія своего боярича и очень удивился, когда къ нему въ горенку вошла измученная, усталая старуха.

— Ты что, Марковна? — поспѣшилъ спросить ее молодой парень.

— Охъ, Никитушка, бѣда, большая бѣда стряслась! — въ безсиліи опускаясь на скамью, отвѣтила она.

— Какая бѣда? Сказывай.

— Постой, постой, дай духъ перевести, — измучилась, бѣжавши.

— Не томи, Марковна, говори!

— Охъ, грозный бояринъ нашъ засталъ боярышню и боярича твоего...

— Ну?

— Прежде Бориса-то Васильевича принялъ онъ за старика-калику, увелъ въ свою опочивальню, а тамъ, — ужъ не знаю, какъ — призналъ его. Пошелъ такой крикъ да шумъ, что я, жалѣя свою шкуру, убѣжала изъ терема. Что тамъ произошло — не знаю. Охъ, не

жить теперь твоему бояричу, — поди, давно его извелъ нашъ грозный бояринъ; лютъ онъ въ своемъ гнѣвѣ; замытаритъ, замучитъ онъ и мою сердечную боярышню.

— Полно, старуха, слезами горю не поможешь. Надо думать, какъ боярича изъ бѣды избыть.

— Думай, Никитушка, думай, родной.

— Что дѣлать? какъ быть? — волновался Никита, быстро расхаживая по горенкѣ.

— И сама не знаю, Никитушка, сама не придумаю, какъ быть, какъ бѣду избыть.

— Убить боярича Шигона не посмѣетъ: Борисъ Васильевичъ слуга царскій.

— Не посмотритъ бояринъ, Никитушка: во гнѣвѣ, говорю, онъ лютъ.

Никита рѣшилъ рано утромъ отправиться на боярскій дворъ къ Шигонѣ.

Всю ночь вѣрный слуга Дятлова не сомкнулъ глазъ. Крѣпкую думку думалъ онъ, какъ спасти своего боярича; едва только взошло солнышко красное и насталъ день, какъ молодой парень отправился къ терему Шигоны. У воротъ на скамьѣ дремалъ пригрѣтый солнцемъ Иванъ, истопникъ боярскій. Никита велъ съ нимъ знакомство и очень обрадовался, когда у воротъ увидалъ своего пріятеля.

— Здорово, дядюшка Иванъ! — кланяясь истопнику, проговорилъ ласково Никита.

— Здорово, здорово! — какъ-то торопливо проговорилъ Иванъ.

— Можно съ тобой присѣсть?

— Присядь, пожалуй, только не надолго.

— Я не надолго — вѣдь у насъ, дядя Иванъ, въ терему не ладно.

— А что случилось?

— Да бояричъ мой, Борисъ Васильевичъ, со вчерашняго вечера пропалъ, ночь прошла, а онъ домой еще не приходилъ.

— Может, гдѣ заночевалъ, — сквозь зубы промолвилъ боярскій истопникъ.

— Наврядъ заночуетъ: какъ ни будь поздно, все домой вернется. Вотъ что, дядюшка Иванъ: бояричъ вѣдь къ вамъ въ теремъ пошелъ; скрывать отъ тебя не буду: нарядился онъ старикомъ, каликой, пошелъ, чтобы свидѣться съ боярышней дочкой вашего боярина, и вотъ домой до сихъ поръ не являлся.

— Ничего не знаю, милый человѣкъ, ничего не вѣдаю,—смотря куда-то въ сторону, промолвилъ Иванъ.

— Полно, дядя, не скрывай, я вѣдь знаю, что бояричъ у васъ, только не знаю, гдѣ спряталъ его Шигона.

— Ты не знаешь и я не знаю.

— Нѣтъ ты знаешь, только сказать не хочешь.

— И сказалъ бы, да не можно; отъ боярича я, окромя милости, не видалъ ничего; добрый онъ, хорошій, жалѣю его я, пожалуй, не меньше твоего — жалѣю его молодость и плачусь на его участь горькую.

— А если такъ, дядюшка, родной, голубчикъ, помоги мнѣ боярича изъ злой неволи выручить.

— Эхъ, не можное то дѣло.

— Почему же не можное?

— А потому, крѣпко наказывалъ бояринъ стеречь Бориса Васильевича и ключъ отъ погреба къ себѣ взялъ.

— Стало-быть, бояричъ въ погребѣ сидитъ?

— Въ пустомъ погребѣ и, скажу тебѣ, Никита, погребъ тотъ хуже могилы. Сидѣть въ немъ хуже смерти — самъ испыталъ. Нашъ бояринъ, кто провинится изъ холоповъ, туда и сажаетъ; рѣдкій кто выноситъ.

— Я спасу боярича.

— Полно, парень! Его спасти можетъ одинъ лишь Богъ! Ты ступай теперь, Никита; изъ дворовыхъ нашихъ кой-кто тебя знаетъ; скажутъ боярину, что тебя видѣли со мною, ну и бѣда! Не хотѣлъ было тебѣ я

говорить ничего, да не стерпѣлъ, любя боярича и жалѣючи его, сказалъ; только ты не проговорись, не погуби меня, Никита...

— Ужъ будь покоенъ, дядя, тебя не выдамъ, только помоги ты, помоги мнѣ спасти боярича; поможешь — въ накладѣ не останешься: бояричъ озолотитъ тебя.

— А ты вотъ что, парень: ужо ночью къ воротамъ подойди, стукни въ нихъ три раза, я буду ждать, ворота отворю, впущу на дворъ, а тамъ и подумаемъ, что намъ дѣлать.

— Дядюшка Иванъ, родной мой! — Никита кинулся обнимать истопника.

— Ну, полно, еще увидятъ. Ступай, ночью приходи.

Никита вернулся домой значительно успокоенный за судьбу своего боярина и съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться ночи.

XXIII.

Настала ночь, темная, непроглядная; черныя тучи заволокли небо. Темно, хоть глазъ выколи.

Никита тихо пробирался къ терему Шигоны; въ рукахъ у него былъ маленькій фонарикъ, которымъ онъ освѣщалъ себѣ путь. Подойдя къ воротамъ, онъ три раза стукнулъ; калитка отворилась, его встрѣтилъ истопникъ, тихо спросившій:

— Ты, Никита?

— Я, я, дядя Иванъ.

— Спрячь фонарь и иди за мной.

Истопникъ повелъ Никиту въ отдаленную часть двора, поросшаго густой травой; въ углу у забора стоялъ какой-то сарай съ запертой на замокъ дверью, около нея сладко спалъ дюжій парень, съ толстой дубиной въ рукахъ.

— Видишь ты этотъ сарай? — спросилъ истопникъ.

— Вижу, вижу, — отвѣтилъ Никита.

— Въ сараѣ этомъ есть погребъ, глубокій-преглубокій; въ немъ-то и сидитъ твой бояричъ; погребъ запертъ большимъ замкомъ, а ключъ у боярина; придется замокъ сшибить ломомъ... — И съ этими словами Иванъ вынулъ небольшой ломъ, спрятанный у него подъ кафтаномъ.

— Благодѣтелъ! Чѣмъ мы заплатимъ тебѣ.

— Мнѣ за это давно боярышня заплатила: разъ какъ-то бояринъ на меня прогнѣвался и приказалъ до смерти забить батогами. Боярышня со слезами упросила отца простить. Грозный бояринъ внялъ мольбамъ дочери и простилъ. Вотъ я и задумалъ, чтобы хоть немного отплатить боярышнѣ, спасти изъ злой неволи ея жениха. Пусть самъ погибну, а боярича спасу. Подождемъ полночи — и тогда за дѣло.

— А сторожъ? — спросилъ Никита, показывая на спавшаго парня.

— Его мы скрутимъ. А чтобы не кричалъ, заткнемъ ему ротъ тряпицею.

Между тѣмъ, брошенный въ сырой и глубокій погребъ, Дятловъ былъ почти безъ сознанія; холопы боярина Шигоны, слѣпо исполняя приказъ своего господина, волокомъ притащили несчастнаго Дятлова и спихнули его въ погребъ, заперевъ дверцы на замокъ; кстати и сарай, въ которомъ былъ вырытъ погребъ, тоже заперли на замокъ.

Борисъ очутился въ непроницаемомъ мракѣ. Дятловъ задыхался отъ спертаго гнилого воздуха; его мучила сильная жажда; онъ пробовалъ приподняться, но не могъ: руки у него были крѣпко скручены и отекли; онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ сильную боль, голова кружилась, и бѣдняга едва забылся.

Никита и истопникъ Иванъ, воспользовавшись темнотою ночи, при совершенномъ безмолвіи на боярскомъ дворѣ, скрутили спавшаго сторожа; онъ было сталъ кричать и звать на помощь, но Никита завязалъ ему

тряпицею ротъ. Небольшого труда стоило сбить замки у дверей сарая и у погреба.

Никита приподнялъ дверцы и освѣтилъ фонаремъ погребъ.

— Господи, вѣдь это хуже могилы! Бояричъ, Борисъ Васильевичъ! — позвалъ онъ Дятлова.

Никита нагнулся, стараясь увидать своего боярича, но свѣтъ фонаря былъ такъ слабъ, что не проникалъ до дна глубокаго погреба.

— Ничего не видно и не слышно! Ужъ живъ ли онъ?

— Вотъ веревка, спускайся, а я посвѣчу, полѣзай, не бойся! — предложилъ Иванъ.

Никита не заставилъ себя ждать: онъ быстро прикрѣпилъ веревку къ столбу и спустился на дно погреба.

— Бояричъ, бояричъ, очнись, родной! Ужъ не умеръ ли? Нѣтъ, славу Богу, дышитъ, только безъ памяти, сердечный. Очнись голубчикъ, — я пришелъ спасти тебя.

Но Дятловъ не отвѣчалъ: онъ былъ безъ сознанія.

— Спускайся и ты, дядя Иванъ,—бояричъ чуть живъ.

Никита съ помощью истопника кое-какъ вытащили Бориса и положилъ на траву.

Чистый воздухъ и холодная вода, которую почерпнулъ Иванъ изъ пруда, привели въ чувство Бориса.

— Гдѣ я? — открывая глаза, слабымъ голосомъ спросилъ онъ, не узнавая въ темнотѣ Никиту.

— Покуда еще на дворѣ своего ворога, а скоро будешь дома, бояричъ, — радостно проговорилъ Никита, помогая Дятлову встать.

Дятловъ понялъ, что онъ спасенъ, и быстро оправился. Никита успѣлъ разсказать, какъ они, вдвоемъ съ Иваномъ, вытащили его изъ погреба, и всѣ трое поспѣшили къ воротамъ. Калитка у воротъ была только задвинута засовомъ.

Тихо отворилъ Иванъ калитку, выпустилъ со двора Дятлова съ Никитой и самъ вышелъ за ними на улицу.

— Ты не сказалъ мнѣ, Никита, какъ звать моего избавителя, и кто онъ?

— Звать его Иваномъ, состоитъ онъ въ истопникахъ при теремѣ боярина Шигоны.

— Большое тебѣ спасибо, Иванъ! Я обязанъ тебѣ жизнью. Скажи, чѣмъ мнѣ отплатить тебѣ?

— Про это поговоримъ послѣ, добрый бояричъ, а теперь спѣши въ свой теремъ.

— А ты развѣ не пойдешь съ нами? — спросилъ истопника Никита.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ! А Шигона узнаетъ, что ты выпустилъ боярича, — вѣдь въ ту пору онъ тебя живого зароетъ въ землю.

— Я не боюсь смерти и радъ умереть за правду.

— Нѣтъ, Иванъ, не пущу я тебя къ Шигонѣ; ты мой избавитель и будешь всегда со мной!—рѣшилъ Борисъ.

— Пойдемъ, пойдемъ съ нами, — уговаривалъ Ивана Никита. — Помни, если пойдешь съ нами, Шигона догадается, что ты выпустилъ боярича изъ погреба и одного тебя обвинитъ, а другихъ челядинцевъ не тронетъ. А останешься на боярскомъ дворѣ, тогда старикъ будетъ разыскивать и дознаваться, кто выпустилъ: всѣхъ васъ пытать станетъ страшной пыткой.

— А вѣдь ты, парень, правду говоришь: оставаться мнѣ не слѣдъ. А вдругъ бояринъ узнаетъ, что я нахожусь у тебя, Борисъ Васильевичъ?

— Не узнаетъ. Пе надолго зайду я въ свой теремъ: раннимъ утромъ мы выѣдемъ изъ Москвы, — повезу тебя въ мою рязанскую вотчину; Шигонѣ не добраться до той вотчины... — сказалъ Борисъ Дятловъ и поспѣшилъ въ сопровожденіи своихъ избавителей въ свой теремъ.

XXIV.

Какъ только Борисъ добрался до своего терема, онъ немедленно отдалъ приказъ готовить коней и собираться въ дальнюю дорогу.

Черезъ нѣсколько минутъ, тройка добрыхъ коней, запряженныхъ въ прочный возокъ, была готова.

— Кони готовы, Борисъ Васильевичъ! — доложилъ Никита.

— Готовы? Такъ поѣдемъ.

Борисъ не совсѣмъ еще оправился и былъ слабъ; пребываніе въ сыромъ погребѣ въ теченіе сутокъ все-таки отозвалось и на его крѣпкомъ здоровьѣ.

— Недужится тебѣ, бояричъ? Съ лица ты что-то сталъ блѣденъ.

— Нѣтъ, ничего, дорогою поправлюсь.

— Вижу, бояричъ, не легко тебѣ покинуть свой родной теремъ, тяжело разстаться съ своимъ гнѣздышкомъ. Но не тужи, сердечный, Богъ дасть, вернешься.

— Не о томъ скорблю, Никита. Что-то съ ней будетъ? Боюсь, заѣстъ ее отецъ лютый.

— Вѣдь дочь ему боярышня, не чужая; пожуритъ, да и помилуетъ.

— Свѣтаетъ. Не медли, бояринъ, отъѣздомъ, а то не быть бы худу, — напомнилъ Иванъ, входя въ горницу.

— Я готовъ, поѣдемъ. Ну, прощай мой родной теремъ! Прощай и ты, Москва златоглавая!

Всѣ дворовые вышли проводить своего боярича.

Дятловъ весь домъ оставилъ на рукахъ старика Пахома, своего дворецкаго, наказавъ ему при этомъ блюсти добро его, кормить челядинцевъ и никого въ обиду не давать.

— Прощай, кормилецъ нашъ, прощай! Счастливаго пути! — напутствовали челядинцы Бориса, толкаясь около повозки.

— Когда ждать тебя прикажешь? — спросилъ старикъ Пахомъ.

— И самъ, старикъ, не знаю, когда вернусь, а, вѣрно, не скоро. Не по своей вѣдь я волѣ ѣду, а бѣгу отъ злобы Шигоны.

— Отецъ ты нашъ! Не бойся Шигоны; ничего тебѣ онъ не сдѣлаетъ, мы всѣ за тебя станемъ и въ обиду не дадимъ! Умремъ за тебя, кормилецъ нашъ, скажи только, что дѣлать! За тебя мы рады умереть. Горе будетъ твоему обидчику! — кричали холопы въ одинъ голосъ.

— Братцы, спасибо вамъ, всѣмъ спасибо! Живите безъ меня попрежнему на моемъ дворѣ и ждите моего возвращенія. Если кто изъ васъ вздумаетъ итти въ свою деревню, — идите, помѣхи вамъ не будетъ, а на дорогу получите отъ Пахома по гривнѣ. За послугу вашу опять, братцы, скажу вамъ спасибо, — сказалъ Борисъ и низко поклонился челядинцамъ.

Возокъ выѣхалъ за ворота при общихъ пожеланіяхъ благополучія.

По Москвѣ они пробирались малолюдными улицами, пока не выѣхали на большую рязанскую дорогу.

XXV.

Между тѣмъ раннимъ утромъ бояринъ Шигона отправился въ сопровожденіи двухъ холоповъ къ погребу, въ которомъ онъ думалъ увидать своего „ворога“ и насладиться его безысходнымъ положеніемъ, его униженіемъ.

Но каково было его удивленіе и гнѣвъ, когда онъ увидалъ, что дверцы погреба растворены, замокъ сшибленъ, а сторожъ связанный лежитъ близъ погреба, съ завязаннымъ ртомъ.

Со сторожа сорвали повязку и развязали ему руки и ноги; онъ чуть не задохнулся отъ крѣпкой повязки и

не скоро пришелъ въ себя. Оправившись, онъ разсказалъ боярину, конечно, по своему, все происшедшее.

— По приказу твоему, государь, я безотлучно сторожилъ у погреба и глазъ не смыкалъ,—разсказывалъ онъ,—изъ опасенія боярскаго гнѣва, хоть дремота и одолѣвала меня. Ночь была темная... Вдругъ передо мной очутились два здоровенныхъ парня... Какъ изъ земли они, проклятые, выросли... Не поспѣлъ я крикнуть, какъ злодѣи на меня ринулись, повалили и крѣпко скрутили, ротъ они мнѣ обвязали тряпкою и прочь отъ погреба оттащили.

— А не видалъ, ротозѣй, кто они были?—спросилъ у сторожа бояринъ.

— Не примѣтилъ, государь. Ночь — зги не видно было. Думается мнѣ, государь, что это люди были не простые,—глубокомысленно проговорилъ сторожъ.

— А какіе же?

— Съ нечистой силой, государь-бояринъ, эти люди знаются, потому — сила у нихъ большая, ростомъ они съ высокое дерево, а глаза у нихъ блестятъ, что уголь горящій,—вралъ сторожъ.

Онъ думалъ оправдать себя такимъ путемъ передъ бояриномъ, но ошибся въ своемъ расчетѣ, и ему пришлось жестоко поплатиться своею спиною: Шигона приказалъ бить его батогами. И, несмотря на вопли и мольбу, несчастнаго сторожа повлекли на конюшню для расправы.

Скоро оттуда стали доноситься нечеловѣческіе крики и стоны. Но привыкшій къ жестокости Шигона не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ дознаваться, какъ Дятловъ могъ уйти изъ погреба; ясно—безъ посторонней помощи заключенный не могъ этого сдѣлать.

Но кто выпустилъ? Кто помогъ Дятлову выбраться изъ крѣпкаго заключенія? Кто спасъ его?

Шигона подробно осмотрѣлъ погребъ. Его душило бѣшенство.

— Улетѣла птица! Кто его выпустилъ, кто выпустилъ моего лютаго ворога? — кричалъ онъ.

Холопы молчали и дрожали отъ страха.

— Ну, что молчите, хамы! Сказывайте, кто выпустилъ? Кто ворота отперъ?

— Не знаемъ, государь-бояринъ, не вѣдаемъ, на кого и подумать! — робко отвѣтилъ одинъ изъ челядинцевъ.

— Не знаете, проклятые! Теперь не говорите, такъ подъ пыткой скажете... Всѣхъ пытать!

— Твоя воля, государь, но мы не виноваты.

— Пыткой я доберусь до виновнаго. Охъ, если бы мнѣ его поймать! Вотъ бы устроилъ я ему угощеніе! Сталъ бы онъ помнить, каковъ бояринъ Шигона, сладко ли онъ угощаетъ своихъ вороговъ!

Старикъ бояринъ былъ страшенъ въ своемъ гнѣвѣ. Волосы его стояли дыбомъ, сѣдая борода взъерошилась, глаза налились кровью, лицо исказилось отъ злобы.

Бѣдные челядинцы! Съ ужасомъ смотрѣли они на своего грознаго господина и мысленно молились, чтобы миновалъ ихъ страшный боярскій гнѣвъ.

Шигона приказалъ собрать всю дворню. Всѣ собрались, но между ними не было одного только истопника Ивана.

— Гдѣ Ванька истопникъ? — осматривая своихъ челядинцевъ, сурово спросилъ Шигона.

— Вчера вечеромъ онъ дома былъ. Я видѣлъ его сидящимъ у воротъ, — отвѣтилъ одинъ изъ холоповъ.

— Отыскать его и привести!..

Челядинцы разсыпались по большому двору въ поиски за истопникомъ; но его нигдѣ не было. Такъ ни съ чѣмъ и пришли они къ своему грозному боярину.

— Не нашли?

— Нѣтъ, государь! Вездѣ искали, нигдѣ нѣтъ.

— Это онъ, проклятый, выпустилъ изъ погреба Дятлова, сговорился съ нимъ и бѣжалъ. Не убѣжишь, дьяволъ, отъ моего гнѣва, на днѣ морскомъ отыщу тебя! —

шипѣлъ въ безсильной злобѣ Шигона.—Если онъ сговорился съ ловчимъ, то теперь, навѣрное, въ его терему. Нагрянуть къ нему съ челядинцами, врасплохъ застать и захватить!

Шигона взялъ съ собою человѣкъ двадцать холоповъ верхами и отправился къ терему Дятлова.

Старикъ Пахомъ встрѣтилъ боярина у воротъ.

— Ты, государь, къ бояричу?—съ поклономъ спросилъ Пахомъ.

— Знамо, не къ тебѣ! Гдѣ онъ?

— Кто, государь?—какъ бы не понимая, спросилъ Пахомъ.

— Ну, твой бояричъ?

— Бояричa Бориса Васильевича дома нѣтъ, вторыя сутки пошли, какъ его нѣтъ. Не придумаю даже, куда онъ поѣхалъ, да и прежде съ нимъ никогда этого не было. Безпокоимся мы, ужъ не случилось ли съ нимъ какого-нибудь лиха. Долго ли до грѣха!

— Врешь, старый!—крикнулъ бояринъ.

— Я, бояринъ, и смолоду врать-то не умѣлъ.

— А моего холопа бѣглаго, Ивашки-истопника, у васъ нѣтъ ли?

— Зачѣмъ ему у насъ быть, государь? У насъ не пристанище для бѣглыхъ.

— Отворяй ворота, я осмотрю весь теремъ, не спрятался ли гдѣ мой холопъ бѣглый.

— Безъ воли боярича отворить ворота не могу.

— Инъ и безъ тебя отворимъ. Эй, отворяй ворота и по всему двору и терему ищите Ивашку!—крикнулъ Шигона своимъ холопамъ.

Ворота были отворены, и челядинцы боярина стали хозяйничать на дворѣ и въ теремѣ Дятлова.

Пробовалъ-было старикъ Пахомъ возражать, но его никто не слушалъ; остальные дворовые Дятлова попрятались, зная злой и мстительный нравъ Шигоны. Его

холопы, обыскавъ весь теремъ и дворъ, ни съ чѣмъ пришли къ своему боярину.

Шигона выходилъ изъ себя, ругался, проклиналъ и Дятлова и своего холопа Ивашку. Досталось и ни въ чемъ неповинному старику Пахому. Сердитымъ вернулся бояринъ съ своей оравой домой и прямо отправился въ дочернину свѣтлицу.

Бѣдная Надя была больна,—она не вынесла сильнаго потрясенія и захворала. Сердце ея было разбито безжалостнымъ отцомъ, ея первая чистая любовь была имъ поругана. Забывшійся бояринъ заклеймилъ свою неповинную дочь страшнымъ словомъ „распутной дѣвки" и „полюбовницы" Дятлова. Стыдъ, тоска, неизвѣстность участи ея милаго друга—все это подорвало и безъ того слабое здоровье молодой дѣвушки. Вторыя сутки она не вставала съ постели.

Бояринъ Шигона, какъ ни былъ крутъ и недоступенъ, все-таки любилъ свою дочь, заботился о ней, хоть и не выказывалъ своей любви, не нѣжничалъ съ нею, а всегда обходился сурово. Болѣзнь дочери не столько опечалила Шигону, сколько огорчила и озлобила.

Всю вину сваливалъ онъ на Дятлова, и даже дочернино несчастіе приписывалъ ему одному.

„За все, дьяволъ, ты мнѣ отвѣтишь! Изъ-за тебя и дочь моя расхворалась, погубилъ, проклятый, дѣвку! Вишь какъ, сердечная, перемѣнилась, вѣдь краше въ гробъ кладутъ", жалобно посматривая на больную дочь, думалъ бояринъ.

— Спасибо, батюшка! Навѣстить меня пришелъ?—слабымъ голосомъ проговорила Надя, цѣлуя у отца руку и ласково на него поглядывая.

— Ну, какъ ты, все недужишь?—спросилъ у дочери Шигона.

— Не заботься, родимый, теперь мнѣ легче.

— Скорѣе выздоравливай, Надежда! Поправишься—

свезу тебя въ мою подмосковную вотчину и самъ тамъ поживу, прискучило въ Москвѣ.

— Твоя воля, батюшка, вези куда хочешь.

— А ты слышала, или нѣтъ?

— Про что, родимый?

— Вѣдь твой погубитель бѣжалъ.

— Какъ бѣжалъ?—громко крикнула красавица, плохо скрывая свою радость.

— Бѣжалъ, разбойникъ... Сговорился съ Ванькой-истопникомъ, бѣжалъ... Ужъ я и въ гостяхъ побывалъ въ его теремѣ, думалъ—застану, да нѣтъ! хитеръ, дьяволъ: куда-то уѣхалъ. Ну, да отъ меня не уѣдешь далеко, я на днѣ морскомъ отыщу и твоего погубителя и невѣрнаго слугу. Обоихъ ихъ ждетъ отплата. Шигона не проститъ обиду и долго будетъ ее помнить... А ты съ чего это повеселѣла?—сурово посматривая на дочь, спросилъ бояринъ.

— Я... я, батюшка...

Надя не ожидала такого вопроса и растерялась.

— Эхъ, Надежда, видно, дурь-то у тебя изъ головы не вышла!

— Батюшка, родной!

— Слушай, любить Дятлова я запретить не въ силахъ, но, знай, пока я живъ, женою его ты не будешь. Я не назову ворога своимъ зятемъ, такъ ты и помни! Для тебя я приищу другого жениха, такого, какой мнѣ по нраву придется! — тономъ, не допускающимъ ни просьбъ ни возраженій, проговорилъ Шигона.—А пока прости, сейчасъ во дворецъ ѣду. О побѣгѣ Дятлова доложу великой княгинѣ и буду просить, чтобы она погоню за нимъ послала. А гдѣ старая хрычовка, Марковна? Что, ее не изловили мои люди?

— Нѣтъ, батюшка, старуха неизвѣстно куда отъ страха дѣвалась.

— Счастлива! А если попадется въ мои руки—па-

терпится мукъ, колдунья проклятая! И ее отыщу, не скроется она отъ моего гнѣва, попадется.

Бояринъ вышелъ отъ дочери и спустился на крыльцо; у крыльца ждали его кони. Шигона поспѣшилъ во дворецъ и разсказалъ Еленѣ о побѣгѣ Дятлова.

— Что жъ, видно, таково его счастіе,—улыбаясь, проговорила правительница, выслушавъ разсказъ стараго боярина.

— Пришелъ просить тебя, государыня, послать за нимъ погоню, изловить злодѣя, вернуть.

— И, бояринъ, зачѣмъ тебѣ онъ? Или, можетъ, ты надумалъ свою дочь выдать за него?

— Никогда, вовѣки не видать ему моей дочери!

— А если такъ, оставь ты Дятлова въ покоѣ. Не мсти ему!—отвѣтила Елена.

Такъ ни съ чѣмъ Шигона и вернулся въ свой теремъ.

XXVI.

Вотчина Дятлова находилась невдалекѣ отъ Рязани и была окружена непроходимыми лѣсами. Боярскій теремъ стоялъ особнякомъ отъ другого жилья; обширный дворъ окружалъ высокій заборъ; ворота были крѣпкія, дубовыя. Какъ теремъ, такъ и служилыя избы построены были изъ дубоваго толстаго лѣса. Къ терему примыкалъ огромный густой садъ со множествомъ яблонь, грушъ, малины и смородины. Въ этой лѣсной усадьбѣ безвыѣздно проживалъ отецъ Дятлова, тамъ онъ умеръ и похороненъ на сельскомъ погостѣ.

Молодой Дятловъ рѣдко заглядывалъ въ свою родовую вотчину и больше жилъ въ Москвѣ. Его вотчиной управлялъ старикъ Петръ. Лѣтъ тридцать служилъ онъ дворянамъ Дятловымъ, служилъ вѣрой и правдой. Петръ былъ бездѣтный вдовецъ и жилъ бобылемъ въ небольшой горенкѣ, вблизи боярскаго терема.

Борисъ Дятловъ безъ особыхъ приключеній добрался до своей вотчины.

— Вотъ послалъ Господь радость не думано, не гадано! Не гадали, не чаяли мы тебя, бояричъ,— съ низкими поклонами встрѣчая Дятлова, говорилъ старикъ Петръ.

— А я нечаянно и нагрянулъ. Здорово, старикъ!

— Здравствуй, бояричъ, здравствуй! Давненько не изволилъ быть въ своей вотчинѣ.

— Теперь пріѣхалъ надолго, недѣль шесть пробуду здѣсь.

— Вотъ и хорошо. Погости, бояричъ, къ дѣлу присмотрись,— вѣдь знаешь поговорку: „свой глазокъ — смотрокъ“.

— Во всемъ тебѣ, старикъ, довѣряю. Знаю я, что ты здѣсь хозяйствуешь хорошо, честно.

— Большое тебѣ, Борисъ Васильичъ, спасибо за ласковое слово! А что ты, государь, за народъ съ собою привезъ? Кто они?— спросилъ Петръ про старуху Марковну и про истопника Ивана.

— Знай, Петръ, они мнѣ близки: старуха — мамка моей суженой, а Иванъ спасъ мнѣ жизнь: изъ неволи выпустилъ.

— Изъ какой неволи?! Да развѣ ты въ неволѣ былъ?— спросилъ Петръ.

— Слушай, старикъ, я все тебѣ скажу...

Дятловъ подробно разсказалъ своему приказчику про все, что случилось съ нимъ въ послѣднее время, не умолчалъ даже о томъ, какъ бояринъ Шигона посадилъ его въ погребъ и чуть не уморилъ.

— Ахъ, кровопивецъ старый! Да какъ онъ посмѣлъ тебя, прирожденнаго дворянина, въ погребѣ морить! Ты, бояричъ, на него, разбойника, государынѣ челомъ ударь.

— Съ Шигоной судиться трудно, другъ!.. Видно, до времени надо терпѣть. Вотъ что, Петръ: покуда я живу въ усадьбѣ, чтобы люди твои ничего не болтали! Не говори также челядинцамъ о старухѣ Марковнѣ и объ

Ивана. Шигона ихъ будетъ искать — не провѣдалъ бы, что они живутъ въ моей усадьбѣ.

— Какъ ему провѣдать!

— Хитеръ Шигона, у него вездѣ есть глаза и уши.

— Небось, бояринъ, до твоей усадьбы онъ не доберется.

— То-то, молъ, гляди, старикъ! Челядинцамъ накажи, чтобы они зря языкомъ не болтали и не вводили меня въ бѣду!

Старуху Марковну и истопника Ивана Дятловъ помѣстилъ въ своей усадьбѣ, строго-настрого наказавъ имъ, чтобы они больше дома сидѣли, а въ село или деревню ходили бы порѣже. Молодой ловчій окружилъ ихъ достаткомъ и довольствомъ; кормилъ онъ ихъ съ своего боярскаго стола.

Борисъ былъ страстнымъ охотникомъ и съ ранняго утра до поздняго вечера проводилъ время въ своемъ заповѣдномъ лѣсу, въ которомъ было много хищнаго звѣря. Охотился онъ не одинъ, а всегда звалъ съ собою Никиту. Иногда онъ выѣзжалъ на охоту съ борзыми и гонялся по лѣсу за зайцами и лисицами.

Однажды, охотясь, онъ разошелся съ Никитой и остался одинъ въ густомъ, непроходимомъ лѣсу. Дятловъ нѣсколько разъ окликалъ Никиту, но отклика не было. Молодой парень далеко отошелъ отъ боярича. Охотился на этотъ разъ Борисъ пѣшкомъ съ своею любимою собакою, которую называли за проворство и силу „Орломъ“.

Дятловъ сбился съ дороги и пошелъ прямо, не зная— куда выйдетъ. Орелъ шелъ за нимъ. Лѣсъ становился все чаще; тропинка, по которой онъ шелъ, была узка; сучья били по лицу и рукамъ. Вотъ слышится ему отдаленный ревъ... Собака насторожила уши... Ревъ становился все слышнѣе... Орелъ съ визгомъ ринулся впередъ, какъ бы почуя звѣря.

Дятловъ зарядилъ свою длинную и тяжелую пищаль

и поспѣшилъ за собакой. Пройдя нѣсколько, онъ очутился передъ небольшой поляной, поросшей густою травою. На полянѣ Борисъ увидѣлъ большого бураго медвѣдя, который подмялъ подъ себя какого-то человѣка и готовъ былъ растерзать его. Собака съ визгомъ и воемъ стала кружиться около медвѣдя... Хищный звѣрь, прижавъ своею страшною лапою несчастнаго, зарычалъ на Орла. Дятловъ не потерялся и, желая спасти незнакомца, подошелъ на нѣсколько шаговъ къ медвѣдю и прицѣлился ему прямо въ ухо. Грянулъ выстрѣлъ, и когда дымъ разсѣялся, Дятловъ увидалъ медвѣдя, распростертаго на травѣ: удачный выстрѣлъ убилъ его наповалъ, и человѣкъ, подмятый медвѣдемъ, сидѣлъ, блѣдный, какъ смерть, и мутно водилъ своими проницательными глазами. По его лицу текла кровь. Щегольское бархатное полукафтанье было разорвано и на груди когтями медвѣдя содрана кожа. Онъ тяжело дышалъ. Изъ широкой груди вырывались глухіе стоны.

— Благодареніе Богу, ты живъ?—радостно проговорилъ Борисъ, подойдя къ незнакомцу.

— Да, живъ и своею жизнью обязанъ тебѣ, — твердо проговорилъ тотъ вставая.

Онъ былъ высокаго роста и богатырски сложенъ.

— Бѣдный, ты раненъ, — медвѣдь порядочно тебя помялъ.

— Ничего, пустыя царапины, скоро заживутъ. Ну, не чаялъ я быть живымъ! Медвѣдь сломалъ меня... Не подоспѣй ты во время, я бы угодилъ медвѣдю на обѣдъ. Спасибо тебѣ, во-вѣкъ въ долгу у тебя. Скажи, кто ты и какъ звать тебя, добрый человѣкъ?

— Я ловчій великокняжескій Борисъ Дятловъ.

— А какъ ты очутился въ такой трущобѣ?—спросилъ у Дятлова незнакомецъ.

— У меня тутъ близко усадьба.

— Еще и еще спасибо тебѣ, господинъ!

Тутъ незнакомецъ низко поклонился Борису, обнялъ его и крѣпко поцѣловалъ.

— А тебя какъ звать, скажи?—въ свою очередь, спросилъ у него Дятловъ.

— Попъ крестилъ, назвалъ Михайлой, а по прозвищу я „Стрѣлою" называюсь.

— Стрѣлою?! — съ удивленіемъ переспросилъ у него Дятловъ.

— Да, Стрѣлою. Что, тебѣ это странно?

— Нѣтъ, ничего, вѣдь разныя прозвища бываютъ... Звать тебя Михайлой! А по отцу-то какъ?

— А какъ хочешь, такъ и называй.

— Какъ?!—удивился Дятловъ.

— Да такъ, отца своего я не помню и не знаю, какъ звать его.

— Ты, вѣрно, тоже охотился въ лѣсу?—продолжалъ разспрашивать его Борисъ.

— Да, охотился, — какъ-то глухо отвѣтилъ ему Михайло.

— Пойдемъ ко мнѣ, Михайло, тутъ близко мой теремъ. Только вотъ дорогу-то я потерялъ, заблудился.

— Пойдемъ, я выведу тебя къ усадьбѣ.

— Какъ, развѣ ты знаешь мою усадьбу?

— Знаю, видалъ.

Они отправились. Шли они все время молча, всякій погруженъ былъ въ свои думы.

Дятловъ думалъ о неожиданной встрѣчѣ съ Михайлой, объ его странныхъ отвѣтахъ, и радовался, что ему пришлось сдѣлать доброе дѣло — спасти Михайлу изъ когтей хищнаго звѣря.

А Михайло, по прозванію Стрѣла думалъ о Дятловѣ, объ его благородномъ поступкѣ и о томъ, какъ ему отплатить за спасеніе жизни и чѣмъ его вознаградить.

Съ узкой тропинки они вышли на лѣсную широкую дорогу и незамѣтно подошли къ усадьбѣ.

Михайло сталъ было прощаться съ Дятловымъ, но тотъ упросилъ его зайти къ нему въ теремъ. Михайло сначала отказывался, но потомъ согласился.

XXVII.

Дятловъ радушно принялъ и угостилъ спасеннаго имъ отъ бѣды Стрѣлу. Послѣ сытнаго обѣда Михайло сталъ собираться домой.

— Ты куда же? — спросилъ у него Дятловъ.

— Погостилъ и будетъ, пора и честь знать. Спасибо тебѣ, бояринъ, вовѣкъ не забуду тебя и постараюсь отплатить тебѣ за добро добромъ.

— Погости еще, куда спѣшишь?

— Будетъ, нагостился.

— А гдѣ ты живешь? — спросилъ у него Дятловъ.

— Мой теремъ далеко отсюда, бояринъ... Прямо отъ тебя я пойду въ Москву.

— Въ Москву? — обрадовался Дятловъ.

— Туда. А что, развѣ у тебя какое-нибудь дѣло есть въ Москвѣ?

— Есть, есть, Михайло.

— Что же, прикажи, все выполню.

— Видишь ли, Михайло, въ Москвѣ живетъ бояринъ Шигона.

— Знаю.

— Какъ, ты знаешь Шигону?

— Кто его не знаетъ, аспида!

— У боярина есть дочь Надежда. Парень ты, кажись, пронырливый, — не даромъ тебя Стрѣлою прозвали. Найди, Михайло, случай попасть въ теремъ къ боярину Шигонѣ и дочь его увидать! За эту услугу я готовъ тебѣ все отдать!

— Знай, бояринъ, для тебя я на смерть пойду. Ты спасъ меня отъ страшной смерти — и моя жизнь теперь принадлежитъ тебѣ! Въ теремъ къ Шигонѣ я попаду, —

скажи только, что передать боярышнѣ. Видно, она твоя суженая?

— Была прежде... Не судилъ Господь мнѣ счастія. Не бывать Надеждѣ моею женою, — печально проговорилъ Дятловъ.

— Да съ чего ты печалишься, Борисъ Васильевичъ? Разскажи — можетъ, и помогу!

— Да разсказывать-то тутъ мало... Я люблю дочь Шигоны больше своей жизни, больше свѣта бѣлаго, и она меня любитъ. Но, вотъ, ея злой отецъ нашъ разлучникъ, погубитель...

Дятловъ передалъ ему и другія подробности своей несчастной любви, не скрывъ ничего.

— Не печалься, Борисъ Васильевичъ, я помогу твоему горю, — заявилъ Михайло, выслушавъ его.

— Ты поможешь?! — удивился Дятловъ.

— Да что ты такъ удивляешься? Эхъ, бояричъ, ты плохо меня знаешь, — я не такія дѣла обдѣлывалъ! — молодцовато отвѣтилъ Стрѣла.

— Ужъ больно чудно... Ну, какъ ты мнѣ поможешь?

— А вотъ увидишь, жди, — дней черезъ десятокъ прикачу къ тебѣ и отвѣтъ доставлю. Только научи, что сказать мнѣ боярышнѣ.

— Свези мой поклонъ и скажи, что я изнываю здѣсь, въ глуши, по ней, сердечной. Скажи, что я жду — не дождусь свиданія съ ней, но, къ моему горю, и самъ не могу знать, когда выпадетъ на мою долю это счастье...

— А я, бояричъ, думаю, что твое свиданіе съ боярышней будетъ скоро.

— Ты по чемъ знаешь?

— Колдунъ я, все вижу, все знаю.

— Эхъ, если бы ты помогъ мнѣ, Стрѣла.

— Стрѣла поможетъ! Жди, бояричъ, надѣйся. А теперь прощай, спѣшу въ Москву!

— Прощай, Михайло, счастливый тебѣ путь. Скорѣе

пріѣзжай! Пріѣдешь — все разскажешь, что въ Москвѣ дѣлается.

Дятловъ обнялъ Михайлу, крѣпко поцѣловалъ и проводилъ до воротъ.

— Скажи, бояричъ, что за человѣкъ былъ у насъ въ гостяхъ? — спросилъ Никита у Дятлова, когда тотъ вернулся въ свою горницу.

— Кто онъ — я и самъ не знаю. Знаю только, что звать его Михайлой, по прозванію Стрѣла...

— А знаешь, что, Борисъ Васильевичъ; мнѣ кажется, что онъ не добрымъ дѣломъ промышляетъ... Да и видъ у него какой-то... разбойничій, что ли...

— Полно, Никита! Съ чего онъ на разбойника похожъ! Видишь, напротивъ, онъ вызвался помочь моему горю, въ Москву поѣхалъ.

— Еще бы ему не помочь: вѣдь ты отъ смерти его спасъ. Хоть и разбойникъ онъ, а все, чай, чувствуетъ благодарность.

— Кто бы онъ ни былъ, а если онъ поможетъ мнѣ на боярышнѣ жениться, то будетъ для меня любимымъ, роднымъ братомъ!

— Пошли Богъ, бояричъ! Не все будетъ ходить за тобою суровая судьбина, можетъ, и на тебя взглянетъ солнышко красное, веселое да радостное. Старъ Шигона; помретъ... тогда ты и женишься на его дочери.

— Жди его смерти... Боюсь я, чтобы онъ Надю за другого не просваталъ. Ну, какъ выдастъ за немилаго? Тогда что дѣлать?

На это Никита ничего не нашелся отвѣтить своему бояричу.

XXVIII.

Пятидесятилѣтній князь Андрей Ивановичъ старицкій, братъ покойнаго великаго князя Василія Ивановича, „будучи слабаго характера и не имѣя никакихъ свойствъ блестящихъ“, все-таки пользовался при дворѣ

„наружными знаками уваженія“. Его приглашали и въ боярскую думу, какъ дядю малолѣтняго государя... Но князь старицкій мало обращалъ вниманія на правленіе и, недолго пробывъ въ Москвѣ послѣ похоронъ великаго князя, уѣхалъ въ свою Старицу. Передъ отъѣздомъ онъ билъ челомъ Еленѣ о прибавкѣ новыхъ областей къ его удѣлу, но получилъ отказъ. Соблюдая свято древній обычай, ему, однако, дали на память объ умершемъ братѣ много золотой посуды, дорогихъ шубъ и коней. Князь Андрей не довольствовался этимъ скромнымъ наслѣдствомъ и затаилъ въ своемъ сердцѣ злобу противъ Елены. Онъ не скрывалъ этого и не стѣснялся злословить ее. И вотъ наушники и недоброжелатели Андрея послали правительницѣ доносъ, конечно, съ большими прикрасами. Къ этому времени въ 1536 году умеръ въ темницѣ князь Юрій Ивановичъ „отъ голода“. Когда вѣсть о доносѣ и объ ужасной смерти князя Юрія дошла до князя старицкаго, онъ задумался о своей безопасности и сталъ осторожнѣе. Между тѣмъ, княгиня-правительница звала его въ Москву, ради совѣта о дѣлахъ государственныхъ—внѣшнихъ и внутреннихъ. Старицкій князь боялся ѣхать и притворился больнымъ. Елена послала изъ Москвы своего лѣкаря Ѳеофила, и тотъ не нашелъ въ Андреѣ никакой болѣзни. Правительницу извѣстили, что Андрей собирается бѣжать...

Князь старицкій, предвидя бѣду, послалъ своего приближеннаго съ письмомъ къ правительницѣ. „Въ боязни и тоскѣ,—писалъ онъ княгинѣ,—я отбылъ ума и мысли. Согрѣй во мнѣ сердце милостію. Неужели велитъ государь влачить меня отсюда на носилкахъ?“

— Эхъ, что-то ноетъ мое сердце! Дома сидѣть—скука, а выѣхать нельзя. Больнымъ сказался, — такъ, вотъ, лѣкаря меня осматриваютъ, не даютъ покоя. Всякое слово, сказанное здѣсь, въ Москвѣ извѣстно...

Меня окружили доносчиками... Теперь меня въ Москву государыня зоветъ, а ѣхать боязно...—плакался князь Андрей старицкій своимъ приближеннымъ боярамъ Щелкоперу и Сатину, коротая съ ними вечеръ въ своемъ теремѣ.

— Не ѣзди, князь! Москва хитра: поѣдешь—большую бѣду найдешь! — отвѣтилъ бояринъ Щелкоперъ, разглаживая свою сѣдую, окладистую бороду. Онъ слылъ любимцемъ князя Андрея.

— Избави тебя Богъ отъ Москвы! Припомни своего родного брата—князя Юрія Ивановича, скончавшагося въ темницѣ отъ голода,—напомнилъ Сатинъ.

— И не поѣхалъ бы, да очень настаивала правительница... Лучше и не напоминайте о покойномъ братѣ! Я и самъ себя ругаю, зачѣмъ я сталъ перечить Еленѣ. А все жена, все она, гордячка.

Старицкій князь былъ женатъ на Евфросиніи — изъ знатнаго рода бояръ Хованскихъ. Княгиня была горда и тщеславна. Она ненавидѣла Елену и не признавала ее государынею, говоря, что, по праву старшинства, послѣ смерти Юрія Ивановича великимъ княземъ московскимъ долженъ быть ея мужъ Андрей.

— Твоя супруга, князь, вѣдь говоритъ одну только правду: тебѣ надо занять великокняжескій престолъ!— положительно, съ сознаніемъ важности разговора, сказалъ бояринъ Щелкоперъ.

— Ужъ гдѣ мнѣ, Щелкоперушка, великимъ княземъ быть! Хоть бы здѣсь-то, въ Старицѣ, не трогали меня. Хорошо жилось при братѣ Василіи! Спалось крѣпко и ѣлось всласть... При немъ, бывало, чуть не каждый день на охоту выѣзжалъ... Да, за старшимъ братомъ жилось, какъ за каменной стѣной!

Разговоръ былъ прерванъ вошедшимъ гонцомъ, запыленнымъ, запыхавшимся. Низко кланяясь и едва переводя духъ, онъ обратился къ князю:

— Князь Андрей Ивановичъ! Войско московское

подъ начальствомъ Ивана Овчины-Оболенскаго идетъ къ Старицѣ. Меня прислалъ изъ Волока твой намѣстникъ. Спѣши, государь, обороняться! Опасность близка!

Еленѣ наскучило ждать князя старицкаго, и она послала за нимъ своего любимца, князя Ивана, съ большой дружиной. Князь Овчина-Оболенскій быстро шелъ къ Старицѣ.

— Съ нами сила крестная! Такъ вотъ почему такъ ныло мое сердце. А все жена!.. Пошли сюда жену, княгиню Евфросинію — вдругъ обратился онъ къ боярамъ.—Пусть она порадуется, чѣмъ меня удружила!

Горделивой походкой вошла княгиня Евфросинія къ своему мужу. Это была красивая, статная женщина, съ умнымъ, энергическимъ лицомъ, по обычаю, густо нарумяненная и набѣленная, въ парчевой одеждѣ, блестѣвшей жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Она любила хорошо одѣваться и не носила черной одежды по своемъ умершемъ деверѣ.

— Что за шумъ, что за вѣсти? — неспѣша, спросила она, посматривая на мужа и на его бояръ.

— Порадуйся, послушай. А все ты, ты поссорила меня съ великой княгиней! Вотъ заварила кашу и расхлебывай! — не сдерживая себя, обратился къ ней князь.

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на мужа и повернулась къ боярамъ:

— Да что случилось, скажите хоть вы, бояре?

— Московская рать идетъ войною на насъ. Слышь, княгиня, дошли до Волока.

— Если бы тебя не слушалъ, дѣло было бы лучше. Разорятъ мой удѣлъ, а меня въ Москву въ цѣпяхъ потащутъ, а тамъ въ тюрьмѣ уморятъ, какъ уморили брата Юрія...

— Съ чего ты, князь, такъ убиваешься? Если на Руси житья не стало,—бѣжимъ въ Литву. Сигизмундъ радъ тебѣ будетъ. Довольно гнуть шею и лизать руки

у правительницы! Кто ты и кто она — припомни-ка? Ты прирожденный князь, царевъ сынъ, а она пришлая, литовка, полюбовница Овчины-Оболенскаго... Ты долженъ ей отомстить за смерть несчастнаго брата Юрія. Лучше лишиться жизни, чѣмъ влачить ее безъ чести, на срамъ людямъ. Не медли, князь, собери свою дружину и ударь на враговъ! Твое дѣло правое, а гдѣ правда, тамъ и Богъ,—съ увлеченіемъ говорила княгиня Евфросинія.

— Охъ, сдѣлалъ бы я, Евфросиньюшка, по твоему совѣту, да дружина у меня малая. Не подъ силу бороться мнѣ съ Еленой!

— Если въ Литвѣ нельзя укрыться — въ Великій Новгородъ бѣжимъ,—продолжала княгиня.—Новгородъ съ Москвою враждуютъ, а оттуда открытъ намъ путь на всѣ стороны. Скорѣй рѣшайся, мой мужъ, мой князь! Посмотри на меня: я женщина, и то не падаю въ бѣдѣ, не унываю. Я не буду гнуть своей шеи передъ надменною Еленой! Бояре, что же вы молчите и князю совѣта не даете?

— Твой совѣтъ мудрый, княгинюшка, — отвѣтилъ старикъ Щелкоперъ.

— Что ты, княгиня, то и я государю-князю посовѣтую: скорѣе въ Новгородъ надо бѣжать, тамъ, на волѣ да на просторѣ, и пообдумаемъ, что дѣлать, какъ избыть бѣду,—сказалъ бояринъ Сатинъ.

— Всѣ вы тароваты на совѣты! Бѣжать изъ своего удѣла! Я—прирожденный князь, отецъ мой былъ великимъ государемъ! Онъ завѣщалъ мнѣ съ врагами биться, но не бѣжать отъ нихъ. Бѣгите вы, спасайтесь, но я останусь здѣсь, умру!

— Но у тебя есть сынъ,—его не забывай. Какой же ты отецъ, если не можешь защитить родного сына?—съ укоромъ проговорила Евфросинія.

— Князь-государь! Если ты не жалѣешь своей головы и сыновней, то пожалѣй наши, боярскія головы!

Мы состарились, служа тебѣ вѣрой и правдой! Если мы останемся тутъ — насъ въ цѣпяхъ свезутъ въ Москву и предадутъ позорной смерти, — низко кланяясь князю, говорилъ Щелкоперъ.

— Что дѣлать? Что дѣлать? — съ отчаяніемъ говорилъ князь старицкій.

— Въ Новгородъ бѣжать! Не медли, князь! — твердо заявилъ ему бояринъ Сатинъ.

— Ну, покоряюсь вашему совѣту... Идемте въ Новгородъ. Но, знай, жена, и вы, бояре, подвижники мои: я не желаю разрыва ни съ государемъ-племянникомъ ни съ невѣсткой-правительницей. Злосчастный рокъ влечетъ меня куда-то, но я чувствую, что не къ добру онъ меня ведетъ...

— До погибели еще далеко, князь-государь!

— Ну, пусть по-вашему! Пойду, велю готовиться дружинѣ въ путь.

Бояринъ Щелкоперъ и Сатинъ молча вышли за нимъ.

XXIX.

На слѣдующій день князь Андрей старицкій съ женою, сыномъ и знатными боярами выѣхалъ изъ Старицы. Какъ пишетъ Карамзинъ, князь „думалъ и рѣшился быть преступникомъ: собрать войско, овладѣть новымъ родомъ и всею Россіею, буде возможно; послалъ грамоты къ областнымъ дѣтямъ боярскимъ и писалъ къ нимъ: „Великій князь, — младенецъ; вы служите только боярамъ. Идите ко мнѣ — я готовъ васъ жаловать“. Многіе изъ нихъ дѣйствительно явились къ нему съ усердіемъ; другіе представили мятежныя грамоты въ государственную думу“. Князь Никита Оболенскій поспѣшилъ къ Новгороду, а князь Иванъ Овчина-Оболенскій шелъ съ дружиною вслѣдъ за княземъ старицкимъ; Телепневъ-Оболенскій догналъ его въ Тюхоли и сталъ приготовляться къ битвѣ.

Но старицкій князь колебался вступить въ битву и сталъ вести переговоры съ Телепневымъ о томъ, будутъ государь и Елена ему мстить или нѣтъ; если государь и княгиня не будутъ помнить зла, то онъ, князь Андрей, готовъ покориться...

Овчина-Телепневъ-Оболенскій далъ клятву князю Андрею, что ни государь ни мать государя Елена мстить ему не будутъ. Старицкій князь смирился и поѣхалъ въ Москву просить милости у правительницы.

Елена ласково приняла своего любимца Овчину-Оболенскаго, возвращавшагося съ поля битвы, но когда тотъ сталъ просить правительницу за несчастнаго князя Андрея, она вспылила и рѣзко отвѣтила:

— Ты слишкомъ много взялъ на себя, князь Иванъ! Просишь за крамольника, за врага твоего государя! Не милость его ждетъ, а страшная кара, заслуженная имъ. Неужели князь старицкій на свободѣ?!

— На свободѣ, государыня,— отвѣтилъ Овчина-Оболенскій.

— Въ цѣпи его и въ тюрьму сейчасъ же!

— Дозволь, государыня, слово молвить.

— Говори, князь! Послушаемъ...

— До земли, государыня, тебѣ челомъ бью за князя Андрея, за его неприкосновенность! Я ему далъ клятву, что никакого лиха въ Москвѣ ему не будетъ. Поддержи клятву вѣрнаго твоего раба! Не дѣлай меня клятвопреступникомъ!

Молодой князь опустился на колѣни передъ Еленою.

— Не забывай, князь, что правительница Руси— я, а не ты! И твои клятвы для насъ ничто! Я не давала тебѣ порученія итти на миръ съ мятежникомъ. Старицкаго князя будетъ судить боярская дума, и какъ его осудятъ, такъ тому и быть! Сейчасъ же прикажи надѣть на Андрея цѣпи и въ тюрьму его! Крамольникамъ я не мирволю!

Князь Овчина-Оболенскій принужденъ былъ замол-

чать и пошелъ выполнять безчеловѣчное приказаніе своей повелительницы.

Князь Старицкій въ цѣпяхъ посаженъ былъ въ тюрьму. Къ женѣ его и къ сыну приставили стражу. Приближенныхъ бояръ жестоко пытали, несмотря на ихъ знатное происхожденіе, а приверженныхъ къ князю Андрею дѣтей боярскихъ — „числомъ тридцать“ — повѣсили на столбахъ по новгородской дорогѣ.

Несчастный князь старицкій Андрей, какъ и братъ его Юрій, умеръ насильственной смертью по прошествіи шестимѣсячнаго тяжелаго заключенія и погребенъ былъ „съ честью“ въ церкви Архангела Михаила.

„Такимъ образомъ, — говоритъ Карамзинъ, — въ четыре года Еленина правленія именемъ юнаго великаго князя умертвили двухъ единоутробныхъ братьевъ его, отца и дядю матери, брата внучатнаго ввергнули въ темницу, обезчестили много знатныхъ родовъ торговою казнію Андреевыхъ бояръ, между коими находились князья Оболенскіе, Пронскій, Хованскій, Палецкій. Опасаясь гибельныхъ дѣйствій слабости въ малолѣтство государя самодержавнаго, Елена считала жестокость твердостію, но сколь послѣдняя, основанная на чистомъ усердіи къ добру, необходима для государственнаго блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть, а нѣтъ правительства, которое для своихъ успѣховъ не имѣло бы нужды въ любви народной. Елена предавалась въ одно время и нѣжностямъ беззаконной любви, и свирѣпству кровожадной злобы“.

Итакъ двое несчастныхъ братьевъ князей окончили жизнь свою мученическою смертью. Елена упрочила престолъ за младенцемъ-сыномъ, но была ли она сама счастлива?

XXX.

Дятловъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія изъ Москвы своего новаго пріятеля, Стрѣлу. Прошло уже недѣли три съ тѣхъ поръ, какъ тотъ уѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ Стрѣла, дѣйствительно, успѣлъ исполнить порученіе Бориса и повидался-таки съ его невѣстой. И вотъ при какихъ обстоятельствахъ это случилось. Надя, оправившись отъ болѣзни, вышла однажды погулять въ садъ; она была одна; печальная и задумчивая, она бродила по дорожкамъ громаднаго сада и незамѣтно зашла въ самую отдаленную часть, сплошь поросшую густою травою и кустарниками. Вдругъ изъ кустовъ выскочилъ какой-то человѣкъ.

Боярышня страшно испугалась; она хотѣла было кричать, звать на помощь, но незнакомецъ поспѣшилъ ее успокоить.

— Не пугайся, боярышня! Я принесъ тебѣ радостную вѣсточку отъ твоего друга милаго.

Для Стрѣлы (это былъ онъ) не составило большого труда перелѣзть чрезъ невысокій заборъ, отдѣляющій боярскій садъ отъ поля. Онъ спрятался въ кустахъ и сталъ выжидать боярышню.

— Кто ты?—дрожа отъ страха, спросила молодая дѣвушка.

— Кто я, тебѣ, боярышня, все равно. Говорю, что я съ вѣсточкой къ тебѣ отъ Дятлова.

— Отъ Бориса?—обрадовалась боярышня.—Гдѣ жъ онъ, живъ ли онъ?

— Живъ. Живетъ въ своей рязанской вотчинѣ, только по тебѣ, боярышня, тоскуетъ, крѣпко тоскуетъ, сердечный.

— И я по немъ скучаю,—наклонивъ свою хорошенькую головку и покраснѣвъ, тихо отвѣтила Надя.

— Борисъ Васильевичъ шлетъ тебѣ свой низкій по-

клонъ и ласковое слово. О твоемъ, боярышня, здоровьѣ спросить наказывалъ.

— Теперь ничего, поправилась, а прежде все хворала. Скажи, добрый человѣкъ, какъ ты попалъ въ нашъ садъ?

— А черезъ изгородь, — хладнокровно отвѣтилъ Стрѣла. — Въ ворота не пустили бы, такъ я черезъ изгородь шагнулъ. Ужъ я, боярышня, не первый день прихожу сюда; все тебя поджидалъ, да ты не выходила.

— Недужилось мнѣ, я не могла выйти изъ своей свѣтлицы.

— Ну, боярышня, наказывай—что сказать дружку.

— Скажи хоть, парень, какъ звать тебя?

— Зовутъ, боярышня, Михайлой, а величаютъ Стрѣлою.

— Скажи, Михайло, Борису Васильевичу, что я не дождусь того часа, когда съ нимъ увижусь. Еще скажи, чтобы онъ меня не забывалъ, а я его вовѣки не забуду.

— Боярышня, послушай моего совѣта!

— Какого?

— А вотъ какого: соберись-ка ты въ путь-дороженьку. А мы недѣли черезъ двѣ съ твоимъ дружкомъ за тобой пріѣдемъ, посадимъ тебя на лихихъ коней и умчимъ въ тридесятое царство. Повѣнчаешься ты съ добрымъ молодцемъ и заживешь съ нимъ припѣваючи.

— Что ты, опомнись—безъ благословенія-то отцовскаго!

— Охъ, боярышня, отъ твоего батюшки не скоро дождешься благословенія. Отдастъ онъ тебя силою за немилаго.

— Окромя Бориса Васильевича я ни за кого не пойду. Такъ и ему скажи, Михайлушко!

— А какъ тебя, боярышня, отецъ силою поведетъ подъ вѣнецъ съ немилымъ?

— Не поведетъ. Въ этомъ дѣлѣ и его родительская власть безсильна. Ну, прости. Неси отъ меня поклонъ

низкій, сердечный Борису Васильевичу, еще отдай ему вотъ этотъ перстенекъ на память. Пусть его носитъ и Надю свою вспоминаетъ. А тебя, посла добраго, не знаю, чѣмъ благодарить: денегъ у меня нѣтъ, а вотъ серьги изумрудныя, возьми ихъ. Онѣ большого стоятъ,— сказала Надя, вынимая изъ ушей дорогія серьги съ крупнымъ изумрудомъ и подавая ихъ Стрѣлѣ.

— Зачѣмъ, боярышня!.. Не надо.

— Бери! Не спорь со мною, парень! Посла съ радостной вѣсточкой всегда дарятъ,—таковъ обычай на Руси.

— За подарочекъ до земли, боярышня, спасибо!

Такою же дорогою, черезъ заборъ, выбрался Стрѣла изъ боярскаго сада. Въ Москвѣ ему больше дѣлать нечего было. Онъ поспѣшилъ къ Дятлову въ его отчину. Дятловъ съ радостью встрѣтилъ своего посла и засыпалъ его вопросами. Стрѣла все по порядку разсказалъ и передалъ перстенекъ, который прислала Борису боярышня Надя.

— Ну, Стрѣла, удружилъ ты мнѣ, сослужилъ службу. Съ тобой мы теперь квиты,— я спасъ тебя отъ когтей медвѣдя, а ты за это привезъ мнѣ радостную вѣсточку отъ любы.

— А ты вотъ что, бояричъ, собирайся-ка въ Москву.

— Въ Москву?—удивился Дятловъ.

— Да. Что здѣсь сидѣть въ глуши, вдали отъ твоей сударки? Она, сердечная, сильно тамъ по тебѣ измаялась.

— Въ Москву мнѣ ѣхать боязно.

— И, бояричъ, волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить. Въ Москвѣ повидаешься съ боярышней.

— Ужъ гдѣ! Развѣ допустятъ!

— А мы и спрашивать не будемъ. Дорога въ боярскій садъ мнѣ хорошо знакома. Право, поѣдемъ, Борисъ Васильевичъ.

Стрѣла убѣдилъ Дятлова ѣхать въ Москву. Прошло

нѣсколько дней, и Дятловъ въ сопровожденіи Стрѣлы и Никиты выѣхалъ въ Москву.

XXXI.

Дятловъ остановился въ своемъ московскомъ терему, наказавъ строго своей челяди молчать объ его пріѣздѣ. Борисъ никуда не выходилъ изъ своей горницы. Стрѣла, между тѣмъ, „дѣйствовалъ“.

Онъ уже успѣлъ перезнакомиться со всѣми дворовыми въ терему Шигоны и зналъ уже всю подноготную боярской жизни. Узналъ онъ и послѣднюю новость: бояринъ Шигона дѣлалъ приготовленія къ свадьбѣ дочери, которую онъ просваталъ за вдоваго старика Губанова. Губановъ былъ знатный бояринъ, владѣлъ громаднымъ богатствомъ, въ Москвѣ слылъ чуть не первымъ богатѣемъ. Случайно какъ-то сдружился онъ съ Шигоною, пріѣхалъ къ нему въ гости, увидалъ боярышню и прельстился ея красотою и молодостью. Разгорѣлась стариковская кровь и рѣшилъ онъ сватать за себя боярышню-красавицу. Убѣдить отца было не трудно, а тотъ пригрозилъ дочери—и Губановъ сдѣлался формальнымъ женихомъ. Свадьба была назначена черезъ двѣ недѣли.

Стрѣла, конечно, поспѣшилъ сообщить Борису тревожную вѣсть. Дятлова это какъ громомъ поразило, онъ сталъ искать случая повидаться съ Надей и ничего лучшаго не могъ придумать, какъ принять планъ Стрѣлы—проникнуть ночью въ боярскій садъ. Ночью они благополучно перелѣзли черезъ изгородь и очутились въ саду. Дятловъ указалъ Стрѣлѣ окна боярышниной свѣтлицы. Лихой парень не задумался взлѣзть на дерево и вызвать черезъ окно боярышню въ садъ.

— Здравствуй, мой милый, хорошій! Ужъ не гадала, не чаяла я съ тобой свидѣться,—встрѣтила Надя своего суженаго въ саду.

Молодая дѣвушка забыла и страхъ и горе и крѣпко обняла Бориса.

— Здорово, любушка! Не стерпѣлъ, соскучился по тебѣ, пришелъ взглянуть на тебя, словцомъ любовнымъ перемолвиться. Не въ ворота пришелъ, а какъ воръ— черезъ заборъ.

— Слышалъ, Борисъ, про несчастье? Замужъ выдаютъ, сгубить меня хотятъ...

— Слышалъ, голубка, но никому я тебя не отдамъ. Ты моя, и разлучитъ насъ одна только могила!

— Что же дѣлать? Что намъ дѣлать?

— Поѣдемъ со мной въ мою рязанскую усадьбу, тамъ повѣнчаемся и будемъ жить въ любви и согласіи. Согласись, голубка, другого нѣтъ исхода.

— Я боюсь отцовскаго проклятія.

— Неужели же, Надя, ты измѣнишь своему слову и пойдешь за старика, забывъ меня?

— Знаешь, милый, я думаю въ монастырь бѣжать и тамъ укрыться отъ гнѣва отцовскаго и отъ постылаго жениха.

— Въ монастырь? Что ты, люба!

— У меня, Борисъ, двѣ дороги—или жить съ постылымъ мужемъ или въ монастырь итти.

— А меня, боярышня, забыла? — съ укоромъ проговорилъ Дятловъ.

— Ужъ гдѣ забыть! Всѣ дни, часы и минуты про тебя думаю.

— А если такъ, то пойдемъ со мною.

— Боюсь, милый. Страшно отцовское проклятіе!

Въ это время показался Стрѣла. Пока голубки ворковали, онъ сторожилъ и теперь пришелъ предупредить объ опасности.

— Бѣда! Спасайтесь! Кто-то въ садъ вошелъ.

— Бѣги, Борисъ, бѣги!.. Прощай!—поблѣднѣвъ отъ испуга, проговорила боярышня.

— Прощай, моя голубка!

Дятловъ и Стрѣла пустились къ забору и быстро перескочили черезъ него.

Въ садъ вошелъ самъ бояринъ. Шигонѣ не спалось, онъ пошелъ въ садъ пройтись. Садъ былъ очень великъ и тѣнистъ, такъ что Шигона не могъ видѣть ни Дятлова ни Стрѣлу, но до его слуха дошелъ шумъ удаляющихся шаговъ.

„Въ саду кто-то есть!“ подумалъ бояринъ и позвалъ холоповъ.

Онъ приказалъ обыскать весь садъ.

Надя, видя, что укрыться въ кустахъ отъ отца теперь нельзя, пошла ему навстрѣчу.

— Надежда, ты?! — удивился бояринъ, увидя свою дочь.

— Я, батюшка!

— Зачѣмъ ты здѣсь въ такую пору?

— Не спалось мнѣ, вотъ я и вышла въ садъ.

— Одна! Ночью! — подозрительно посматривалъ онъ на дочь.

— Чего же мнѣ бояться?

— Правду ли говоришь, Надежда!

— Батюшка!

— Ну, ладно! Ступай въ горницу!

Боярышня поспѣшила въ свою свѣтлицу, благодаря судьбу, что на этотъ разъ такъ дешево отдѣлалась.

XXXII.

Время шло; свадьба приближалась.

Бѣдная дѣвушка, какъ къ гибели, какъ къ смерти готовилась къ вѣнцу съ постылымъ, старымъ женихомъ. Бояринъ Губановъ чуть не всякій день бывалъ въ теремѣ у своей невѣсты, привозилъ ей дорогіе подарки, но не рада была молодая дѣвушка подаркамъ немилаго жениха. Послѣднее свое дѣвичье время она проводила въ слезахъ и въ горести.

Однажды, за нѣсколько дней до свадьбы, зашелъ къ ней въ свѣтлицу старикъ Губановъ; онъ засталъ свою невѣсту горько плачущей.

— Что это, боярышня, суженая моя распрекрасная,—никакъ, ты плачешь?

— Чему же мнѣ веселиться? Чему радоваться?

— Какъ чему? Пора твоя веселая, невѣстина, а невѣсты всѣ веселятся да радуются.

— Не всѣ, бояринъ! Многія подъ вѣнецъ идутъ неволею.

— А развѣ я, боярышня, не любъ тебѣ? Неволей идешь со мною подъ вѣнецъ?

— Неволею, бояринъ! По своей бы волѣ не пошла,—откровенно заявила Надя.

— Вотъ какъ! Такъ и знать будемъ!

Въ голосѣ Губанова слышалось раздраженіе и неудовольствіе.

— Такъ и знай, бояринъ, неволею за тебя иду, неволею.

— Стало-быть, у тебя другой есть на примѣтѣ, молодой, красивый?—злобно спросилъ старикъ Губановъ.

— Скрывать не буду: есть! — откровенно отвѣтила Надя.

— Скажи, кто онъ такой, какъ звать его?

— Тебѣ все равно, бояринъ, кто бы онъ ни былъ?.

— Знамо, все равно. Теперь пора твоя дѣвичья и любить ты вольна, кого хочешь... А вотъ когда будешь моей женой — въ ту пору одного меня любить должна. Слышишь, одного!

— Бояринъ, тебя я никогда, никогда не полюблю. Не обезсудь, правду сказала.

— Спасибо за словцо!

Старикъ Губановъ былъ внѣ себя отъ злости.

— Бояринъ, пожалѣй меня, не губи мою молодость, откажись. Ну, какая тебѣ я жена буду. Развѣ мало

въ Москвѣ красивыхъ дѣвицъ? У меня другой есть суженый.

— Знаю, слышалъ, это ловчій великокняжескій. Нѣтъ, боярышня, не назовешь его ты своимъ мужемъ. Не его, а моею будешь ты.

— Я не люблю тебя, бояринъ, не люблю! — плакала Надя.

— Полюбишь... Не всѣ по любви подъ вѣнецъ идутъ. А ты полно, боярышня, не супротивничай — вѣдь мы съ тобой, чай, женихъ съ невѣстой. Ты моя, дѣло рѣшенное! Прости покуда.

Губановъ вышелъ.

Бѣдная Надя думала, что откровенностью заставитъ боярина отказаться отъ ея руки, но Губановъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, получить красавицу себѣ въ жены.

XXXIII.

До свадьбы боярышни оставалось лишь дня два-три. Дятловъ потерялъ всякую надежду — не видать ему больше своей любы. Стрѣла, однако, не унывалъ и далъ себѣ слово помочь своему спасителю.

— Вотъ что, бояринъ, — обратился онъ къ Дятлову: — по боярышнѣ убиваться нечего: вѣдь она еще не жена старика Губанова.

— Теперь не жена, такъ скоро ею будетъ.

— Анъ, не будетъ! — настойчиво замѣтилъ Стрѣла.

— Какъ не будетъ? Свадьба назначена черезъ два дня, а ты говоришь — женой не будетъ.

— Скажи, бояричъ, вѣришь ты мнѣ или нѣтъ? Говори прямо.

— Что еще спрашиваешь, Стрѣла! Ты знаешь, что я люблю тебя, какъ родного, и вѣрю тебѣ во всемъ.

— А если такъ, то слушай. Вели сейчасъ же приготовить тройку лихихъ коней.

— Зачѣмъ? — спросилъ Дятловъ.

— Теперь не скажу, узнаешь послѣ.

— Что ты хочешь дѣлать?

— Придетъ время, узнаешь. А теперь прощай, Борисъ Васильевичъ, мнѣ пора собираться въ путь. Положись на меня, бояричъ. Горю твоему я помогу и черезъ два дня боярышню къ тебѣ въ теремъ предоставлю.

У Дятлова блеснула надежда; ему хотѣлось вѣрить обѣщаніямъ Стрѣлы, и онъ поспѣшилъ отдать приказаніе, чтобы немедленно приготовить коней. Вскорѣ къ крыльцу подкатила лихая тройка.

Дятловъ вышелъ проводить Стрѣлу.

— Ну, бояричъ, прощай! А возницѣ вели слѣзть. Я одинъ поѣду, самъ править буду.

Онъ сѣлъ въ повозку, тряхнулъ вожжами, и тройка, чуть не вскачъ, выѣхала со двора.

Стрѣла, безъ остановки проѣхалъ цѣлый день; на ночь онъ остановился на постояломъ дворѣ, чтобы и самому отдохнуть.

Постоялый дворъ стоялъ на большой рязанской дорогѣ, вдали отъ жилья. Содержалъ его старикъ дворникъ, по прозванію „Волкъ." Это названіе какъ нельзя болѣе шло къ угрюмому, молчаливому старику. У Волка была молодая очень красивая жена, баба хитрая, отлично умѣвшая обманывать своего стараго хрѣна, лишь изрѣдка возбуждая его ревнивыя подозрѣнія.

Волкъ съ большимъ почетомъ встрѣтилъ Стрѣлу.

— Добро пожаловать, гость дорогой! — привѣтствовалъ его старикъ, широко отворяя дверь и кланяясь ему въ поясъ.

— Здорово, старикъ! Чужихъ проѣзжихъ у тебя нѣтъ? — спросилъ Стрѣла.

— Нѣтъ, милостивецъ, никого нѣтъ.

— А мои рябята давно ли были?

— Да ужъ давненько не бывали.

— А гдѣ молодуха, гдѣ жена твоя? Или запряталъ отъ меня?

— Гостить къ отцу ушла, — угрюмо отвѣтилъ дворникъ.

— Врешь, старый волкъ! Поди, спряталъ? Ревнуешь? Говори, куда припряталъ?

— Вона! Мнѣ что — наплевать! Не вѣришь — хоть всю избу обыщи, не найдешь. Говорю, въ гостяхъ.

— Ну, ладно! Поди насыпь овса конямъ.

Старикъ вышелъ; Стрѣла остался одинъ въ избѣ. Вдругъ онъ слышитъ стонъ... Стрѣла сталъ прислушиваться: стонъ шелъ изъ сѣней. Здѣсь, въ сѣняхъ, былъ чуланъ съ запертою на замокъ дверью. Отсюда явственно неслись стоны и вздохи.

— Кто здѣсь? — спросилъ вышедшій сюда Стрѣла.

Въ отвѣтъ послышалось рыданье.

— Ты, Татьяна?

— Я, я, разнесчастная.

— Мужъ, что ли, запряталъ?

— Онъ, онъ, грѣховодникъ старый, мытаритъ мною, издѣвается.

— Ишь, волчище, а говоритъ, что въ гости отпустилъ тебя.

— Того и жди, какъ же! Заѣлъ меня, аспидъ проклятый.

— Ну, погоди, Танюха.

Стрѣлѣ не составило большихъ трудовъ сбить замокъ и выпустить изъ чулана пригожую Татьяну. Когда Волкъ вошелъ потомъ въ горницу, онъ съ удивленіемъ остановился у двери, пораженный представившеюся ему картиною: его жена сидѣла, обнявшись съ Стрѣлою, передъ столомъ, на которомъ стояла большая ендова съ пѣнистою брагою.

— Что разинулъ ротъ, старый дуракъ? Садись съ нами — бражкою угостимъ.

— Спасибо! — процѣдилъ сквозь зубы дворникъ, бросая грозные взгляды то на Стрѣлу, то на жену.

— Эй, старикъ, не больно грозись! Я не люблю, когда ты такъ страшно пялишь свои глаза, — сердито замѣтилъ Стрѣла, выразительно хватаясь рукою за широкій ножъ, заткнутый у него за кушакомъ.

— Какъ ты, вѣдьма, изъ чулана-то выскочила? — сверкая глазами спросилъ дворникъ у жены.

— Ты лучше меня спроси! Я выпустилъ твою жену изъ-подъ запора.

— Ты?

— Да, я. А что? Говорю, не таращи глаза-то. Не то вѣдь угощу. Гляди, братъ, увезу Татьяну, останешься тогда безъ молодой жены.

Старикъ внѣ себя отъ ярости ринулся съ топоромъ на Стрѣлу.

— Ну, ну, потише, старый дьяволъ!

Сильный ударъ по рукѣ заставилъ дворника выпустить топоръ и смириться.

— Прости! — сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Со мной бороться вздумалъ! Или забылъ, дьяволъ, что все добро твое въ моихъ рукахъ?

— Прости, себя отъ злобы не помню!

— Ну, ладно! Покормилъ коней?

— Накормлены.

— Такъ я сейчасъ же въ путь.

— Аль утра не дождешься? Вѣдь ночевать хотѣлъ?

— Зачѣмъ! Еще ты, пожалуй, во снѣ убьешь меня? Я тебя, дьявола, знаю.

— Зачѣмъ убивать! — процѣдилъ Волкъ сквозь зубы, провожая строгаго гостя.

— Гляди, Волкъ, не обижай жены! Горе тебѣ будетъ, если она мнѣ на тебя пожалуется! Скоро опять буду, только ужъ не одинъ!

Стрѣла сѣлъ въ повозку и молодцовато тряхнулъ вожжами. Отдохнувшіе кони рванулись и понеслись.

Только что стало свѣтать, когда Стрѣла подъѣхалъ къ опушкѣ непроходимаго лѣса. По узкой лѣсной дорогѣ трудно было ѣхать на тройкѣ, и Стрѣла выпрягъ двухъ лошадей, привязалъ ихъ позади повозки и поѣхалъ только на одной. Отъѣхавъ порядочное разстояніе, онъ пронзительно свистнулъ. Отклика не было. Стрѣла опять свистнулъ, но и на этотъ разъ никто не отвѣтилъ.

„Вѣрно крѣпко спять, — не слышать", подумалъ Стрѣла.

Онъ свистнулъ еще разъ. Теперь ему послышался какой-то шорохъ; донесся тихій говоръ, и человѣкъ пять оборвышей, вооруженныхъ дубинами и ножами, вышли изъ кустовъ и загородили дорогу. Стрѣла осадилъ коня и высунулся изъ повозки.

— Э, да это мои молодцы. Что, не узнали? Здорово, ребятушки!

— Здорово, атаманъ! — въ одинъ голосъ радостно встрѣтили его разбойники.

Стрѣла въ сопровожденіи разбойниковъ направился въ самую непроходимую чащу лѣса.

На большой полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ вѣковыми соснами, находилось нѣсколько землянокъ. Съ перваго взгляда трудно было разглядѣть эти землянки: онѣ были похожи скорѣе на небольшіе курганы, сплошь заросшіе густою, высокою травою. Въ этихъ норахъ въ зимнюю пору и въ непогоду находили себѣ пристанище эти отверженные, обездоленные люди. Человѣкъ пятьдесятъ разбойниковъ сидѣли и лежали группами на травѣ около землянокъ. При появленіи своего атамана Стрѣлы они вскочила и окружили его, выражая свою радость привѣтственными криками.

— Здорово, ребятки, здорово! Что, безъ меня-то, чай, плохо жилось?

— Ужъ какое житье. Истома!

— Безъ хозяина плохая жизнь!

Разбойники любили Стрѣлу и были ему преданы.

Стрѣла не былъ кровожаденъ: онъ въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгалъ къ „ножовой расправѣ“ и строго взыскивалъ съ разбойниковъ за убійство, если оно совершено было „зря“, безъ причины.

Нападалъ Стрѣла съ своею шайкою больше на людей достаточныхъ, но бѣдняковъ не трогалъ.

— Ребята, товарищи! Прислушайтесь, что стану говорить вамъ. Есть въ Москвѣ у меня пріятель, сердечный пріятель, онъ спасъ меня отъ смерти, и вотъ ему надо помочь, отплатить за его послугу.

— Мы готовы! Только скажи, атаманъ, что намъ дѣлать? — въ одинъ голосъ отвѣтили разбойники.

— Человѣкъ двадцать изъ васъ отправятся со мною на Москву. Кто со мною поѣдетъ, а кто пѣшкомъ.

— Веди насъ, куда хочешь, мы всѣ рады съ тобою итти! На смерть за тебя пойдемъ.

— Всѣхъ много — пойдетъ со мною не больше двухъ десятковъ. Остальные пусть здѣсь насъ дожидаются. Съ Москвы вернемся не съ пустымъ карманомъ, гостинцевъ припасемъ для всѣхъ, про всѣхъ хватитъ.

— Возьми насъ всѣхъ, атаманъ, всѣ пойдемъ!

— Говорю, всѣхъ много! Бросьте жребій, кому со мной итти!

Разбойники бросили жребій, и двадцать человѣкъ отдѣлилось отъ остальныхъ.

Съ ними Стрѣла не замедлилъ отправиться въ Москву. Человѣкъ шесть посадилъ онъ съ собой въ повозку, а остальные пошли пѣшкомъ. Стрѣла велѣлъ имъ итти прямо на постоялый дворъ къ Волку. Стрѣла за нѣсколько часовъ раньше пріѣхалъ къ старику-дворнику и сталъ поджидать пѣшихъ разбойниковъ.

— Радъ ли гостямъ-то, Волчище? — спросилъ Стрѣла.

— Ужъ какъ быть не раду? Радъ.

— Охъ, старый, врешь — по глазамъ вижу. Вотъ что, Волкъ, впряги-ка своихъ коней въ телѣгу. Твои кони намъ нужны, — распорядился Стрѣла.

— Какъ запрячь! — испугался Волкъ.

— Что, или разучился запрягать? Что глаза-то таращишь? Пошелъ, готовь коней! — прикрикнулъ онъ на старика.

— Вѣдь кони-то мои, — попробовалъ было возразить дворникъ.

— Твои, твоими и останутся. Вотъ побываемъ въ Москвѣ и коней тебѣ возвратимъ.

— Какъ хочешь, а коней я не дамъ.

— Не дашь, сами возьмемъ. Охъ, Волкъ, не дури, не супротивничай, худо будетъ! Меня знаешь: все добро твое на вѣтеръ пущу! Избу сожгу! Въ конецъ разорю!

Старикъ покорился и пошелъ „напослѣдяхъ" покормить своихъ коней.

Когда онъ вернулся въ избу, онъ принужденъ былъ еще накормить разбойниковъ и угостить ихъ брагою.

Пѣшіе товарищи не заставили себя долго ждать. Скоро вся горница наполнилась ими. Они хозяйничали, какъ у себя дома. Волкъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, но ничего не могъ подѣлать.

Они запрягли коней дворника въ двѣ телѣги и всѣ уѣхали въ Москву, провожаемые проклятіями Волка.

XXXIV.

Въ отчинѣ боярина Губанова, въ подмосковномъ селѣ Зубаревѣ, необычайное оживленіе и суета. Къ небольшой деревянной церкви то и дѣло подъѣзжали колымаги, возки и телѣги. Разряженные гости одни за другими входили въ ярко освѣщенную церковь. Вокругъ церкви стояла толпа любопытнаго народа. Изъ всѣхъ окружныхъ селъ и деревень собрались сюда мужики и бабы, чтобы посмотрѣть на боярскую свадьбу.

Женихъ-бояринъ, въ новомъ дорогомъ парчевомъ кафтанѣ, весело расхаживалъ въ большой горницѣ, приготовленной къ брачному пиру. Старикъ Губановъ назвалъ изъ Москвы много гостей, и многіе изъ нихъ уже прибыли, — нѣкоторые прямо проѣхали въ церковь, другіе ждали пріѣзда невѣсты въ терему у жениха. За невѣстой было послано бояриномъ много поѣзжанъ и дружковъ.

Женихъ нетерпѣливо ждалъ и, наконецъ, рѣшилъ выѣхать навстрѣчу невѣстѣ. Окруженный поѣзжанами и гостями, онъ вышелъ на крыльцо, гдѣ ихъ ждали лихіе кони. Блестящій поѣздъ жениха направился въ путь, чтобы встрѣтить дорогую невѣсту.

Между тѣмъ, немного не доѣзжая до села Зубарева, на поѣздъ невѣсты сдѣлано было нападеніе — человѣкъ двадцать окружили повозку, въ которой сидѣла невѣста, и остановили лошадей. Произошелъ страшный переполохъ. Вечеръ былъ темный, ненастный. Тѣ, кто ѣхалъ впереди, не видали, за темнотою, какъ повозка невѣсты была остановлена. Сильнымъ ударомъ по головѣ возница былъ сшибленъ съ козелъ, — на мѣсто его сѣли два здоровенныхъ парня и взялись за вожжи; другіе отворили дверцу возка. Съ Надей сидѣли ея тетка-боярыня да мать посаженая; онѣ обмерли отъ страха и не понимали, что дѣлалось вокругъ нихъ, а невѣста сидѣла блѣднѣе смерти.

— Вытаскивай старухъ, — кто-то распоряжался, не громко отдавая приказанія.

Боярыня-тетка и мать посаженая не успѣли моргнуть, какъ очутились на дорогѣ; вмѣсто нихъ съ невѣстой сѣли два какихъ-то молодца, одинъ изъ которыхъ поспѣшилъ успокоить молодую дѣвушку.

— Не бойся, боярышня! Лиха тебѣ не будетъ.

Возокъ невѣсты отдѣлился отъ свадебнаго поѣзда и быстро помчался въ противоположную сторону; за возкомъ ѣхали двѣ лихихъ тройки. Напавшіе разбойники

никого изъ поѣзжанъ не тронули и отбили одну только Надю, сдѣлавъ это такъ быстро и тихо, что поѣзжане несразу хватились невѣсты.

Когда женихъ приблизился къ остановившимся поѣзжанамъ, онъ сразу замѣтилъ, что тутъ что-то произошло.

— Что у васъ? Съ чего остановились? — спрашивалъ бояринъ у переднихъ поѣзжанъ.

— И сами не знаемъ. Слышали только крикъ и то слабый, — отвѣтили ему.

— Не въ добрый часъ, видно, выѣхали.

Бояринъ-женихъ поскакалъ впередъ.

— Невѣсту украли, отбили! — объяснили Губанову заднiе поѣзжане.

— Кто? Какъ?

— Въ темнотѣ-то не разобрали — кто. Ужъ, знамо, недобрые люди.

— Какъ же вы допустили? Вѣдь васъ много.

— Насъ много, а ихъ, разбойниковъ-то, больше.

Боярыня-тетка и мать посаженая, кое-какъ, пришли въ себя и разсказали о томъ, какъ ихъ выбросили изъ возка, и какъ онѣ со страху чуть не умерли.

— Разбойники недалеко отъѣхали! Гайда за мной, въ погоню! Мы поймаемъ разбойниковъ! — крикнулъ Губановъ.

Часть поѣзжанъ и холопы пустились въ погоню.

Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ произошло нападенiе, скрещивались три дороги. Губановъ съ холопами не зналъ, по которой дорогѣ уѣхали разбойники, и поэтому принужденъ былъ раздѣлить свой отрядъ на три части.

Проскакавъ нѣсколько верстъ, они всѣ принуждены были вернуться ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ ни въ церкви, ни во всемъ селѣ, ни въ боярской усадьбѣ ничего не знали о происшествiи.

Посылали нѣсколько разъ въ усадьбу къ жениху за справками, но, кромѣ того, что женихъ поѣхалъ на-

встрѣчу невѣстѣ, никто ничего не могъ сказать. Между тѣмъ, не было ни жениха ни невѣсты. Тревога увеличивалась съ каждой минутой. Всѣ ждали чего-то недобраго. И дѣйствительно, въ церкви показался холопъ, передавшій попу всю печальную исторію похищенія невѣсты. Гости разошлись, въ церкви погасили огни, а народъ еще долго толковалъ на разные лады по поводу несостоявшейся боярской свадьбы.

Утро праздничнаго дня. Съ кремлевскихъ колоколенъ раздается торжественный звонъ къ обѣднѣ.

Но народъ узналъ о томъ, что „пришлая" царица Елена посѣтитъ сегодня храмъ, и изъ боязни встрѣтиться съ нелюбимой правительницей, не собирался къ обѣднѣ.

Изъ Успенскаго собора вышла правительница, рядомъ шелъ маленькій царь Іоаннъ съ мамкой, съ боярами и съ боярынями, тутъ же шла княгиня Мстиславская съ мѣшкомъ денегъ, одѣляя ими нищихъ и калѣкъ. Народъ, бывшій у дворцоваго крыльца, молча кланяется царю и его матери и спѣшитъ разойтись.

Отсутствіе народа въ церкви, его очевидное „бѣгство" при появленіи правительницы, произвело на Елену удручающее впечатлѣніе. Она сердито выступала впередъ, превозмогая душившую ее злобу.

Вдругъ откуда-то выскочилъ исхудалый, сѣдой какъ лунь старикъ, съ длинными волосами и бородой; на немъ была только одна изорванная рубаха длинная, до самыхъ пятъ, подпоясанная веревкой. Это былъ юродивый Петруша.

— На, Божій человѣкъ, пріими Христову милостыню, — сказала Елена, протягивая ему руку съ деньгой.

Юродивый взялъ было деньгу, но потомъ бросилъ ее изъ рукъ.

— Возьми милостыню и ступай! — грозно приказала она старику.

— Твоей милостыни мнѣ не надо — Петруша богаче тебя!

— Гоните его! — въ изступленіи крикнула Елена.

Но юродивый уже вмѣшался въ народъ и незамѣтно исчезъ.

Во дворецъ правительница вернулась въ крайнемъ раздраженіи.

Здѣсь ее ждалъ Шигона.

— Милости и суда пришелъ просить у тебя, государыня, — молвилъ онъ, кланяясь правительницѣ въ ноги.

— Что надо?

— Опозоренъ, осрамленъ на старости лѣтъ.

— Да говори, бояринъ, въ чемъ дѣло?! — нетерпѣливо приказала Елена.

— Дочь украли! Вѣнчать ее везли, и тутъ Дятловъ съ разбойниками напалъ на поѣзжанъ и увезъ невѣсту.

— Разскажи подробнѣй, Иванъ Юрьевичъ.

Шигона не заставилъ себя ждать и разсказалъ о своемъ несчастіи, взваливая всю вину на Дятлова, хотя не скрылъ, что достовѣрно этого не знаетъ.

— Кому же, кромѣ него, государыня, и сдѣлать такое злодѣяніе! Заступись за холопа твоего вѣрнаго, не дай въ обиду старика! — становясь на колѣни передъ Еленою, въ слезахъ умолялъ Шигона.

— Встань, бояринъ! Ежели тутъ вина Дятлова, онъ будетъ строго наказанъ. Головой его тебѣ выдамъ; дѣлай съ нимъ, что хочешь.

Елена приказала Шигонѣ обыскать весь теремъ Дятлова и взять его подъ стражу. Она велѣла привести Бориса къ ней, желая сама допросить его.

Розыскъ Шигоны былъ безуспѣшенъ, о чемъ онъ и поспѣшилъ донести правительницѣ.

Тогда Елена посовѣтовала Шигонѣ взять съ собою приказныхъ, искусныхъ въ розыскѣ, и найти съ ихъ помощью Бориса.

XXXV.

Нападеніе на поѣзжанъ было сдѣлано Стрѣлою и его разбойниками. Надя прежде сильно испугалась, но когда узнала своего похитителя, успокоилась.

„Стрѣла — пріятель Бориса и лиха мнѣ не сдѣлаетъ", думала она.

— А знаетъ ли Борисъ про то, какъ ты у поѣзжанъ меня отбилъ? — спросила она у своего неожиданнаго спутника.

— Нѣтъ, боярышня, пока не знаетъ, но ужо знать будетъ.

— Куда же меня везутъ? — допытывалась Надя.

— А вотъ скоро, боярышня, узнаешь!..

Стрѣла со своими лихими товарищами свернули въ густой, непроходимый лѣсъ. Этотъ дремучій лѣсъ находился невдалекѣ отъ Москвы и тянулся на нѣсколько верстъ. Въ самой чащѣ его стояла избенка въ одно оконце, въ которой жилъ старикъ Софронъ. Софронъ развелъ здѣсь пчелъ и жилъ на своей пасѣкѣ ужъ лѣтъ сорокъ безвыходно. Кромѣ того, онъ слылъ еще и за хорошаго знахаря; лѣчилъ Софронъ цвѣтами и травами. Всѣ окрестные жители любили и уважали старика и охотно несли къ нему хлѣбъ, молоко и яйца, въ благодарность за услуги, которыя оказывалъ имъ старикъ. Софронъ былъ не жаденъ до денегъ и лѣчилъ народъ не изъ корысти. Стрѣла познакомился со старикомъ случайно. Разъ какъ-то, заблудившись въ лѣсу, онъ набрелъ на избенку Софрона, зашелъ сюда и попросилъ у старика пріюта. Софронъ радушно его принялъ. Стрѣла прогостилъ у него цѣлую недѣлю. Съ тѣхъ поръ они сдружились, и когда Стрѣла бывалъ въ Москвѣ, онъ обязательно навѣщалъ старика и приносилъ ему гостинцевъ.

У этого-то Софрона Стрѣла и задумалъ на время укрыть боярышню.

Когда они приблизились къ избѣ Софрона, было уже совершенно свѣтло: ненастная ночь смѣнилась яснымъ осеннимъ утромъ. Они оставили лошадей и направились по узенькой тропинкѣ къ избушкѣ. Они застали Софрона сидящимъ на ступенькѣ крыльца, въ рукахъ у него была полная чашка крупъ, множество голубей было у его ногъ, и онъ бросалъ имъ крупу горстями.

— Здорово, дѣдъ!— весело крикнулъ Стрѣла.

— А, молодецъ, здорово! Что рано пожаловалъ?

— Дѣло до тебя есть, дѣдъ.

— А вотъ постой, дай голубковъ покормить. Да ты не одинъ? Кто же это съ тобой?— съ удивленіемъ посматривая на Надю, спросилъ старикъ.

Нельзя было и не удивляться. На молодой красавицѣ была подвѣнечныя одежда изъ серебряной парчи, повязка блестѣла самоцвѣтными каменьями и жемчугомъ, на плечи накинута была бархатная тѣлогрѣя, обшитая широкимъ соболемъ. Надя была поразительно хороша въ этомъ нарядѣ.

— Кого это ты привелъ ко мнѣ — царевну или княгиню?— любовался старикъ.

— Пойдемъ въ избу, все разскажу.

Софронъ пропустилъ впередъ боярышню и Стрѣлу, и самъ вошелъ за ними. Молодой парень разскалъ ему о всѣхъ злоключеніяхъ и просилъ дать пріютъ боярышнѣ на нѣсколько дней.

— Отчего же добраго дѣла не сдѣлать! Боярышнѣ дорогой дамъ пріютъ, если она не погнушается моей избенкою.

— Развѣ ты меня здѣсь оставишь одну?— спросила дѣвушка у Стрѣлы.

— Не надолго, красавица. Я только въ Москву съѣзжу къ бояричу и привезу его къ тебѣ.

— Неужели привезешь Бориса?— обрадовалась Надя.

— Привезу, боярышня! А ты, дѣдъ, гляди: пока боярышня въ избѣ, никого не принимай и никому про гостью не говори.

— Ужъ не скажу, не учи, знаю.

— То-то, дѣдъ, обереги боярышню, и послугу твою я никогда не забуду.

Стрѣла простился и вышелъ къ ожидавшимъ его въ лѣсу разбойникамъ.

— Ребята! трое изъ васъ поѣдутъ со мной въ Москву, а остальнымъ покуда быть здѣсь. Тутъ невдалекѣ избенка стоитъ и живетъ въ ней старикъ пчельникъ. У него-то я и оставилъ боярышню. Глядите во всѣ и берегите боярышню. Не допускайте никого, кто бы ни хотѣлъ пройти къ старику. Поняли?

— Ну, какъ не понять?

— Помните, ребята, мой наказъ! За малѣйшую обиду боярышни я убью виновнаго на мѣстѣ!

— Ладно ужъ, поѣзжай, цѣла будетъ.

Стрѣла въ сопровожденіи трехъ разбойниковъ поспѣшилъ въ Москву къ Дятлову.

XXXVI.

Между тѣмъ оставшіеся разбойники замыслили недоброе. Драгоцѣнныя украшенія, которыми былъ осыпанъ уборъ Нади, уединеніе, въ которомъ она нашла убѣжище у слабаго старика, — соблазняли лихихъ людей на злое дѣло, и нѣкоторые изъ разбойниковъ громко выражали намѣреніе убить старика Софрона и боярышню Надю, обобрать всѣ драгоцѣнности и скрыться. Только страхъ передъ местью атамана удерживалъ разбойниковъ отъ коварнаго шага, и злонамѣренный планъ былъ оставленъ. Но двое изъ нихъ — Ѳомка и Ванька, самые сильные и отчаянные злодѣи изъ всей ватаги, — все-таки рѣшили въ тайнѣ отъ товарищей погубить невинныя души.

Прошелъ недолгій осенній день, насталъ вечеръ. Разбойники, въ ожиданіи возвращенія своего атамана, улеглись спать, — кто на телѣгѣ, а кто и просто на землѣ. Ѳомка и Ванька вызвались караулить. Они взяли по ружью и стали расхаживать около телѣгъ и коней. Разбойники скоро заснули. Ванька и Ѳомка рѣшили, что настала удобная минута, и стали тихо прокрадываться къ избенкѣ Софрона.

Въ избѣ все было тихо. Софронъ давно уже заложилъ на засовъ дверь, усердно помолился и, взобравшись на печь, скоро заснулъ тревожнымъ, стариковскимъ сномъ. На столѣ горѣлъ свѣтлецъ.

Надя не спала, — она не привыкла спать на жесткой короткой скамьѣ. Вдругъ она слышитъ какой-то шорохъ подъ окномъ. Молодая дѣвушка встала и хотѣла было подойти къ окну, но замерла отъ испуга и удивленія: въ окно смотрѣла страшная рожа, со всклоченными волосами. Одинъ мигъ — и рама со слюдою вмѣсто стеколъ полетѣла на землю.

Ѳомка первымъ влѣзъ въ избу, за нимъ взобрался и Ванька.

— Здорово, красавица! Чай, поди, не ждала гостей? — привѣтствовалъ свою несчастную жертву Ѳомка, безобразное лицо котораго ухмылялось злодѣйской улыбкой.

— Ну, боярышня, конецъ твой насталъ!

Ванька уже замахнулся своимъ широкимъ ножомъ на помертвѣвшую отъ страха Надю.

— Вы убить меня хотите? — вся дрожа, умоляюще спросила бѣдная Надя.

— Знамо, такъ, — хладнокровно отвѣтилъ Ѳомка.

— Что же я вамъ сдѣлала? За что?

— Ну, ты, сударка, полно! Не разжалобишь!

— Дайте мнѣ хоть помолиться.

— Что жъ, можно! — молись, только недолго.

— А гдѣ же старикъ? Что его не видно? — оглядываясь вокругъ, спросилъ Ванька.

— Не на печи ли? Подь-ка, посмотри.

Ванька подошелъ къ печи, но только хотѣлъ на нее взлѣзть, какъ сильный ударъ топоромъ раскроилъ ему черепъ, и Ванька, обливаясь кровью, грохнулся у печки.

Какъ только разбойники влѣзли въ избу, Софронъ проснулся. Онъ сразу понялъ, что за люди пожаловали къ нему въ гости.

Первое время онъ хотѣлъ было соскочить съ печи и защитить боярышню. Но что онъ, слабосильный старикъ, могъ сдѣлать съ двумя здоровенными разбойниками! Онъ сталъ выжидать, что будетъ дальше. Но когда Ванька полѣзъ на печку, онъ со всей силы хватилъ разбойника острымъ топоромъ, который, къ счастію, лежалъ на печи, и, не выпуская топора изъ рукъ, быстро спустился съ печки. Ѳомка былъ пораженъ неожиданностью и стоялъ съ вытаращенными глазами въ какомъ-то остолбенѣніи.

Вдругъ загрохоталъ выстрѣлъ — и убитый Ѳомка грузно грохнулся около обезумѣвшей отъ страха боярышни.

— Во-время попали, отпирай дверь, старикъ! — послышался Софрону знакомый голосъ у окна. Старикъ поспѣшилъ снять засовъ. Не вошелъ, а вихремъ влетѣлъ въ избу Дятловъ и бросился цѣловать руки и лицо плакавшей отъ радости Нади.

Стрѣла, оставивъ Надю въ избѣ Софрона, поспѣшилъ въ Москву къ Дятлову и засталъ его въ страшномъ отчаяніи.

— Все потеряно! все пропало! — говорилъ чуть не плача, молодой ловчій, — любу мою съ другимъ повѣнчали.

— А можетъ, и не повѣнчали, — дразнилъ его Стрѣла.

— Давно повезли вѣнчать, самъ видѣлъ.

— Повезли, да не довезли.

— Что ты говоришь, Стрѣла!

— А ты соберись-ка, бояричъ, поскорѣе: поди, боярышня тебя заждалась.

— Какъ! Развѣ Надя не обвѣнчана? — съ замираніемъ сердца спросилъ Дятловъ.

— Съ тобой, бояричъ, видно, повѣнчается. Ну, Борисъ Васильевичъ, поживѣй собирайся, да въ дорогу.

Дятловъ и Стрѣла поспѣшили къ избенкѣ Софрона и попали во-время. Опоздай они немного — Ѳомка бы убилъ и боярышню, и старика.

— Милый, милый! Тебя Самъ Богъ прислалъ спасти меня.

— И меня, старика, спасли отъ руки разбойника. Воздай за это вамъ Господь! — низко кланяясь, благодарилъ Софронъ своихъ избавителей.

Теперь возникъ новый вопросъ: куда дѣться? Старикъ посовѣтовалъ Дятлову отправиться къ себѣ въ рязанскую отчину. Надя согласилась, и положили немедленно ѣхать. Стрѣла съ своими молодцами провожалъ Дятлова и его невѣсту вплоть до самой отчины.

XXXVII.

Безъ особыхъ приключеній доѣхали они до усадьбы. Дворовые съ радостью встрѣтили своего боярича; особенно обрадовалась старуха Марковна, увидя свою любимку-выходицу; счастію старухи не было конца.

Дятловъ отвелъ боярышнѣ цѣлую половину своего терема. Кромѣ Марковны, для услугъ Нади онъ приставилъ къ ней двухъ сѣнныхъ дѣвокъ.

Стрѣла пожилъ нѣкоторое время въ усадьбѣ у Дятлова. Наконецъ, и его потянуло въ любимый лѣсъ. Онъ рѣшилъ разстаться съ своимъ другомъ, и какъ тотъ ни просилъ его остаться, ни за что не захотѣлъ уступить этимъ горячимъ просьбамъ.

— Спасибо, бояричъ, на всемъ! Нужда какая бу-

деть, къ старику Софрону поѣзжай. Онъ тебѣ покажетъ, гдѣ меня найти. Если, бояричъ, и жизнь моя понадобится я съ радостью отдамъ ее тебѣ. Такъ и знай.

Крѣпко обнялись Дятловъ съ Стрѣлою, — у обоихъ видны были слезы на глазахъ, — и разстались.

По отъѣздѣ атамана, Дятловъ сталъ хлопотать о свадьбѣ. Сельскій старичокъ-священникъ согласился обвѣнчать Бориса съ боярышней. Назначенъ былъ день свадьбы. Надя съ радостью шла подъ вѣнецъ съ милымъ, хотя въ глубинѣ своего любящаго сердца чувствовала страхъ и тревогу: не легко было итти подъ вѣнецъ безъ родительскаго благословенія, но она твердо вѣрила, что Богъ благословитъ ихъ союзъ: она и Борисъ такъ много выстрадали, такъ много перенесли несчастій и обидъ.

— Какъ я счастлива, милый! Ты со мной и навсегда со мной. Вѣдь это большое счастіе, — нѣжно обнимая своего возлюбленнаго, говорила Надя за нѣсколько часовъ до вѣнчанія.

— О, теперь никто не разлучитъ насъ!.. Скоро передъ лицомъ Бога мы дадимъ обѣтъ принадлежать другъ другу до гробой доски.

— Знаешь, милый, поѣдемъ послѣ вѣнца въ Москву къ батюшкѣ.

— Ты думаешь, Надя, онъ проститъ насъ?

— Я вымолю это прощеніе!

— Нѣтъ Надя, не проститъ онъ: не таковъ твой отецъ.

— А вотъ увидишь, батюшка проститъ насъ.

— Дай-то бы Господи!

Въ маленькой деревянной церкви происходило вѣнчаніе Дятлова съ Надей. Кромѣ своихъ дворовыхъ и усадебныхъ крестьянъ, въ церкви никого не было: Дятловъ боялся оглашать свою свадьбу. Ни поѣзжанъ ни дружковъ не было. Изъ церкви молодыхъ привезли

прямо въ теремъ. Вѣрный и преданный Дятлову Никита, а также истопникъ Иванъ, старикъ приказчикъ и Марковна встрѣтили молодыхъ съ хлѣбомъ-солью и осыпали ихъ въ дверяхъ хмелемъ. Борисъ и его молодая жена были безконечно счастливы.

Всѣ усѣлись за скромный пиръ въ тѣсномъ кругу живыхъ свидѣтелей всего пережитаго молодыми горя-злосчастія.

Вдругъ рѣзкій и сильный стукъ въ ворота заставилъ всѣхъ прервать скромное торжество.

XXXVIII.

Въ селѣ, гдѣ находилась усадьба Дятлова, ко двору старосты подъѣхали двѣ телѣги; на одной сидѣли приказный дьякъ съ двумя приставами, на другой—воинская команда, состоявшая изъ шести человѣкъ стрѣльцовъ.

— Эй, староста! —крикнулъ дьякъ, слѣзая съ телѣги.

— Что твоей милости надобно? — выходя навстрѣчу нечаяннымъ гостямъ, спросилъ старикъ староста.

— Что безъ огня встрѣчаешь, дуралей! Темно, хоть глазъ выколи. Пошелъ, неси фонарь! — крикнулъ на старосту одинъ изъ приставовъ.

— Не обезсудь, кормилецъ, не догадался. Я сейчасъ.

Старикъ поспѣшилъ въ избу и вернулся на дворъ съ зажженной лучиной.

— Ну, теперь веди въ избу.

— Прошу покорно, господа честные!—отворяя дверь, и пропуская впередъ пріѣхавшихъ, приглашалъ старикъ съ низкимъ поклономъ.

Дьякъ важно разсѣлся на скамьѣ въ переднемъ углу; пристава помѣстились у двери, а стрѣльцы остались на дворѣ.

— Кто селомъ владѣетъ? Сказывай! — спросилъ у старосты дьякъ.

— Бояринъ Дятловъ.

— Какой онъ бояринъ! Ты, что ли, сѣдая крыса, въ бояре его пожаловалъ?

— Искони Дятловы владѣютъ нами, и зовемъ мы ихъ боярами.

— Слушай, старая лиса: я слуга государевъ, приказный дьякъ. Пріѣхалъ къ вамъ на село по важному дѣлу. Ты долженъ говорить мнѣ всю правду, какъ есть на чистоту, а будешь врать и хитрить—батоговъ отвѣдаешь, да велю еще цѣпь надѣть, да въ Москву отправлю!

— Спрашивай, государь! На вранье я старъ; скажу, что знаю.

— Вашъ бояричъ Дятловъ здѣсь, въ усадьбѣ?

Староста зналъ, что Дятловъ скрывается въ своей усадьбѣ отъ какого-то ворога; ему было не безызвѣстно и то, что нынче бояричъ вѣнчался съ дочерью этого ворога.

Старикъ догадался, что за люди пріѣхали къ нему. Онъ думалъ послать вѣсточку на боярскій дворъ о „пріѣзжихъ гостяхъ“, но сдѣлать этого не могъ: приказный и приставъ зорко за нимъ слѣдили.

— Ну, что молчишь, старый? Сказывай!

— Про что?

— Аль забылъ, дьяволъ! Вѣрно, уши тебѣ заложило.

— Запамятовалъ, про что твоя милость меня спрашивалъ... Прости, Бога ради! — кланялся староста.

— Говори, Дятловъ въ усадьбѣ?

— Былъ въ усадьбѣ, а теперь не знаю.

— Холоповъ при немъ много ли?

— Немного: десятка два наберется.

— Ладно! А съ кѣмъ онъ живетъ въ усадьбѣ?

— Съ дворовыми холопами, а родныхъ у него здѣсь нѣтъ.

— Врешь, старый песъ! Съ нимъ проживаетъ боярышня изъ Москвы, дочка боярина Шигоны.

— Не знаю, милостивецъ. Можетъ, и живетъ, только я ни разу не видалъ ее.

— Врешь, каналья! Силою заставлю правду говорить.

— Не велика мнѣ корысть и врать. Говорю, что знаю.

— Ну, да ладно! Пожалуй, и не говори. Самъ скоро узнаю, самъ къ вашему бояричу въ гости пожалую. То-то будетъ радъ такимъ гостямъ! А теперъ, старый, сготовь-ка намъ что-нибудь поужинать. Я и пить и ѣсть хочу. Ну, поворачивайся! Живо!

— Охъ, милостивецъ, и угостилъ бы, да нечѣмъ.

— Какъ нечѣмъ, дьяволъ?!—разсердился приказный.

— Мы давно ужъ поужинали и, что было приготовлено, все поѣли. Только и есть, что хлѣбъ да молоко. Прикажешь, подамъ?

— Ну, давай хоть хлѣба и молока.

— Молоко-то на погребицѣ. Прикажешь, схожу.

— Хитеръ ты, старая лиса, а я и твоего хитрѣе! Подите со старикомъ да глядите, чтобы онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ,—приказалъ дьякъ, обращаясь къ приставамъ.

Староста въ сопровожденіи приставовъ сходилъ въ погребъ и принесъ оттуда свѣжаго молока.

Напуганные домочадцы старосты всѣ попрятались по разнымъ угламъ, и староста напрасно искалъ кого-нибудь, кому бы можно было въ удобную минуту шепнуть, въ чемъ дѣло.

— Вѣдь эка дурачье! Попрятались всѣ! — ворчалъ старикъ. — Чтобы догадаться да сбѣгать въ боярскую усадьбу—дать вѣсточку бояричу о непрошенныхъ гостяхъ.

Старикъ влилъ въ большую деревянную чашу чуть ли не цѣлое ведро молока, поставилъ съ поклономъ на столъ передъ приказнымъ и подалъ ему большую краюху хлѣба. Дьякъ покрошилъ въ молоко хлѣбъ и сталъ уплетать за обѣ щеки.

— Ну, крохотку позакусилъ, ѣшьте вы теперь,— отдуваясь, предложилъ дьякъ приставамъ, показывая на чашу, въ которой, къ прискорбію послѣднихъ, молока и хлѣба оставалось уже немного.

Пристава въ минуту очистили чашу.

— Эй, старый колдунъ, чай, у тебя водится и бражка и медокъ?—спросилъ дьякъ.

— Откуда водиться, милостивецъ! Только къ праздникамъ и готовимъ. Мы народъ неимущій.

— Вѣдь врешь, дьяволъ! Знаю, что въ погребѣ у тебя и брага хмелевая водится и крѣпкій медъ. Похозяйствовалъ бы я у тебя, да недосугъ, надо ѣхать къ другимъ въ гости.

Приказный съ приставами и стрѣльцами выѣхали со двора старосты и направились къ боярской усадьбѣ.

Шигона какъ-то случайно вывѣдалъ, что у Дятлова есть лѣсная усадьба около Рязани, и отрядилъ туда приказнаго дьяка съ приставами, строго наказавъ имъ именемъ правительницы взять подъ стражу Дятлова и везти его въ Москву.

Подъѣхавъ къ запертымъ воротамъ усадьбы, дьякъ приказалъ стучать. Послышался отчаянный стукъ, который такъ встревожилъ новобрачныхъ.

Никита быстро побѣжалъ къ воротамъ узнать, въ чемъ дѣло, и вернулся сильно встревоженный.

— Борисъ Васильевичъ! Дѣло-то не ладно! — тихо сказалъ онъ, отзывая въ сторону Дятлова.

— Что такое?

— Въ ворота ломится приказный съ приставами.

— Это дѣло Шигоны. За мной прислалъ, пронюхалъ-таки, извергъ, гдѣ я.

— О чемъ толкуете?—подошла къ нимъ Надя.

— Дьякъ съ приставами стучитъ въ ворота.

— Неужели за тобою, милый? — мѣняясь въ лицѣ, съ тревогой спросила она у своего мужа.

— Не знаю. Да чего ты такъ испугалась, голубка?

— Какъ же не пугаться! Вѣдь ихъ, вѣрно, отецъ прислалъ за нами. Что же теперь дѣлать?

— Ты поди къ себѣ въ горницу, а я переговорю съ приказнымъ; авось и все минется.

— Не лучше ли, Борисъ Васильевичъ, тебѣ скрыться?—посовѣтовалъ Никита.

— Зачѣмъ? Я не воръ, не бѣглый. Никакой вины за собой не знаю! Впусти приказнаго, Никита, послушаемъ, что станетъ онъ говорить, въ чемъ меня обвинять. А ты, Наденька, поди къ себѣ.

— Нѣтъ, милый, одного тебя я не оставлю. Куда ты, туда и я,—твердо стояла на своемъ Надя.

Между тѣмъ приказный и приставникъ не переставали ломиться въ ворота и ругались самыми отборными словами.

— Да что вы, дьяволы, оглохли, что ли? Отпирай ворота, не то ломать велю!

— Кто стучитъ? Что надо?—подходя къ воротамъ, спросилъ Никита.

— Я—дьякъ приказный, присланный съ государевымъ словомъ къ дворянину Дятлову.

— Ежели съ государевымъ словомъ, то входи.

Заскрипѣли ворота на проржавленныхъ петляхъ и широко растворились. Дьякъ съ приставами и стрѣльцами съ бранью и крикомъ въѣхали на дворъ.

— Веди насъ прямо въ теремъ!—крикнулъ сердито дьякъ Никитѣ.

Всѣ они ввалились въ горницу и съ изумленіемъ остановились у дверей. Ихъ поразилъ богато накрытый свадебный столъ, Дятловъ и его молодая жена, одѣтые въ дорогія брачныя одѣянія, блиставшія золотомъ и самоцвѣтными каменьями.

— Никакъ мы на свадьбу угодили?—спросилъ приказный.

— Не ошибся, господинъ дьякъ. Ты попалъ на свадебную вечерю.

— Ты будешь Борисъ Дятловъ, ловчій великокняжескій?—обратился дьякъ къ Дятлову.

— Я! Что же тебѣ надо?

— А вотъ узнаешь, дай срокъ. А это кто?- спросилъ опять приказный, указывая на Надю.

— Это жена моя вѣнчанная, Надежда Ивановна.

— Дочка боярина Шигоны?

— Она самая.

— Такъ вы уже и повѣнчаны?

— Сейчасъ только изъ-подъ честнаго вѣнца.

— Опоздалъ! А все кони, чуть ноги волочили, проклятые одры,—вотъ и опоздали!—ругался приказный.

— Ты, господинъ дьякъ, кажись, ко мнѣ съ государевымъ словомъ? Что жъ, забылъ, что ли?

— Гдѣ забыть! Ты, Борисъ Дятловъ, обвиняешься въ разбойническомъ нападеніи на свадебный поѣздъ и въ похищеніи невѣсты, дочери боярина Шигоны.

— Постой, постой, господинъ дьякъ! Дочь боярина Шигоны жива и передъ тобою стоитъ. Спроси ее, нападалъ ли я на свадебный поѣздъ?

— Мой мужъ въ этомъ неповиненъ; напалъ на поѣзжанъ не онъ, а другой.

— Другой. Ну, ладно! А какъ же ты, Надежда Ивановна, очутилась у Дятлова?

— Не тебѣ я отвѣтствовать буду, ты и не спрашивай!

— И не надо! Не мнѣ, такъ своему родному батюшкѣ скажешь. А я долженъ къ нему тебя немедля приставить. Да и ты, Борисъ Дятловъ, не мѣшкая, собирайся въ путь.

— Какъ, развѣ ты насъ повезешь?

— Не я повезу, а кони! Я только стеречь буду, чтобы дорогой вы не сбѣжали,—нахально острилъ дьякъ.

— Ни я ни жена моя съ тобою не поѣдемъ!

— Ну! А вотъ у меня грамотка, въ которой прописано, чтобы я, не мѣшкая, взялъ тебя и въ Москву представилъ къ боярину Ивану Юрьевичу Шигонѣ. Ему, по приказу государыни-правительницы, выданъ ты головою. А если ты думаешь оказать сопротивленіе, то знай и помни, — сопротивляться будешь не мнѣ, а госуда-

рынѣ-правительницѣ, а за сіе постигнетъ тебя страшная кара.

— Меня, ты говоришь, головою выдали Шигонѣ? Да за что!?

— Про то, молодецъ, спроси у самого боярина. А теперь собирайся. Хоть и нелегко тебѣ изъ-подъ вѣнца да въ тюрьму, на расправу къ грозному боярину, да ничего не подѣлаешь: плетью обуха не перешибешь.

— Господинъ дьякъ! Я покоряюсь волѣ правительницы. Только объ одномъ прошу тебя: не спѣши отъѣздомъ. Дай кончить намъ брачную вечерю и самъ будь гостемъ моимъ. Садись и пируй — ѣды, питья у меня припасено вволю, вина есть заморскія, хорошія и медъ янтарный.

— Нѣтъ, не могу этого дѣлать. Надо сейчасъ ѣхать,— настаивалъ приказный, косясь на столъ, уставленный ендовами, жбанами и кубками и многими съѣдобными припасами, которые возбудили сильный аппетитъ жаднаго до ѣды и до питья дьяка.

— Ну, хоть часа на три дай сроку, господинъ дьякъ, надо приготовиться въ путь. Видишь вотъ этотъ кубокъ? Онъ изъ чистаго золота,—шепнулъ ему на ухо Дятловъ, показывая приказному большой дорогой кубокъ.

— Ну, ну, вижу—кубокъ знатный!

— Онъ и будетъ твой, да еще я подарю тебѣ два серебряныхъ, только дай срокъ—до утра побудь, а ужъ тамъ въ путь.

— Не обманешь? — любуясь кубкомъ, спрашивалъ дьякъ.—Подаришь?

— Зачѣмъ обманывать, возьми хоть сейчасъ.

— Ладно! До свѣта, пожалуй, побуду, только ты и приставамъ что-нибудь дай.

— Имъ по три гривны серебра дамъ.

— Довольно и за глаза. Эй, пристава, подите-ка сюда!

Дьякъ что-то шепнулъ приставамъ; на ихъ лицахъ

изобразилась радость. Они весело усѣлись за свадебный столъ и принялись съ жадностью за вино и ѣду.

Вскорѣ лица дьяка и приставовъ раскраснѣлись и покрылись потомъ; глаза у нихъ совершенно осовѣли. Выпитое вино произвело свое дѣйствіе: они охмелѣли.

— Ты бы, хозяинъ, и стрѣльцовъ угостилъ. Вѣдь люди тоже проголодались.

— Будь спокоенъ, господинъ дьякъ, стрѣльцы сыто накормлены,—успокоилъ Дятловъ сердобольнаго дьяка.

Онъ говорилъ правду. Никита такъ усердно потчевалъ стрѣльцовъ, что всѣ они давно храпѣли, растянувшись въ кухнѣ на полу.

Еще немного—и дьякъ вмѣстѣ съ приставами совершенно опьянѣли. Слуги Дятлова волокомъ вытащили ихъ изъ-за стола и положили на скамейкахъ въ передней. Въ мертвомъ снѣ они лежали здѣсь, забывъ обо всемъ на свѣтѣ.

— Заснули?—тихо спросилъ Дятловъ.

— И пальбой ихъ теперь не разбудишь...

— А кони, Никита, готовы?

— Давно тройка лихихъ коней дожидается у крыльца.

— Такъ и въ путь. Готова ли Надя?

— Я готова, милый! — проговорила красавица, появляясь въ дверяхъ, одѣтая по-дорожному.

— Ну, поѣдемъ, голубка! Будемъ въ чужихъ людяхъ пристанища себѣ искать. Попасть въ руки къ твоему отцу куда плохо, милости отъ него не жди. О, Господи! Долго ли злосчастная судьбина будетъ гнать насъ!

— Потерпимъ, милый, можетъ, счастье близко.

Въ повозку, запряженную тройкой, сѣли Дятловъ съ молодою женою. Никита помѣстился на облучкѣ, рядомъ съ возницею. Была темная, глухая ночь, когда Дятловъ выѣхалъ изъ своей усадьбы. Кругомъ тишина могильная.

— Ну, въ добрый часъ... Эй вы, други! — крикнулъ возница на коней, помахивая кнутомъ.

Рванулись добрые кони и понеслись вихремъ по проѣзжей дорогѣ.

XXXIX.

Бѣглецы спѣшили. Съ большой дороги они свернули на проселочную, разсчитывая, что тамъ будетъ безопаснѣе, что они скорѣе избѣгнутъ такимъ образомъ погони. Цѣлый день безостановочно гнали лошадей; настал, наконецъ, вечеръ; измученные кони еле плелись. Надо было подумать о ночлегѣ. Пришлось опять съ проселочной дороги выѣхать на большую. Вскорѣ имъ попался на пути постоялый дворъ, и здѣсь они надѣялись провести ночь.

Никита постучался въ ворота. Вышелъ хозяинъ, но новыхъ гостей не пустилъ: дворъ-де весь переполненъ, и нѣтъ въ немъ ни одного свободнаго мѣста. Дятловъ рѣшилъ самъ потолковать съ несговорчивымъ хозяиномъ. Оказалось, что весь дворъ отданъ въ распоряженіе боярина Шуйскаго и его многочисленныхъ холоповъ. Борисъ, который раньше опасался какой-нибудь непріятной встрѣчи на постояломъ дворѣ, теперь пріободрился; встрѣча съ Шуйскимъ могла быть ему очень полезна, и онъ рѣшилъ итти просить боярина, чтобы онъ позволилъ несчастнымъ бѣглецамъ переночевать въ занятомъ имъ домѣ.

Дятловъ вошелъ съ женою въ избу.

Въ переднемъ углу, на скамьѣ, покрытой дорогимъ ковромъ, сидѣлъ Василій Васильевичъ Шуйскій, въ бархатномъ полукафтаньѣ, обшитомъ по подолу соболемъ; около него лежала дорогая соболья шуба и такая же шапка. На столѣ стоялъ дорожный сундучокъ съ кубками, братиной и ендовой; изъ другого дорожнаго сундука боярскій прислужникъ вынималъ разные съѣстные припасы и раскладывалъ ихъ на столѣ передъ бояриномъ.

— Ба-ба-ба! Человѣкъ-то, кажись, знакомый,—при-

вѣтливо встрѣтилъ Бориса бояринъ. — Подойди-ка, молодецъ.

— Здравствуй, князь Василій Васильевичъ! — низко поклонился Дятловъ.

— Да ты тутъ не одинъ, ловчій великокняжескій! — Это что съ тобою за краля? Ужъ не дочка ли Шигоны? Кажись, она?

— Она, князь! Теперь она жена моя: вчера мы повѣнчались.

— Такъ ты ужъ и повѣнчаться успѣлъ! Ну, хвалю за ухватку, молодчина! Силою отбилъ свою зазнобу. Ну, братъ, подходи ближе, не бойся: ни тебѣ ни женѣ твоей зла не сдѣлаю. Здорово, государыня Надежда Ивановна! За столъ прошу, хлѣба соли откушать со мною. Только ужъ не обезсудьте: я по-дорожному, — былъ въ своей вотчинѣ, а теперь вотъ въ Москву пробираюсь.

— Спасибо, князь, — съ низкимъ поклономъ вмѣстѣ отвѣтили молодые.

— А вы напередъ со мною потрапезуйте, а потомъ ужъ и благодарите! Ну, вы! чего болванами стоите? Ставьте къ столу скамью да ковромъ прикройте! — крикнулъ князь холопамъ.

Тѣ бросились исполнить княжій приказъ: придвинули къ столу скамью и накрыли ее персидскимъ ковромъ.

Дятловъ съ женою сѣли. Князь Шуйскій угощалъ ихъ на славу, какъ будто онъ принималъ дорогихъ гостей у себя, въ своемъ роскошномъ терему.

— А вѣдь твой родной батюшка, Надежда Ивановна, за тобою и за твоимъ любимымъ мужемъ въ погоню пустился, дьяка съ приставами нарядилъ искать васъ. Великая княгиня головою выдала ловчаго-то отцу твоему. Да вы не бойтесь, я не выдамъ!

— До земли спасибо тебѣ, князь!

Борисъ и Надя низко ему поклонились.

— Чтобы спасти васъ, я покуда помѣщу васъ въ

своемъ московскомъ терему. Изъ терема князя Василія Шуйскаго никто не посмѣетъ взять его гостей. Князья Шуйскіе еще сильны на Руси.

— Князь Василій Васильевичъ. Не знаю, какъ и благодарить тебя, государя! Для нашего спасенія самъ Богъ послалъ тебя! – съ чувствомъ проговорилъ Дятловъ, вставая изъ-за стола и опять низко кланяясь князю Шуйскому.

— А ты полно благодарить... Разскажи-ка, какъ это ты Шигону провелъ.

Дятловъ откровенно разсказалъ князю всю исторію своей женитьбы.

— Спесивъ не въ мѣру Шигона; дай срокъ, я поубавлю ему спеси. Сдружился онъ съ Иваномъ Оболенскимъ, хотятъ они вдвоемъ всей Русью править. Посмотримъ, какъ это имъ удастся... Хотѣли отстранить меня, да не таковъ князь Шуйскій: побороть его не легко.

— Тебя, кажись, князь Василій Васильевичъ, правительница уважаетъ, ты въ думѣ за старшаго считаешься, — сказалъ Дятловъ, желая польстить самолюбивому князю.

— Родъ Шуйскихъ изстари извѣстенъ на Руси! Отъ Рюриковичей нашъ родъ идетъ!

Долго еще распространялся князь Шуйскій о своей силѣ на Руси. Разставаясь передъ сномъ съ молодыми, онъ на прощанье еще разъ увѣрилъ ихъ, что защититъ отъ происковъ Шигоны.

— Не тужи, Надежда Ивановна, – сказалъ онъ Надѣ: — ни тебя ни мужа твоего никому я въ обиду не дамъ. Волоса на вашей головѣ никто тронуть не посмѣетъ! Заступникомъ вашимъ князь Шуйскій будетъ! А съ отцомъ я помирю васъ. Придумалъ знатную я штуку. Какъ пріѣдемъ въ Москву—разскажу.

Съ разсвѣтомъ князь Шуйскій двинулся въ путь въ сопровожденіи Дятлова, его молодой жены и Никиты.

Въ Москвѣ князь Шуйскій поселилъ молодыхъ въ своемъ роскошномъ терему, наказавъ строго-настрого своимъ холопамъ никому не говорить о гостяхъ.

Между тѣмъ оставленные въ вотчинѣ Дятлова пьяный дьякъ съ приставами и стрѣльцами проснулись на другой день и были поражены отсутствіемъ Бориса и Нади. Ни проклятія приказной крысы ни брань и строгіе приказы открыть, куда дѣлись молодые—ничто не могло заставить вѣрныхъ слугъ выдать своихъ господъ. Догадливые дворовые Дятлова направили ищеекъ совсѣмъ въ другую сторону, и хитрый дьякъ немедленно снарядился въ погоню. Такъ ни съ чѣмъ и возвратился дьякъ къ боярину Шигонѣ и доложилъ ему, что ни Дятлова ни дочери боярской Надежды Ивановны онъ въ усадьбѣ не нашелъ.

Шигона потерялъ голову. Въ страшномъ гнѣвѣ онъ долго расхаживалъ по своей горницѣ, придумывая средство, какъ бы изловить своего врага. Наконецъ, онъ обратился къ приказному съ слѣдующими словами:

— Слушай, дьякъ, я озолочу тебя, что хочешь бери,—только врага моего доставь! Во всѣ концы пошли сыщиковъ, не жалѣй ни денегъ ни людей... Вотъ возьми кошель, а мало будетъ — еще бери. Ступай, отыщи мнѣ Дятлова.

XL.

Между Еленой и княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Овчиной-Оболенскимъ произошло что-то недоброе. Правительница замѣтно охладѣла къ своему любимцу.

Молодой князь понялъ это и ломалъ голову, ища причины такой перемѣны къ нему княгини.

Однажды, войдя съ докладомъ къ Еленѣ, онъ рѣшилъ объясниться.

— Государыня-княгиня, дозволь сказать тебѣ слово!..

— Сказывай, князь, послушаемъ.

— Чѣмъ я заслужилъ твой гнѣвъ?

— Съ чего ты взялъ, князь? Я на тебя не гнѣваюсь.

— Вижу, великая княгиня, твою перемѣну: не такова ты стала къ твоему рабу вѣрному.

— Какою была, такою и есть,—сухо отвѣтила Елена.

— Можетъ, кто-нибудь наговорилъ на меня,—такъ дай мнѣ, твоему рабу, передъ тобою оправдаться!— просилъ князь, опускаясь на колѣни.

— Встань, князь!

— Не встану, великая государыня, до тѣхъ поръ, пока не скажешь, за что на меня изволишь гнѣваться.

— Твои вопросы наскучили мнѣ, князь! Чего ты хочешь?

— Прежняго, государыня.

— О прежнемъ, князь, не думай: что было, то прошло, былого не воротить.

— Стало-быть, счастье мое прошло, звѣзда померкла?

— А скажи мнѣ, князь, давно ты женатъ?—пристально посмотрѣвъ на Оболенскаго, вдругъ спросила правительница.

Князь поблѣднѣлъ и растерялся.

Елена наслаждалась его смущеніемъ.

— Что же молчишь, князь? Давно ли женатъ, я спрашиваю.

— Давно,—глухо отвѣтилъ князь Иванъ.

— Зачѣмъ же ты скрывалъ про свадьбу?—сурово спросила Елена.

— Женился я, государыня, еще при жизни великаго князя Василія Ивановича, твоего супруга, и вѣнчался въ вотчинѣ своей тихо, безъ огласки.

— Но зачѣмъ же скрывалъ?! Говори!

— Женился я на опальной, на Марьѣ Сабуровой; она сестрой приходится Соломоніи.

— Ты хочешь сказать — монахинѣ Софьѣ сестрой жена твоя приходится?

— Да, великая государыня, потому-то я и скрывалъ свою женитьбу.

— Зачѣмъ же ты на опальной женился? Или другихъ невѣстъ тебѣ не хватило? — допрашивала Елена у князя.

— Въ то время Марья приглянулась мнѣ. Я... я полюбилъ ее.

— Полюбилъ... Что же, хороша она была, статна, румяна? Ну, говори... хороша?

— Не терзай меня государыня.

— Прежде ты любилъ жену, а теперь не любишь? — продолжала разспрашивать правительница смущеннаго князя.

— Не люблю...

— Почему же разлюбилъ? Или жена твоя подурнѣла?

— Изволь, скажу, государыня. Разлюбилъ я свою жену потому, что полюбилъ другую.

— И другую разлюбишь, когда найдешь пригоже ея...

— Государыня...

— Молчи, князь!

Оболенскій молча вышелъ изъ покоевъ княгини.

Князь Иванъ-Овчина-Телепневъ-Оболенскій попалъ въ немилость, но продолжалось это недолго, и напрасно недруги молодого князя радовались его паденію.

Женившись на Сабуровой, князь Оболенскій повезъ свою молодую жену въ Москву, гдѣ она жила совершенно замкнутой теремной жизнью. Никто, кромѣ слугъ, не зналъ, что князь женатъ, а холопамъ приказано было хранить молчаніе. Гостей принималъ лишь одинъ князь, и такимъ образомъ ему удавалось сохранить свою тайну. Но вотъ однажды, въ лѣтній жаркій день, княгиня Марья, наскучивъ сидѣть въ своей горницѣ, вышла въ садъ, который примыкалъ къ княжескимъ хоромамъ. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ къ Оболенскому бояринъ Шигона; пріѣхалъ онъ по важному неотлагательному дѣлу. Самого князя не было дома, и Шигона рѣшился подождать его возвращенія, чтобы не ѣхать въ другой разъ. Въ терему было душно и жарко, и

Шигона пошелъ въ садъ; холопы не смѣли его остановить... Бродя по саду, онъ случайно встрѣтился съ княгинею Марьей.

Княгиня не слыхала, какъ подошелъ къ ней бояринъ; завидя его она пустилась бѣжать, прикрывшись фатою.

Хитрый Шигона очень обрадовался этой встрѣчѣ.

„А, такъ, вотъ оно дѣло-то какое... Великій конюшій, первый человѣкъ въ государствѣ, сударушку у себя завелъ... чтобы не скучать... Вотъ случай раздружить его съ великой княгиней! Спесивый князь Овчина-Оболенскій самъ ко мнѣ въ руки попалъ... Теперь Шигона будетъ первымъ, а не ты, князекъ-мальчишка!.. Только надо разузнать, что это за дѣвка, чья она; я, кажись, хорошо мелькомъ ее видѣлъ. Допрошу, дознаюсь, что за птицу держитъ взаперти Овчина-Оболенскій“, злорадствовалъ бояринъ Шигона.

Онъ не сталъ дожидаться князя и отправился прямо во дворецъ.

XLI.

Шигона, — этотъ завистливый хитрый царедворецъ, завидовавшій всегда чужому успѣху и никогда не довольный своимъ положеніемъ, какъ бы высоко оно ни было, конечно, постарался воспользоваться добытыми имъ, благодаря случаю, интересными свѣдѣніями. Оставивъ теремъ князя Оболенскаго, гдѣ онъ такъ неожиданно встрѣтилъ прекрасную женщину, онъ немедленно отправился во дворецъ, чтобы обо всемъ доложить правительницѣ. Впечатлѣніе, произведенное сообщеніемъ Шигоны на Елену, было сильное. Женщина взяла верхъ надъ правительницей. Елена была внѣ себя отъ гнѣва. Шигона не зналъ еще, кто эта женщина, которую онъ встрѣтилъ въ саду у князя Оболенскаго, и потребность знать все доподлинно подсказала Еленѣ способъ открыть истину.

— Сейчасъ же пошли взять подъ стражу двухъ или

трехъ княжескихъ холоповъ,—приказала она Шигонѣ,—допроси ихъ, кто эта проклятая женщина. А не станутъ говорить, вели ихъ пытать,—пусть подъ страшной пыткой скажутъ правду.

— Слушаю, государыня-матушка!

Обрадованный, что сумѣлъ вызвать въ Еленѣ гнѣвъ на Оболенскаго, Шигона собирался было уходить, чтобы исполнить приказъ правительницы, но его удержали.

— Постой, Иванъ Юрьевичъ, сдѣлай все такъ, чтобы самъ князь Иванъ про то не вѣдалъ. Понялъ?

— Понялъ, государыня.

Шигона немедленно снарядилъ стрѣльцовъ къ терему князя Оболенскаго, наказавъ имъ привести двухъ княжихъ холоповъ въ сыскной приказъ.

Для опытныхъ въ такихъ дѣлахъ стрѣльцовъ это было дѣломъ весьма легкимъ. Первые попавшіеся имъ у воротъ княжескаго терема холопы были схвачены и доставлены въ приказъ, гдѣ ихъ немедленно стали опрашивать въ присутствіи бывшаго ужъ тутъ Шигоны.

— Что за дѣвка живетъ въ княжескомъ терему?—былъ первый вопросъ, предложенный имъ на допросѣ.

— Не знаемъ, бояринъ,—отвѣтили слуги въ одинъ голосъ.

— Если живыми быть хотите, сказывайте, а не то пытать велю и допытаюсь правды!—крикнулъ на нихъ Шигона.

— Въ княжескомъ терему ни дѣвокъ ни женщинъ чужихъ нѣтъ,—твердо сказалъ одинъ изъ холоповъ.

— А я нынче самъ видѣлъ въ княжескомъ саду красивую дѣвку. Сказывайте же, кто она?

— Не знаемъ. Можетъ, видѣлъ ты, государь, какую-нибудь дворовую дѣвку: онѣ по саду-то часто ходятъ.

— Не виляй, разбойникъ: въ такихъ сарафанахъ дворовыя дѣвки не ходятъ.

Вѣрные слуги князя Оболенскаго упорно молчали. Шигона тогда приказалъ ихъ пытать. Одинъ изъ холо-

повъ умеръ подъ пыткой, но не сказалъ ни слова; другой не вынесъ безчеловѣчныхъ страданій и разсказалъ о тайномъ бракѣ своего князя и о томъ, на комъ былъ женатъ князь Иванъ Ѳедоровичъ.

Шигона торжествовалъ; онъ уже былъ увѣренъ, что могуществу Оболенскаго пришелъ конецъ, и радовался его паденію. Но, видно, не долго пришлось ему радоваться. Послѣ перваго горячаго объясненія съ Оболенскимъ, Елена провела нѣсколько мучительныхъ дней и, наконецъ, не выдержавъ терзанія, послала за нимъ.

Князь былъ принятъ въ горницѣ правительницы. Какъ оправдалъ себя Оболенскій передъ Еленой, что они другъ другу говорили — осталось неизвѣстнымъ. Прошло нѣсколько минутъ, и князь Овчина-Оболенскій вышелъ изъ горницы тѣмъ же сильнымъ и могущественнымъ приближеннымъ правительницы, какимъ онъ былъ прежде. Гордо прошелъ онъ мимо толпившихся въ передней бояръ и остановилъ свой презрительный взглядъ на смущенномъ Шигонѣ.

— Иванъ Шигона!—обратился онъ къ нему.— Отъ имени великой княгини правительницы объявляю тебѣ опалу; жить тебѣ покуда до рѣшенія въ твоемъ терему; а лучше будетъ, если ты уберешься изъ Москвы по-добру, по-здорову.

Старикъ стоялъ, какъ пораженный громомъ.

Оболенскій вышелъ, преслѣдуемый полнымъ ненависти взглядомъ Шигоны. На бояръ опала старика произвела впечатлѣніе своей неожиданностью. На него смотрѣли теперь, какъ на чужого, и никто не рѣшался заговорить съ когда-то сильнымъ царедворцемъ. Только одинъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, бывшій здѣсь въ числѣ другихъ, рѣшился подойти къ опальному и заговорилъ съ нимъ:

— Что, Иванъ Юрьевичъ, ожогся? И чуденъ же ты, бояринъ: такого богатыря сломать задумалъ! Нѣтъ! Не скоро его скрутишь. Поди-ка теперь, ударь челомъ

Ивану Оболенскому, прощеніе у него попроси: авось проститъ...

— Я?! я?! просить прощенія? У мальчишки милости выпрашивать?.. Никогда! — протестовалъ Шигона.

— Эхъ, братъ, жалѣя свою шкуру, попросишь.

— Лучше живота лишусь, а прощенія у него просить не стану.

— Попросишь, — смѣялся Шуйскій.

— Не стану! Говорятъ тебѣ, не стану.

— Ну, ну, ладно, пожалуй, и не проси! Мнѣ что? А ты, Иванъ Юрьевичъ, завтра на пиръ ко мнѣ пожалуй — радъ буду гостю дорогому. Придешь?

— За честь, князь Василій Ивановичъ, спасибо, еще за то спасибо, что мною, опальнымъ, не гнушаешься.

— Приходи, радъ буду. А Оболенскаго до времени не трогай и побереги себя. Плетью обуха не перешибешь. Такъ завтра жду.

— Не премину, князь, быть.

Бояре уже давно разошлись. Шигона попытался было повидать „пресвѣтлыя очи“ правительницы, хотѣлъ просить у нея милости и правды; но Елена не приняла его. Шигона принужденъ былъ возвратиться въ теремъ и здѣсь ожидать своей дальнѣйшей участи.

XLII.

Отношенія князя Оболенскаго къ правительницѣ были совершенно неизвѣстны его женѣ. Молодая женщина пребывала въ сладкомъ заблужденіи, что она любима своимъ мужемъ, и это наполняло радостью и довольствомъ все ея существо. Но истина открылась. Случайно, когда княгиня была въ саду, она услышала разговоръ двухъ своихъ слугъ, не оставлявшій никакихъ сомнѣній въ томъ, что она навсегда потеряла любовь мужа.

Холопы толковали о размолвкѣ, происшедшей между Еленой и княземъ, какъ о событіи, ставшемъ уже достояніемъ народной молвы.

— А знаешь, что вражда эта въ пользу будетъ нашей княгинюшкѣ:—высказалъ предположеніе одинъ изъ нихъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Теперь того и жди, что нашъ князь уѣдетъ изъ Москвы въ свою отчину и возьметъ съ собою княгинюшку, про правительницу забудетъ, а жену свою опять полюбитъ, и заживутъ они попрежнему въ любви и согласіи.

— Дай-то Богъ! А то ужъ очень жаль княгинюшку: обманываетъ ее, сердечную, князь.

— Плохо дѣлаетъ нашъ князь. Грѣхъ ему, и отвѣтитъ онъ за женино горе, за ея слезы горючія.

Слуги ушли. Сердце молодой женщины разрывалось на части. Она такъ горячо, такъ безпредѣльно любила мужа, въ немъ одномъ она видѣла всю свою радость, все свое счастіе,—и что же? Онъ ее обманываетъ, онъ даритъ свои ласки другой! Ревность и злоба на разлучницу терзали сердце молодой женщины.

„Такъ вотъ почему онъ держитъ меня взаперти, вотъ почему онъ проводитъ все время въ великокняжескомъ терему! Иванъ, Иванъ, зачѣмъ ты обманулъ меня, зачѣмъ загубилъ ты мое счастіе! Безъ твоей любви мнѣ не жить на бѣломъ свѣтѣ“.

— Княгиня, матушка, гдѣ ты?

Она услышала голосъ окликавшей ее нянюшки и поспѣшила отозваться;

— Здѣсь я, здѣсь! Что надо?

Найдя княгиню, нянюшка передала, что вернулся князь домой и желаетъ ее видѣть.

Княгиня поспѣшила къ мужу.

— Садись, Марья, мнѣ надо съ тобою поговорить,— ласково встрѣтилъ князь свою жену.

— Готова тебя слушать,—отвѣтила княгиня и сѣла рядомъ съ мужемъ.

— Марья, ты знаешь, какъ я тебя любилъ?

— Знаю, князь, знаю!

— Надо намъ съ тобой разстаться.

— Какъ?.. Зачѣмъ разстаться?—недоумѣвала молодая женщина

— Не надолго, княгинюшка! Поживешь ты въ моей ростовской усадьбѣ. Я буду наѣзжать туда...

— Ахъ, князь, понимаю я тебя: мѣшаю я здѣсь, живучи въ Москвѣ, мѣшаю...

— Никому ты не мѣшаешь, а надобно тебѣ уѣхать: великая княгиня провѣдала про тебя, какъ я ни скрывалъ отъ всѣхъ своей женитьбы.

— Зачѣмъ скрывать меня? Не пришлая я, не полюбовница, а законная твоя жена!.. Теперь я и сама не буду скрываться... Я... я всѣмъ скажу, что я твоя жена,—горячо заявила княгиня.

— Постой! Забыла, что ли, ты, что Сабуровскаго ты рода, что твоя сестра въ монастырѣ, въ опалѣ?

— Чѣмъ я виновата, что моя несчастная сестра томится въ тѣсной, душной кельѣ?

— Не легко и мнѣ съ тобой разставаться, да на то воля правительницы.

— Скажи, Иванъ, любишь ты меня?—вдругъ спросила княгиня.

— Что спрашиваешь! Сама знаешь, что люблю,—не смотря на жену, тихо отвѣтилъ Оболенскій.

— Зачѣмъ же ты отворачиваешься? Смотри мнѣ прямо въ глаза и отвѣчай.

— Съ чего пытать вздумала? Не первый годъ съ тобою живемъ.

— Зачѣмъ меня ты обманулъ, зачѣмъ надъ моею любовью насмѣялся?

— Что ты говоришь, Марья!—Князь Овчина-Оболенскій поблѣднѣлъ и растерялся.

— Ахъ, Иванъ! Зачѣмъ ты меня обманулъ? Я все знаю, и нечего тебѣ отпираться. Посмѣй сказать, что все это ложь.

— Скрывать не буду, правда, — тихо отвѣтилъ князь. — Сама теперь видишь, что жить тебѣ въ Москвѣ нельзя.

— Да, да, бѣжать надо скорѣе, бѣжать отсюда въ Суздаль, къ сестрѣ, въ монастырь, обѣ мы злополучныя: у меня и у Соломоніи Елена отняла мужа. Будь она проклята, злодѣйка!

Княгиня вся въ слезахъ выбѣжала изъ горницы, рѣшивъ про себя оставить немедленно теремъ, гдѣ она была счастлива, не подозрѣвая злой своей судьбы.

Княгиня Марья исполнила свое намѣреніе. Никому не сказавъ ни слова, она отправилась къ сестрѣ, въ Суздаль, въ Покровскій монастырь.

— Пригрѣй меня, сестра, дай мнѣ пріютъ, горемычной. Измучилась я, изстрадалась, — говорила княгиня Марья, обнимая Соломонію.

— Марьюшка, ужъ какъ я рада тебѣ! Но вѣдь моя келейка тѣсна и мрачна, — по нраву ли тебѣ придется жить здѣсь, вѣдь ты привыкла къ богатымъ хоромамъ.

— Сестрица-матушка, припомни-ка свою жизнь прежнюю: жила ты въ государевомъ теремѣ, въ чести да въ славѣ, а теперь, чай, привыкла и къ келейкѣ своей.

— Да, привыкла. А легко ли было привыкать? Сколько слезъ пролила, сколько горя вынесла. Обѣ мы съ тобой, сестра, несчастны, одна у насъ съ тобой разлучница-злодѣйка.

— Сестрица-матушка, простимъ ее, не будемъ помнить зла...

— Простить!?. Простить Елену? Никогда! За все зло, что сдѣлала мнѣ, простить?! Да и не одной мнѣ, — и ты, моя голубка, попалась къ злой волчихѣ... и у тебя она отняла счастіе, отравила твою молодую жизнь.

— Повѣрь, матушка-сестрица, за зло, за наши слезы съ нея Господь взыщетъ!

— Охъ, завидую тебѣ, Марьюшка! — сказала Софья, цѣлуя свою сестру.

— Чему, сестрица, завидовать?

— Твоей добротѣ, сердцу твоему незлобливому я завидую. Не такая ты, какъ я, не такая злая; я не могу простить своимъ врагамъ! Гордыня обуяла. О, Господи, прости и помилуй! — Монахиня Софія стала усердно молиться.

Княгиня Марья осталась у нея въ кельѣ. Скоро она привыкла къ тихой монастырской жизни; ходила въ церковь на каждое богослуженіе. Старушка-игуменья полюбила княгиню и разрѣшила ей до времени жить въ монастырѣ; Марья стала просить у игуменьи послушанія.

— Какое, княгинюшка, я дамъ послушаніе! У тебя ужъ есть послушаніе, безъ ропота его неси.

— Какое послушаніе у меня, матушка? — не догадываясь, спросила у игуменьи княгиня.

— А муженекъ-то твой князь развѣ не на послушаніе, сердечная, тебѣ даденъ? Охъ, не легко тебѣ, княгинюшка, вижу. Что жъ подѣлаешь, терпи! Поживи у насъ въ обители, вѣдь у насъ хорошо, тихо, покойно.

— Поживу, матушка-игуменья, если дозволишь.

— Живи, пока не соскучишься. Я келейку велю тебѣ дать, — говорила добрая игуменья.

— Я съ сестрой бы хотѣла, матушка.

— Охъ, не сживешься съ ней: больно она сварлива, ничѣмъ ей не потрафишь. Но хочетъ смириться, все о быломъ вспоминаетъ. Да и тѣсно жить тебѣ съ Софьей: келья у нея малая, мрачная.

— Другую бы келью дала сестрѣ?

— И дала бы, съ радостью дала, да не велятъ. Велятъ держать ее въ холодной, тѣсной кельѣ, кормить суровой пищей, держать строго. Ну, я не все выпол-

няю — вѣдь жаль Софью!.. Тяжелая выпала ей на долю судьбина, тяжелая, — задумчиво сказала игуменья и побрела къ себѣ въ келью.

Княгинѣ Марьѣ отвели хорошую, чистую келью. Она, нехотя, перешла туда, разставшись съ мыслью быть неотлучно съ сестрою, съ которой она раздѣляла горькую участь.

XLII.

Въ богатомъ теремѣ именитаго князя Василія Васильевича Шуйскаго большой пиръ. Еще съ ранняго вечера стали съѣзжаться почетные, званые и незваные, гости. Былъ въ числѣ гостей и опальный бояринъ Иванъ Юрьевичъ Шигона. Князь Шуйскій, несмотря на опалу, причислилъ его къ своимъ почетнымъ гостямъ! Тутъ же былъ и великій конюшій великокняжескій князь Овчина-Оболенскій, и много другихъ приближенныхъ къ правительницѣ думныхъ бояръ.

Въ огромной горницѣ былъ накрытъ столъ, положительно ломившійся подъ тяжестью золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, братинъ и другой посуды, наполненной заморскими винами, медомъ янтарнымъ и крѣпкой брагой. Яствъ на столѣ было въ изобиліи.

Собравшіеся гости были поражены блескомъ пира и недоумѣвали, по какому случаю князь Василій Шуйскій устроилъ такую пышную вечерю; на нетерпѣливые и любопытные вопросы князь отмалчивался, и гости оставались въ неизвѣстности. Шигона былъ тоже въ числѣ любопытствующихъ. Наконецъ, и онъ не выдержалъ, подошелъ къ хозяину и спросилъ:

— Дозволь, князь Василій Васильевичъ, спросить, по какой радости устроилъ ты такой пиръ?

— А тебѣ больно знать хочется?

— Скажи, княже, не я одинъ того хочу. Почитай, всѣ твои гости не знаютъ этого.

— Потерпи немного, бояринъ, узнаешь. Вотъ сядемъ мы за столъ,—я и разрѣшу ваши недоумѣнія.

Настало время садиться за столъ. Всѣ усѣлись по порядку и по чину. На почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ хозяиномъ, оставлены были незанятыми два стула, обитые золотой парчей, съ высокими стѣнками.

— Вѣрно, князь ждетъ еще двухъ почетныхъ гостей,—говорили гости.

Князь Василій Васильевичъ всталъ, между тѣмъ, съ своего мѣста и, обращаясь къ своимъ гостямъ, сказалъ:

— Всѣ вы знать хотите, по какой причинѣ я вечерю устроилъ. Такъ вотъ слушайте: эта вечеря есть брачный пиръ.

Гости были удивлены еще больше.

— Брачный пиръ! Да кто же женился, ужъ не самъ ли князь?!—недоумѣвали они.

Шуйскій налилъ до верху золотой кубокъ виномъ „заморскимъ“ и громко сказалъ:

— Наливайте въ кубки вина—выпьемъ за здоровье молодыхъ.

Вино было выпито съ радостнымъ крикомъ.

— Гдѣ же молодые, князь Василій Васильевичъ?—спросилъ у Шуйскаго Шигона.

— Нетерпѣливъ же ты, бояринъ! — съ усмѣшкою отвѣтилъ князь.

— Не томи, княже, покажи намъ молодыхъ!—упрашивалъ Шигона.—Мы пили за ихъ здоровье, а кто они—не знаемъ.

— Сейчасъ увидишь. Да ты ихъ, Иванъ Юрьевичъ, и безъ того знаешь: и молодого знаешь, а молодая приходится тебѣ сродни.

Шигона сгоралъ отъ любопытства.

— Правду говорю, бояринъ, вотъ увидишь! Эй, попросите нашихъ молодыхъ!—крикнулъ князь прислужникамъ.

Широко отворились двери, въ горницу вошли моло-

дые, одѣтые въ дорогіе брачные наряды. Читателямъ не трудно догадаться, что это были Борисъ Дятловъ съ его молодою женою.

Неожиданное появленіе Бориса и Нади какъ громомъ поразило стараго Шигону; онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Поздравьте, дорогіе гости, молодыхъ и пожелайте имъ счастливой, долгой жизни! — весело проговорилъ князь-хозяинъ.—А ты, бояринъ, что смотришь? Встань и дочку съ зятемъ обойми, благослови ихъ и счастья пожелай!—обратился онъ къ Шигонѣ, который сидѣлъ мрачно, опустивъ свою сѣдую голову.

— Спасибо, князь, удружилъ, знатное посмѣшище устроилъ мнѣ, старику... Большое тебѣ спасибо!

— Не сердись, бояринъ, а лучше поблагодари меня.

— Я и то благодарю!

— Ты вотъ отъ дочери отказался, а я ей вмѣсто отца, видишь, свадьбу справилъ.

— И ладно! Твое дѣло! За то тебѣ и спасибо великое!

Шигона, въ высшей степени раздраженный, не глядя ни на дочь ни на зятя, направился къ дверямъ.

— Куда же ты, Иванъ Юрьевичъ?—спросилъ Шуйскій.

— За приставомъ, чтобы забрать этого вора,—указалъ Шигона на Дятлова.

— Ошибся малость, бояринъ! У князя Шуйскаго въ гостяхъ нѣтъ воровъ. И тотъ, на кого ты показалъ, не воръ, а ловчій великокняжескій и мой дорогой гость! А кто въ гостяхъ у Шуйскаго, того ни одинъ приставъ не посмѣетъ пальцемъ тронуть!—разсердился Шуйскій.

Шигона стоялъ на своемъ и намѣревался уйти, чтобы принять мѣры противъ своего лютаго ворога.

— Полно, бояринъ. Примирись съ дочерью и съ зятемъ!—продолжалъ уговаривать Шигону князь Шуйскій.

— Никогда! Нѣтъ у меня дочери, а врага своего я зятемъ не назову.

— Батюшка, родной батюшка, смилуйся, не кляни!— Надя опустилась на колѣни передъ суровымъ отцомъ.

— Слушай, Иванъ Юрьевичъ, прости и дочь и зятя, если хочешь со мною въ дружбѣ жить! Простишь имъ, мнѣ будешь ты пріятель навѣки, не простишь — недругомъ тебя сочту. Такъ и знай! Выбирай любое.

Слова Шуйскаго подѣйствовали сразу. Шигона, опальный бояринъ, которому, быть-можетъ, грозила еще худшая участь, не могъ отказаться отъ дружбы съ „первымъ бояриномъ" на Руси. Быть недругомъ Шуйскому значило усиливать опасность своего положенія. Князь Василій Васильевичъ былъ силенъ и крѣпко стоялъ у трона правительницы. Онъ былъ первый бояринъ въ думѣ, и Елена во всемъ слушалась князя; даже любимецъ правительницы, князь Овчина-Оболенскій, и тотъ побаивался Шуйскаго.

— Твоимъ недругомъ, князь Василій Васильевичъ, я не хочу быть и ради твоей дружбы дочь свою прощаю... И Дятлова своимъ зятемъ признаю,—волей неволей принужденъ былъ согласиться Шигона.

— Вотъ и давно бы такъ! Спасибо, Иванъ Юрьевичъ, послушалъ ты моихъ словъ. За это я передъ великой княгиней заступникомъ буду,— обнимая Шигону, сказалъ Шуйскій и прибавилъ ему на ухо:—И съ княземъ Иваномъ Оболенскимъ тебя помирю. До времени и это пригодится.

Итакъ Шигона примирился съ дочерью и съ зятемъ. Счастью Нади не было конца. Дятловъ тоже былъ несказанно радъ и сердечно благодарилъ Шуйскаго.

Веселый пиръ продолжался до самаго утра. Шуйскій сдержалъ свое слово и помирилъ Шигону съ всесильнымъ княземъ Оболенскимъ. На другой день князь Василій Васильевичъ поѣхалъ къ Еленѣ и „выгородилъ" Шигону передъ правительницею; Шигону простили; опала была съ него снята, и онъ попрежнему занялъ свое почетное мѣсто при дворѣ.

Борисъ Дятловъ съ красавицей женою прямо съ веселаго пира поѣхалъ въ свой давно пустовавшій теремъ. Обрадованная дворня встрѣтила своихъ господъ искреннѣйшими и сердечнѣйшими пожеланіями. Для Дятлова настала новая жизнь. Все пережитое горе, всѣ бѣды и несчастія ушли на задній планъ и скоро были позабыты. Покровительствуемый княземъ Шуйскимъ и княземъ Оболенскимъ, онъ чувствовалъ себя счастливымъ и въ безопастности и мечталъ о безмятежной жизни съ дорогой и любимой Надей.

XLIII.

Правительница стала съ нѣкоторыхъ поръ задумчива и раздражительна; на нее трудно было теперь угодить даже и любимому князю Овчинѣ-Оболенскому. Елена скучала и не знала, чѣмъ разогнать тоску. Поѣздки по городамъ—и тѣ не давали ей никакого развлеченія. Она пресытилась властью, ей надоѣло повелѣвать. Произошелъ какой-то странный, никому непонятный переломъ. Въ это время кто-то сказалъ Еленѣ, что за Москвой-рѣкой, близъ густого лѣса, живетъ ворожея, которая хорошо и вѣрно узнаетъ прошедшую и будущую жизнь всякаго человѣка. У Елены явилось страстное желаніе побывать у этой женщины. Она нарядилась въ самое простое платье и, взявъ съ собою свою приближенную боярыню, позднимъ вечеромъ отправилась къ ворожеѣ.

Ворожею прозывали Сычихой. Это была дряхлая, костлявая старушонка, съ сѣдыми нависшими бровями; отъ старости ея сѣдая голова безпрестанно покачивалась; избенка, гдѣ она жила, была такъ же ветха, какъ и сама Сычиха.

— Зачѣмъ пожаловала?—сурово спросила она у Елены, пристально смотря на нее потускнѣвшими глазами.

— О судьбѣ своей узнать, —отвѣтила ей смущенная правительница.

— Поздно, поздно хватилась о судьбинѣ гадать,— зашамкала старуха.

— Почему поздно, старуха?

— Что знаю, то и говорю. О другомъ тебѣ надо думать, о другомъ.

— О чемъ другомъ?

— А вотъ сейчасъ увидишь!

Сычиха налила въ деревянную миску свѣжей воды. Долго она шептала надъ миской, потомъ стала пристально смотрѣть въ воду.

— Охъ, худо, худо!—качая головой, промолвила она.

— Ты меня пугаешь, старуха!

— Что проку тебя пугать, сама хоть посмотри.

Робко подошла Елена къ мискѣ и стала смотрѣть въ воду.

— Ничего не вижу.

— А я вижу... Вижу новый тесовый гробъ, прикрытый золотымъ покровомъ, а въ гробу...

Сычиха не договорила.

— Кто въ гробу? Сказывай, старуха! — крикнула Елена не своимъ голосомъ.

— Ты, великая княгиня!

— Врешь, старая, врешь! Я сжечь тебя, проклятая, велю! Пойдемъ, пойдемъ отсюда, изъ этого проклятаго мѣста! Мнѣ страшно... — проговорила Елена, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Мрачной и печальной вернулась правительница въ свой теремъ великокняжескій.

Съ этого дня перемѣна съ Еленой сдѣлалась еще рѣзче. Приближенные ломали голову, чтобы узнать причину этой перемѣны, но никто не могъ добиться истины.

Настало 3 апрѣля 1538 года.

Великая княгиня проснулась въ этотъ день раньше обыкновеннаго; ей нездоровилось. Елена приказала привести къ себѣ своихъ сыновей—восьмилѣтняго Ивана,

будущаго Грознаго царя, и маленькаго Юрія. Долго она ласкала дѣтей, потомъ перекрестила ихъ и, обращаясь къ надзирательницѣ старшаго сына, Іоанна,— боярынѣ Аграфенѣ Челядиновой, сказала:

— Гляди, Аграфена, береги его, пуще своего глаза береги. Ванюша мой—надежда всей Руси.

— Будь спокойна, матушка великая княгиня!

— Тебѣ недужится, мама?—обнимая мать, нѣжно спросилъ маленькій Іоаннъ.

— Нѣтъ, Ванюша, нѣтъ... Я... я здорова.

— Какая, мама, ты блѣдная!

— Голова у меня немножко болитъ... пройдетъ... Ступайте къ себѣ и играйте, милыя дѣтки.

Боярыня Челядинова увела дѣтей.

„Да, да, только они и любятъ меня,—раздумывала Елена, послѣ ухода дѣтей.—Всѣмъ я чужая. Народъ не любитъ меня, какъ пришлую. Ни въ комъ любви не вижу. Сегодня снились мнѣ мужъ мой, покойный великій князь, и дядя Михаилъ. Они руками меня манили, къ себѣ звали. Не умереть бы мнѣ? Охъ, тяжело мнѣ... И грудь давитъ, душитъ!.. Видно, смерть ужъ ждетъ меня. Что жъ? Смерть не страшна мнѣ. Я сдѣлала кое-что на своемъ вѣку, за пять лѣтъ моего правленія. Король польскій Сигизмундъ склонилъ передо мною свою кичливую голову и проситъ теперь о мирѣ. Ливонцы и шведы смирились и больше намъ войною не угрожаютъ. Германскій императоръ проситъ о помощи противъ турокъ. Все это дѣло рукъ моихъ. Меня упрекаютъ въ жестокости противъ братьевъ покойнаго мужа, но надо было мнѣ быть жестокой, чтобы укрѣпить престолъ за сыномъ. Народъ мнѣ не судья... Судить Господь будетъ! Ему дамъ отчетъ въ моихъ грѣхахъ“.

Елена мысленно окинула взоромъ всю свою жизнь и, чувствуя теперь приближеніе смерти, оправдывала себя въ собственныхъ своихъ глазахъ и передъ собственной совѣстью.

— Матушка-государыня, ты бы прилегла... Нездоровится тебѣ? — тихо вступая въ горницу, участливо сказала любимая ея боярыня.

— Да, да, недужится мнѣ, голова кружится и грудь давитъ.

— Нѣмца-лѣкаря приказала бы позвать.

— Не надо, и такъ пройдетъ, я прилягу...

— Прилягъ, матушка, прилягъ.

Правительница легла на свою постель; боярыня заботливо прикрыла ее бархатнымъ одѣяломъ, обложеннымъ горностаемъ, и тихо вышла изъ спальнаго покоя. Спустя часа два, она снова вошла въ опочивальню и, подойдя къ постели правительницы, отшатнулась въ страшномъ испугѣ. Елена была мертва.

Великая княгиня скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ. Современникъ, баронъ Герберштейнъ, въ запискахъ своихъ говоритъ утвердительно, что Елену отравили ядомъ.

До настоящаго времени не выяснено, какой смертью окончила свои дни Елена, — отравили ли ее, или она сама себя отравила, или же, наконецъ, она просто скончалась скоропостижно. Въ лѣтописяхъ не сохранилось ни одного извѣстія о болѣзни правительницы. Скончалась она 3 апрѣля, во второмъ часу дня, и, что всего болѣе странно, похоронили ее въ тотъ же день въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Извѣстіе о смерти правительницы встрѣчено было холодно. „Бояре и народъ не изъявили, кажется, и притворной горести“, только ея малолѣтніе сыновья горько оплакивали свою мать да еще князь Иванъ Овчина - Телепневъ - Оболенскій былъ въ страшномъ отчаяніи.

Съ кончиною Елены кончились и его счастливые дни. Черезъ нѣсколько времени послѣ похоронъ Елены всесильный князь Василій Васильевичъ Шуйскій приказалъ схватить и заковать въ цѣпи Оболенскаго и его сестру боярыню Аграфену Челядинову, „несмотря на

слезы, на вопль державнаго беззащитнаго отрока. Малолѣтній великій князь любилъ Ивана Оболенскаго и его сестру и былъ къ нимъ привязанъ. Не судъ и не праведная, — пишетъ Карамзинъ, — не беззаконная лютая казнь была жребіемъ несчастнаго вельможи, коему за недѣлю предъ тѣмъ раболѣпствовали всѣ князья и бояре. Телепнева уморили голодомъ, какъ правительница или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей Іоанновныхъ; но злодѣйство не оправдываетъ злодѣйствія, и лѣтописцы осуждаютъ сію личную месть, внушенную завистію къ бывшему любимцу Елены, который хотѣлъ быть и любимцемъ сына ея. Телепневъ имѣлъ умъ, проявлялъ дѣятельность, благородное честолюбіе; не боялся оставлять двора для войны, и еще недовольный властію, хотѣлъ славы, которую даютъ дѣла, а не милость государей".

Его сестру, боярыню Челядинову, сослали въ Каргополь и постригли въ монахини.

Первымъ въ государствѣ сталъ честолюбивый князь Василій Васильевичъ Шуйскій. „Дума, государство и самъ государь сдѣлались подвластны Василію Шуйскому и брату его, князю Ивану, также знаменитому члену совѣта. Шуйскіе стали могучими самовластными правителями. Василій Шуйскій, будучи старымъ вдовцомъ, женился на юной Анастасіи, дочери Петра, царевича коренскаго, чтобы утвердить себя на вышней степени трона". Владычество Василія Шуйскаго продолжалось всего шесть мѣсяцевъ. Онъ скончался вдругъ, давъ своею неожиданною смертью поводъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ. Послѣ смерти Василія Шуйскаго полновластнымъ, верховнымъ правителемъ сталъ братъ его, князь Иванъ; онъ „повелѣвалъ въ думѣ, какъ деспотъ, а во дворцѣ, какъ хозяинъ, и величался до нахальства".

Тяжелое, злое время настало на Руси; государь былъ малолѣтенъ, а бояре своевольствовали, клевреты Шуй-

скихъ „грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ зажиточныя мѣста или должности государственныя“. Но великій князь Иванъ Васильевичъ подросъ и положилъ предѣлъ своеволію бояръ. Юный государь твердою рукою взялся за кормило правленія.

Прошло 14 лѣтъ со смерти правительницы Елены. Престолъ московскій великокняжескій занималъ ея сынъ Иванъ Васильевичъ, самодержавный государь всея Руси. Молодой государь съ многочисленнымъ воинствомъ былъ теперь подъ Казанью. Не выдержали татары мужества и храбрости русскихъ воиновъ. Пали стѣны города Казани отъ твердыхъ мечей и бердышей храбрецовъ русскихъ. Казань покорена. Русскіе торжествуютъ: многолѣтняя война окончена; русскій стягъ развѣвался на высокой казанской башнѣ.

Нашъ старый знакомый, Борисъ Дятловъ, теперь уже воевода, храбро сражался съ своею дружиною подъ стѣнами Казани и чуть не первымъ вошелъ въ побѣжденный городъ.

Обходя поле сраженія, Дятловъ остановилъ свое вниманіе на одномъ раненомъ; черты его лица показались ему знакомыми; воинъ стоналъ отъ страшной смертельной раны, которая зіяла у него на груди. Дятловъ кликнулъ своихъ воиновъ и велѣлъ осторожно перенести раненаго въ русскую ставку; тамъ обмыли ему руку и перевязали ее. Боль немного утихла, и раненый сталъ спокойнѣе. Дятловъ не отходилъ отъ него.

— Спасибо, Борисъ Васильевичъ, спасибо, добрый воевода, — съ чувствомъ проговорилъ раненый, беря за руку Дятлова.

— Ты меня знаешь? — спросилъ у него Дятловъ.

— Да, я, бояринъ, знаю тебя. Ты вотъ только меня забылъ!

— Мнѣ лицо твое знакомо, только никакъ не припомню, гдѣ я тебя видѣлъ.

— Немудрено позабыть: вѣдь больше десятка лѣтъ съ тобой не видались. Ну, а какъ живетъ боярыня, жена твоя?

— Какъ, ты и жену мою знаешь? — удивился Дятловъ.

— Знаю, видалъ...

— Но кто же ты, скажи...

— Забылъ ты, бояринъ, Стрѣлу!

— Неужто это ты? — обрадовался Борисъ.

— Вотъ гдѣ, Борисъ Васильевичъ суждено встрѣтиться.

— Но вѣдь ты былъ...

— Атаманомъ разбойниковъ... Давнымъ-давно, бояринъ, оставилъ я это постыдное ремесло. По святымъ обителямъ ходилъ, замаливалъ свои грѣхи... А какъ услыхалъ, что царь-батюшка собираетъ воинство противъ татаръ подъ Казань — ну, я и пошелъ и своею кровью искупилъ свои грѣхи. Теперь Господь меня проститъ, проститъ.

Продолжительный разговоръ утомилъ раненаго... Онъ опять заметался и застоналъ отъ мучительной боли; онъ впалъ въ безпамятство.

За нѣсколько минутъ до смерти Стрѣла пришелъ въ себя, позвалъ священника, который и приготовилъ умирающаго къ загробной жизни. Воевода Дятловъ закрылъ дрожащими руками глаза умершаго своего друга и, припавъ къ его холодному трупу, тихо плакалъ. Старичокъ-священникъ сталъ служить панихиду по новопреставленномъ воинѣ Михаилѣ.

КОНЕЦЪ.